

Могут ли мужчина и женщина быть
только друзьями?

Не тогда, когда *нечто неожиданное*
врывается в их жизнь.

нечто неожиданное

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/kn_books) *

кэролайн
нолан

Могут ли мужчина и женщина быть ТОЛЬКО друзьями? Шейн Карлайл и Ли Кессел так и думали. Они оставались лучшими друзьям на протяжении многих лет и были довольны этим положением дел. Однако их друзья в это не верили и не понимали, как двое свободных взрослых людей никогда не думали пересечь эту черту. Так было вплоть до празднования дня рождения, когда слишком много текилы и новообретенное любопытство сделали невозможным для Шейна и Ли не думать об этом. В итоге, вместе они пересекли эту черту, пообещав себе и друг другу, что ничего не изменится и что мужчина и женщина ВСЕ ЕЩЕ могут остаться друзьями. Но все изменилось. Все, что они однажды запланировали, разрушилось. Обещания, которые дали друг другу, оказались нарушены. И когда-то простая, не осложненная ничем дружба, переросла во что-то... совершенно противоположное. Сталкиваясь лицом к лицу с последствиями своих действий, Шейн и Ли задаются все тем же вопросом. Могут ли мужчина и женщина быть только ДРУЗЬЯМИ? Не тогда, когда нечто неожиданное врывается в их жизнь.

- [НЕЧТО НЕОЖИДАННОЕ](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Эпилог 2](#)
-

НЕЧТО НЕОЖИДАННОЕ

Кэролайн Нолан

Главы: Пролог+24 главы+Эпилог

Переводчик: Анастасия Л.

Редакторы: Мария С., Дарья Х.

Вычитка и оформление: Таня П.

Обложка: Таня П.

ВНИМАНИЕ! Копирование без разрешения администрации группы и переводчиков
ЗАПРЕЩЕНО!

Специально для группы: К.N ★ Переводы книг

(https://vk.com/kn_books)

ВНИМАНИЕ!

Копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков запрещено!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Пролог

Сначала приходит любовь...

Затем брак.

Затем...

Так, стоп...

Шейн

Пять лет назад

Громкие звуки хип-хопа взрывались от пола до потолка, вырываясь из колонок по всему дому. Отброшенные пустые красные пластиковые стаканчики валялись на полу. В то время наполненные стояли на любом доступном месте в комнате: между DVD, стоявших в шкафчике, среди журналов по фитнесу на журнальном столике и на каждом сантиметре огромной полки, нависавшей над ни разу не использованным камином.

В каждой щели находились люди. Каждый угол был занят пьяными студентами колледжа, смеющимися, кричащими и танцующими. Группы девчонок терлись друг о друга в центре гостиной, их тела двигались под оглушительные звуки Эминема. А из угла в их сторону доносились вопли и свист от членов братства, от тех, кто не был занят соревнованием, кто быстрее выпьет свое пиво. Группка людей, сидевшая на небольшом диванчике, том, что осталось от мебели в комнате, скручивала и курила травку, передавая сигареты по кругу. Воздух вокруг них сгустился и превратился в смог. Пройти мимо них уже было достаточно для того, чтобы немного унесло. Наверху я увидел парочку, открывающую и закрывающую двери всех доступных спален, чтобы начать свою собственную вечеринку.

Это обычная студенческая вечеринка, такая же, которую вы можете увидеть во всех когда-либо снятых фильмах. Прямо рядом с красивыми девчонками находились игроки в футбол и представители любых других социальных кругов. Только в отличие от главного героя этих фильмов я не погруженный в раздумья квотербек студенческой команды, или одиночка, которому чуждо это все. Я не тот парень, который хотел бы оказаться в любом другом месте. Правда в том, что я наслаждаюсь вечеринками и пришел сюда по той же причине, что и все остальные. Чтобы повеселиться.

Я осмотрел толпу вокруг себя, но большинство лиц не узнал. Хотя вид неплох. Большинство этих незнакомых лиц принадлежит молоденьким девчонкам, с длинными струящимися волосами, сияющей загорелой кожей и улыбками на лицах.

Посещение шаблонных братских вечеринок в Университете Южной Флориды определенно несло в себе бонусы. Короткие юбки и высоко обрезанные шорты, а иногда и вовсе обычное бикини были предпочитаемой формой. Я вращался среди этого всю свою жизнь. Будучи уроженцем Флориды, я привык видеть полуголых девиц везде. По этой причине я всегда могу угадать приезжих. Особенно парней. Те, кто приехал из Канзаса, Огайо или Мичигана, ходили с открытыми ртами, высунутыми языками, широко распахнутыми глазами и вращали головами из стороны в сторону.

Если быть честным и не выделять парней, приезжих девчонок также легко было опознать. Тех, которые наслаждались тем, что мама и папа больше не рядом и не могли видеть, что они надевали, вернее, что они с себя снимали. Тех, кто не привык к круглогодичному лету. Тех, кто считал, что чем больше кожи покажешь, тем более местной покажешься.

Я зашел в другую комнату и взглядом скользнул по брюнетке, которая, должно быть, пыталась сойти за чистокровную уроженку Флориды. Ее розовый топик был обрезан настолько коротко, что можно было увидеть ребра. Через всю грудь проходила, написанная блестящими буквами, надпись «Куколка». Ее выставленные напоказ бедра и живот извивались во время танца, а едва прикрытая грудь подергивалась под тонкой тканью.

Так как я был всего лишь двадцатиоднолетним юнцом, эти движения привлекли мое

внимание. Попробуйте найти студента, в жилах которого текла кровь, который бы не смотрел на нее. Но я знал, что все — от ее одежды до танцевальных движений — тщательно спланировано, потому что, когда Куколка посмотрела на меня и поймала мой взгляд, направленный на те блестящие буквы, она не одарила меня презрительным взглядом. Напротив, польщенная моим вниманием, она изогнула губы во флиртующую улыбку. Все, что двадцатиоднолетние парни хотели увидеть, двадцатиоднолетние девицы хотели показать.

— Шейн! Сюда, — крикнул мне мой лучший друг Брайан, дернув головой в свою сторону, показывая следовать за ним.

Его громкий голос пронесся над колонками, разрывая контакт между мной и Куколкой. Возможно, она и не была моим типом, но это не мешало мне молча поблагодарить Университет Майами за то, что они принимали приезжих со всей страны.

Я проложил свой путь через кухню и плотную толпу, которая слилась со столешницей, и направился в заднюю комнату дома. Я все еще никого не узнал, но это и не удивительно, так как больше не посещал этот колледж. Почти два года назад я бросил изучать бизнес и перевелся в другой, несколькими километрами далее по дороге. Теперь я изучал предмет, который захватил мое внимание с поры занятий по искусству в старшей школе — фотографию.

Не все были воодушевлены этой переменой. «Глупый и безответственный выбор», — слышал я неустанно. Оставить позади степень по бизнесу, которая гарантировала мне стабильность в будущем, ради смешной погони за хобби, которое имело самые ничтожные шансы перерасти во что-то большее. Такими были точные слова моего отца.

— Что за карьеру ты ожидаешь построить, имея степень по искусству? Если тебе повезет, ты будешь делать фотографии учеников! — говорил он абсолютно разочарованный.

Моя мать, напротив, была более понимающей. Она верила, что каждый должен следовать за своей страстью. В конце концов, она поддержала моего отца много лет назад, когда он организовал собственную компанию. Она заступалась за меня и мой выбор. Мама встала на мою защиту и уверяла, что мое обучение будет оплачиваться. Она встала на мою сторону против отца, убеждая, что я молод и пришло время использовать все свои возможности. Также мама приводила доводы, что для меня всегда останется возможность вернуться к бизнесу, если понадобится, и если я захочу. Она действительно была одной из немногих людей, которых я знал, что могли противостоять моему отцу.

Мой отец был одним из самых влиятельных людей в городе. Люди из мира бизнеса одновременно и восхищались им, и боялись его. Но дома он не имел никакой власти над мамой. Никогда я не был свидетелем этого в той степени, как тогда, когда он выписывал первый чек на мое обучение в новом колледже. Платеж, совершенный в пользу Международного Университета Искусств и Дизайна Майами. Возможно, он и уступил под влиянием какого-то уважения, но его злость была очень явной. Ручка вонзалась в бумагу, а стержень пронзал ее настолько сильно, что практически разрывал чек, пока он расписывался.

Мой колледж был довольно маленьким, даже близко не походил на тот, которому принадлежит братство Университета, где учится Брайан.

Мы с Брайаном встретились во время учебы на первом курсе, оба на одной бизнес-программе, оба жили в одном и том же дерьмовом жилом комплексе рядом с кампусом. Даже еще до того, как я поменял колледж, мои родители были уверены в том, что мне лучше жить дома, однако я настоял на том, чтобы получить настоящий опыт студенческой жизни. Я сказал им, что даже сам буду платить за аренду жилья, если это означает, что так смогу быть самостоятельным. К сожалению, эта дрянная квартирка была всем, что я мог себе позволить. Это был, определенно, шаг вниз после Корал Гейблс, который находился по соседству и где я вырос.

Не было никакой особо эмоциональной истории или показательного случая, которые бы объяснили нашу дружбу. Мы просто подружились. Сначала мы были в паре для группового проекта, затем стали ходить вместе в зал. Это привело к совместным тусовкам за пределами спортзала по ночам среди недели и в выходные. Все довольно просто.

Когда я сказал ему, что собираюсь бросить бизнес программу и перевестись в школу искусств, он был, несомненно, удивлен. Я получал отличные оценки в нашем классе, и, как и все, как я думал, он воспринимал мое увлечение фотографией только как хобби. Осознание того, что мы больше не будем в одном и том же классе или у нас будет разное расписание, потрясло нас больше, чем мы ожидали. Так что я предложил оставить то место, где мы жили до этого, и найти местечко где-нибудь посередине между нашими кампусами. Местечко побольше и получше. И мы стали соседями по комнате, вместо просто соседей.

— Мы уьем двух зайцев, — сказал он, — я смогу цеплять девушек, а ты сможешь заниматься своим искусством. Потом мы сможем это все продать.

Я четко дал ему понять, что мы не будем это продавать. Никогда.

Несмотря на то, что сейчас я в другом колледже, я все еще приходил с Брайаном на такие вечеринки. Меня поражало то, что, сколько бы братских вечеринок я ни посещал, большинство людей здесь для меня незнакомы. Каждый раз новые лица, не прекращающийся поток новых завсегдатаев вечеринок. Брайан знакомил меня с людьми, которых он встретил за последние два года, да и у меня самого никогда не возникало с этим проблем, но сегодня все ощущалось иначе. Как если бы кто-нибудь сам подошел познакомиться со мной для разнообразия.

Я пробирался через еще один переполненный коридор, стараясь протиснуться через очередь к ванной комнате, мимо парочки, которая решила в открытую лапать друг друга, не заботясь о толпе, которую начали собирать. Как только завернул за угол, в меня врезалось маленькое женское тело. Ее напиток разлился по ее голым ногам и темным сандалиям.

— Черт, — зарычала она, наклоняясь, чтобы рукой вытереть ноги.

— Прости, здесь толпа, — сказал я, извиняясь, хотя она была виновата так же, как и я.

— Мои сандалии испорчены!

Я проглотил намерение сказать ей, что, вероятно, они не испорчены, а только лишь забрызганы прозрачной жидкостью из стакана. Но проигнорировал ее трагичное замечание и принялся искать салфетки. Найдя относительно неиспользованную салфетку под пустой чашкой, я предложил ей. Она посмотрела на меня. Ее глаза слегка округлились, и она с удивлением вздохнула. Я сжал губы, стараясь скрыть улыбку, зная, что ее прежняя злость на меня сменилась на кое-что более приятное.

— Будет стыдно, если такие ножки до конца вечера останутся испачканными, — сказал я, подмигивая.

Салфетка так и осталась забытой в моей руке, пока мы стояли неподвижно.

Ее взгляд быстро прошелся по моей фигуре ростом более метра восьмидесяти, а затем она снова посмотрела мне в глаза. Не хотел бы, чтобы это звучало чересчур хвастливо, но я знал, что выгляжу довольно прилично. Хорошее телосложение, ровные зубы, кожа цвета кофе с молоком, но глаза выделялись. Неожиданно для моего цвета кожи. Зелено-голубые против кофейного оттенка кожи. Поразительный результат от моего чернокожего отца и белокурой матери. Контраст всегда выделялся и захватывал людей. Особенно девчонок.

— Нет, все в порядке. Просто немного обрызгала, — ее голос дрогнул.

Видели? И так каждый раз.

Моя улыбка стала шире, и я медленно прошелся взглядом вниз по ее телу.

— Ты уверена? — спросил я, кивая вниз к ее ногам.

Не осознавая того, она скрестила и сжала ноги.

— Да, — начала она, но это прозвучало почти как вопрос. Она слегка покачала головой. — Да, уверена, — теперь уже улыбаясь, повторила она. — Я — Шеннон, — она протянула руку, прислонившись плечом к стене.

Я продолжал улыбаться, мягко пожимая ее руку.

— Шейн.

— Ты учишься в этом колледже?

— Нет, — сказал я, покачав головой, и не сообщил ей больше информации.

Смущенная моим неинформативным ответом, она немного приоткрыла свой ротик, уголки ее губ опустились. Шеннон прищурила глаза и нахмурила брови. Я видел, что она подумывает сказать что-то еще, но в это время из-за угла появился Брайан.

— Шейн, — помахал он мне, — Я нашел их.

Приподняв брови, Брайан переводил взгляд с меня на Шеннон, и выражением лица он словно спрашивал, стоит ли ему оставить нас с ней наедине. Хотел ли я, чтобы он оставил меня с ней.

Практически незаметно ни для кого, кроме него, я покачал головой. И хотя она и была милашкой, ее предыдущее отношение уже отбило желание узнать ее получше.

Брайан кивнул и подождал, пока я попрощаюсь.

— Похоже, меня ждут друзья, — сказал я, указывая головой на Брайана.

— О, конечно. Может быть, я увижу тебя позже? — спросила она с надеждой в голосе.

Я улыбнулся, но, как и прежде, больше ничего не сказал. Я обошел девушку и направился туда, где ждал меня Брайан.

— Неудачно?

— Не.

Он оглянулся туда, где я оставил Шеннон.

— А она ничего. Может, мне стоит вернуться?

Я засмеялся.

— Поверь мне, — сказал я, подталкивая его вперед, — она тебе не подойдет. Мы найдем тебе кого-нибудь другого, — пообещал я ему.

Он пожал плечами, и мы продолжили идти в заднюю часть дома, где находилась игровая комната. Она была достаточно большой, чтобы вместить столы для пинг-понга и бильярда, пару игровых автоматов и лично мой любимый настольный футбол. Небольшая группка наших друзей зависала вокруг импровизированного бара, сидя на разномастных табуретках и разливая напитки. С большинством из этих парней я подружился на моем первом и единственном курсе учебы в этом колледже. Некоторые из них до сих пор мои друзья. У меня есть пара друзей в новом колледже, но они не из тех, кто любит вечеринки. Они больше страдающие, чувствительные и художественные натуры, проводящие свои выходные, созерцая в тишине. Я же, напротив, оказался любителем выпить и потрахаться субботним вечерком. А правда в том, что девчонки на братских вечеринках с большей вероятностью ищут того же, чем те, которые посещают поэтические вечера в кофейне. И я говорю это не осуждающе, просто констатирую факт.

— Сюрприз, сюрприз. Вы все смогли найти самое сытное местечко на этой вечеринке, — сказал Брайан, притягивая к себе барный стул.

— Удивлен, что вы потрудились найти нас, — парировал один из наших приятелей Стив. — Со всеми теми девчонками, которые так и хотят оказаться между нами?

Парни засмеялись, потому что все мы знали, что у Брайана всегда было только одно на уме, когда он приходил сюда. Это найти кого-нибудь, кто присоединился бы к нему на его персональной афтер-пати.

— Не переживай, приятель, — Брайан самодовольно улыбнулся, наполняя стакан водкой и каким-то миксом, который оказался перед ним. — Еще полно времени, чтобы найти кого-то особенного на эту ночь.

— Бедняжка, — ответил Стив, засмеявшись в свой стакан.

Брайан наполнил еще один стакан и протянул мне. Я отхлебнул и вздрогнул о того, насколько крепко он намешал.

Через несколько минут перепалки между Стивом и Брайаном, подошел Эдди и сел рядом со мной. Нас познакомил Брайан на втором курсе. После того как я ушел, Брайан сказал, что ему нужен кто-то для совместной работы по проектам, а Эдди казался умнее остальных. Очки, лохматые волосы, отчаянно нуждающиеся в стрижке, рубашка, застегнутая на все пуговицы и заправленная в брюки. И я понятия не имею, почему Эдди согласился быть партнером Брайана. Эти двое не могли бы быть еще более разными, как по характеру и внешности, так и в подходе к работе. Брайан был большим и громким. Эдди — худым и тихим. Брайан говорил до того, как думал. Эдди же просчитывал каждое слово, прежде чем произнести. Брайан все оставлял на последние выходные перед сдачей, в то время как Эдди к тому времени уже сделал большую часть. Но по мере того, как семестр продолжался, Эдди приходил все чаще и чаще, и казалось начал потихоньку вылезать из скорлупы. Вообще-то он был довольно прикольным парнем, если бы вы узнали его поближе. Я предполагал, что после окончания семестра, мы будем реже его видеть, поскольку у него с Брайаном больше не будет совместных занятий. Меня это немного печалило. Я стал привыкать к нему, слушая его шутки о чем угодно. Эдди был очень восхищен моими работами и постоянно спрашивал о скрытом смысле каждого снимка. Но когда начался новый семестр, он продолжал зависать с нами. В какой-то степени, он больше не был просто партнером Брайана по лабораторным, он стал нашим странным другом-ботаником.

— Вчера я прочитал захватывающую статью, в которой говорится, что Искусство — это вымирающий вид с нашей национальной экономикой, — сказал он, подталкивая свои очки в толстой оправе к носу. — Не побудит ли это тебя передумать и вернуться к степени по бизнесу?

Даже братские вечеринки с полуголыми танцующими девицами не смогли бы остановить Эдди от разговоров об экономике и бизнесе.

— Эдди, — перебил Брайан, — мы на гребаной вечеринке.

Эдди прищурился, как бы не понимая, как наше местонахождение связано с чем бы то ни было. Мне стало немного его жаль. Он ничего не смог бы с этим поделать. Он просто был такой... научный. Но будучи хорошим другом, я был к нему снисходителен.

— Почему бы тебе не прислать мне ссылку? Я просмотрю ее как-нибудь, — сказал я, зная абсолютно точно, что не стану этого делать, но Эдди закивал так восторженно, что мысленно я пообещал себе сделать это.

Я еще раз отхлебнул от своего чересчур крепкого напитка и перевел взгляд на пустой стол для футбола.

— Кто со мной? — спросил я.

Стив закатил глаза и отвернулся, Эдди смотрел на стол с опасением. Я посмотрел на Брайана, который только фыркнул.

— Почему нет?

— Ты что, смеешься? Ты воспринимаешь все это слишком серьезно, — сказал Брайан, уже наполняя свой стакан заново.

— Нет, это не так, — заспорил я. Все трое смотрели на меня с одинаковым безразличием.

Хорошо, возможно, однажды я и рассердился на Брайана, когда он не слушал мои невероятно четкие инструкции, и в отчаянии сломал голову одному из деревянных человечков. Но это было больше года назад. И я понял уже, что среагировал слишком бурно.

— Да ладно, давайте. Без напряжения, просто ради веселья... — я схватил его за плечо и слегка встряхнул. — Мы найдем несколько парней и сделаем ставки.

Брайан фыркнул уже громче, а затем сделал большой глоток своего напитка.

— Ну да, звучит точно как «ради веселья», — повторил он, прежде чем неохотно встать со стула и последовать за мной к столу.

Мы быстро нашли пару парней, которые с радостью сделали ставки на игру. Ничего крупного, но достаточно, чтобы пробудить интерес выиграть. Так как мы с Брайаном играли друг с другом уже много раз, мы знали, как двигаться синхронно и как лучше сразиться с противником. Но, к моему удивлению, после нескольких раундов, эти парни оказались гораздо лучше, чем я ожидал. Я делал все, что мог, чтобы скрыть это, но каждый раз, когда они забивали нам гол, я чувствовал на коже уколы отчаяния. А когда они сравнивали счет, мне понадобилась передышка. Так как на кону стояло немало, я повел плечами, стараясь снять зарождающееся напряжение.

— Давай оставаться спокойными. Ты слишком часто пытаешься переключаться, — сказал я Брайану, пока он наполнял свой стакан.

— Я понял, понял, — ответил он кивая. — Веселье, помнишь? — съязвил он.

— Забудь. Веселье кончилось, когда они сравнивали счет. Я не собираюсь проигрывать этим парням. Заканчивай пить и погнажи, — сказал я, допивая залпом то, что осталось у меня в стакане. Я смял пластиковый стаканчик в руке, чувствуя уверенность и будучи готовым выиграть эту последнюю битву. Так было до того, пока не появилась Она.

Кендалл Холтен.

Единственная девчонка, к которой клеился Брайан. Единственная девчонка, которая захватила его внимание дольше, чем на одну ночь. А это определенно не в духе Брайана. Но, очевидно, у Кендалл было что-то, что цепляло его.

Они встречались несколько месяцев назад. И хотя это было всего пару раз, ему понадобились недели, чтобы оправиться после этого. И я знаю точно, что в постели у них не зашло далеко. Почему у них все закончилось, я так до конца и не знал, но и по сей день она оказывала на него большое влияние. Если дело касалось бы любой другой девчонки, он бы забыл ее давным-давно, забыл и начал двигаться ко многим следующим. И он вроде как и двигался. Встречался со многими с тех пор, но каждый раз, когда они с Кендалл встречались лицом к лицу, он превращался в кого-то, кого я с трудом узнавал. Как потерянный щенок, молящий о любви. Обычно за этим было забавно наблюдать, но не тогда, когда это вставало на моем пути перед выигрышем.

— Привет, — улыбнулась она, наклонив голову, чтобы посмотреть мимо меня, как раз туда, где стоял Брайан.

Ее платье оставляло минимум для воображения, и сильный аромат клубники заструился вокруг нас. На мой взгляд, чересчур было сладко, но могу сказать, что Брайан уже был этим всем загипнотизирован.

Я перевел взгляд к небольшой, но существенной кучке двадцаток на краю футбольного стола.

— Привет, Кенни, — сказал Брайан голосом ниже на несколько октав. Он прочистил горло и выпрямился, став выше, и напряг плечи. Я понял, что должен увести его от нее, чтобы было время закончить нашу игру. В противном случае, это дело одной минуты, чтобы я потерял его окончательно.

— Нам следует вернуться, — прервал я, натянуто улыбаясь, делая шаг и вставая между ними.

Я повернулся и уставился на Кендалл, в некоторой степени блокируя Брайана от нее и

наоборот. Но Брайан слегка оттолкнул меня в сторону.

— О, конечно, — ее губы расплылись в грустной улыбке, она разочарованно смотрела то на меня, то на Брайана. Когда ее взгляд наконец-то остановился на нем, она сделала предложение, от которого Брайан не смог отказаться. Всего лишь несколько слов вырвалось из нее, но этого хватило, чтобы я понял, что мы проиграли игру и потеряли деньги.

— Я подумала, может, мы могли бы опять вместе позависать.

Опять вместе позависать?

Она что, серьезно? У них было столько возможностей «опять позависать вместе». И им понадобилось это сделать именно в эту минуту? Я знал это. Твою мать. Игра закончилась

— Может, после того, как мы закончим? — предложил Брайан, едва маскируя фальшиво беспечный тон. Я должен был отвернуться. Я не мог быть свидетелем этого. Я знал, что будет дальше, даже если он сам не знал.

— На самом деле, я направлялась назад в общежитие. Подумала, может быть, ты захочешь проводить меня, — она сделала шаг вперед.

И вот она — последняя капля. Удар, от которого не оправился бы ни один мужчина. Секс. И неважно, случится это или нет. Если существовала хотя бы сама мысль, что это могло бы произойти, то у меня не было ни одного шанса, чтобы убедить его остаться и продолжить игру.

Недолго думая, Брайан рванул мимо меня, едва удостоив взглядом.

— Увидимся.

— Мы на середине игры! — парировал я его удаляющейся спине, уже зная, что это бесполезно.

Он повернулся, но продолжал идти, следуя за Кендалл, покачал головой и проговорил одними губами единственное слово.

— Прости.

Вот так просто взял и оставил меня одного. Я не тот человек, который любит обламывать кому-то кайф, но также я не любитель проигрывать.

— Мы играем или как? — услышал я крик одного из парней. — Или мы просто заберем свои деньги?

Я быстро оглянулся и заметил, что наша партия собрала небольшую аудиторию, состоящую в основном из парней братства. Сомнительно, что я смог бы убедить одного из них встать против одного из братьев, и у меня не было ни малейшего понятия, куда делись Стив и Эдди. Я вернулся к столу, полагая, что мог бы попробовать играть в одиночку и обыграть их.

— Да, мы играем, — услышал я уверенный, но определенно женский голос позади меня.

До того, как успел обернуться и посмотреть, кому он принадлежал, я увидел пару изящных ручек с совершенным маникюром, когда девушка взялась за рукоятки, как бы проверяя их.

Когда я пропутешествовал взглядом от этих симпатичных ручек вверх к фантастически округлым плечам и длинной грациозной шее, впервые в жизни мои глаза округлились от удивления. Что еще более удивительно, кажется, у меня перехватило дыхание.

— Я буду твоим партнером, — сказала она, глядя на меня с полуулыбкой.

Я услышал слова, вылетевшие из ее ротика, и на мгновение потерял дар речи. У нее были длинные медового цвета волосы, спадающие до поясницы, и золотистый цвет кожи, присущий только уроженцам Флориды. Одета она была в плотно обтягивающие джинсы и топ. Ее легкая улыбка позволила увидеть небольшой участок белых зубов, а скулы были настолько выразительными, что доходили практически до самых темно-карих глаз.

И я мог точно сказать, что у нее было шикарное тело, даже несмотря на то, что оно не было выставлено на показ, как у других девчонок здесь.

Моргнув, я вернулся к реальности, восстановив некоторое самообладание, и всем телом

повернулся к ней.

— Ты хотя бы знаешь, как играть?

Она посмотрела на меня так, будто я сказал что-то милое. Я почти ожидал, что она погладит меня по голове.

— Кажется, это не слишком сложно, — ответила она.

Она вернулась к столу и еще раз проверила рукоятки. Бедрями я прислонился к столу и приблизился своими губами к ее ушку. Я был настолько близко, что мог почувствовать кокосовый аромат от ее кожи. Но это был не парфюм. Больше похоже, что она нанесла солнцезащитный крем несколько часов назад, и запах почти испарился по прошествии времени.

— У меня здесь деньги на кону. Так что я хочу знать, — сказал я тихо. — Ты. Умеешь. Играть?

Она наклонила голову, чтобы посмотреть на меня, и немного волос упало с ее плеча. *Господи, сколько их у нее.* Она моргнула, а затем улыбнулась.

— Я могу быть твоей Моникой.

— Быть моей Моникой? Это что, твое имя? — нахмурился я, смутившись.

Ее плечи разочарованно опустились.

— Моника Геллер? Друзья? Сериал по телевизору?

Все еще не понимая сравнения, я продолжал на нее озадаченно смотреть. Заметив, что я ничего не понял, она подняла и положила обе руки на мои плечи. Это прикосновение так произвело на меня впечатление, что я ничего не мог поделать, а только представлять, что эти ручки будут трогать мое тело кое-где пониже. Я чувствовал тепло от ее рук через хлопок футболки и даже от такого, казалось бы, невинного прикосновения у меня скручивало все в животе.

— Не волнуйся, мы сделаем это, — сказала она, а затем повернулась к столу. Мне понадобилось мгновение, чтобы избавиться от трепетания в животе, прежде чем занять свое место рядом с ней.

Братья с открытыми ртами бесцеремонно пялились на мою новую партнершу. Я уже собирался сказать им бросать мяч, чтобы мы начали играть и чтобы они прекратили глазеть на нее, но меня опередили.

— Давайте играть, мальчики! — крикнула она им в лицо.

На мгновение это их шокировало, но они быстро оправались и начали самодовольно ухмыляться.

— Как забрать конфетку у ребенка, — сказал один из них.

— Да, она будет довольно кислой после того, как мы покончим с вами, — оборвала она их, ухмыляясь.

Мячик упал и прежде, чем я успел моргнуть, он остановился около одного из наших деревянных человечков и залетел в противоположные ворота.

— Гооол! — закричала она, поднимая одну руку вверх.

Как и мои соперники, я был поражен и продолжал пялиться на стол. Может, она и не врала, когда просила меня не беспокоиться. Я посмотрел на нее и увидел, что она уже на своем месте в ожидании, когда снова упадет мяч. Братья отпустили несколько комментариев насчет удачи новичков, но быстро заткнулись, когда по прошествии десяти секунд мы снова забили гол. А затем и еще один. Парни стояли, оба делая шаг назад, смущенные, когда толпа стала их задирать. Ядовитые комментарии о том, что их побил девчонка, доносились до их ушей. Тяжело дыша, они топтались на месте, их лица покраснели.

— Вам нужно еще немного времени? — спросила она сладким насмешливым тоном.

Когда на этот раз выбросили мячик, не было моментально гола, и это дало мне

возможность самому поиграть на пару с ней. И мы хорошо сыгрались. Наши тела двигались синхронно, будто это было срежиссировано. Она с легкостью подныривала под мою руку и мы менялись местами, переступали с ноги на ногу и двигались вперед и назад. Потом я уже понял, что ее навыки в этой игре были даже лучше, чем мои. После следующего гола мы ударились ладонями, и широкая улыбка расплзлась на ее губах.

Это была самая симпатичная улыбка, которую я когда-либо видел.

Все шло к тому, что мы надерем их задницы с разгромным счетом. Через несколько минут счет стал настолько нелепым, что у них не осталось никакого шанса, чтобы отыграться. Мы закончили игру, и я забрал свой выигрыш.

Ворча и раздражаясь, они передали наличные и покинули комнату под освистывание собравшейся толпы. Я пересчитал деньги и положил большую часть в карман, но протянул немного и своей партнерше.

— Честно заслуженные, — сказал я.

Улыбаясь, она даже не замешкалась, прежде чем взять их. И от этого понравилась мне еще больше.

— Похоже, мне следует все-таки разобраться в том, кто такая эта Моника, — улыбнулся я.

— Да, следует, — кивнула она, игриво прищурившись.

Из меня вырвался небольшой смешок.

— Что ж, ты можешь быть моей Моникой в любое время, — сказал я, делая шаг вперед.

Она прикусила свою нижнюю губу, пытаясь скрыть улыбку. И я захотел пальцем высвободить эту губу, не давая ей возможность что-либо спрятать от меня.

— Я говорила тебе это с самого начала, — ответила она, скрестив руки на груди. Ее глаза светились дразнящим весельем.

Господи.

Что же это в ней такое? Я имею в виду, определенно она была шикарной, но я и раньше бывал среди шикарных девчонок, и им требовалось немного больше, чем просто немного прикусить свою губу и подразнить, чтобы вызвать во мне такой интерес.

— Может, нам стоит поставить это на поток. И уничтожить все братства во Флориде, — предложил я.

Она засмеялась. Громко и искренне. Это было не хихиканье, которое я привык слышать от девчонок. Этот смех был настоящим.

— Ты учишься в этом колледже?

Девушка кивнула.

— Да, — наклонив голову набок, она изучала меня. — Но ты нет.

Я покачал головой, задаваясь вопросом, что же выдало меня.

— Университет Искусства и Дизайна.

— А... тогда ясно. Ты единственный, кто носит одежду без университетских значков отличия. Ни кепки. Ничего. Просто футболка. Как если бы ты был не отсюда, — подразнила она.

— Я мог бы так же сказать и про тебя, Златовласка, — парировал я, указывая на ее собственный выбор одежды.

Это так же дало мне возможность осмотреть ее тело сверху донизу еще раз, но теперь уже медленно.

Она улыбнулась и смущенно моргнула.

— Златовласка?

Я выпрямился, отталкиваясь от того места, где прислонялся к столу, и сделал шаг в ее сторону. От такой близости она немного напряглась, но не отстранилась. Я поднял руку и взял несколько прядей ее волос, поднимая их между нами.

Она снова улыбнулась, но посмотрела в сторону, пытаясь скрыть смущение. От этого мне захотелось узнать, что же еще я могу сделать, чтобы заставить ее покраснеть.

Внезапно из ниоткуда появилась рука и обхватила ее за плечи. Я выпустил из пальцев ее волосы и принял оборонительную позицию. Рука принадлежала Мистеру Спортивная Команда Колледжа. Он не только носил футболку с эмблемой, но и выглядел как квотербек футбольной команды. Мускулистый, с коротко подстриженными волосами и греческими буквами, вытатуированными на руке.

Он осмотрел меня сверху донизу, оценивая так, как я делал только что. Он был приблизительно такого же роста, как и я, но превышал в весе около пятнадцати килограммов, сосредоточенных в мышцах.

— Извини, я опоздал. Меня перехватили по дороге, — сказал он, прижимаясь к ней и целуя в висок, но не отводя взгляда от меня.

Так же, как и у женщин, у мужчин тоже есть способ общения друг с другом без слов. Иногда это может быть мычание или простой жест рукой. Иногда можно вообще ничего не делать. Но этот медленный, контролирующийся, заявляющий права поцелуй в висок был явным способом передать мне сообщение: *«она моя, отвали»*.

За поцелуем последовал короткий кивок, которым он словно удостоверился, что я понял его. Пока что я проигнорировал это.

— Тревор! Ты все пропустил! Мы разгромили эту игру, — сказала она, протягивая руки к столу, полностью забыв о молчаливой беседе, которая только что состоялась.

— Охотно верю, — ответил он, быстро взглянув на нее, а затем его взгляд вернулся ко мне. — Спасибо, что развлек ее, но теперь это моя забота.

Ох, ну конечно, ублюдок.

Ничто так не кричало о неуверенности, как то, что мужчине требовалось пометить территорию вокруг своей девушки.

— Тревор, не будь задницей, — проговорила она. Я взглянул на нее и заметил, что она немного смущена его поведением. Ее лицо напряглось, улыбка исчезла и на шее начал появляться легкий румянец. Но что хуже всего? Теперь ей было неудобно даже смотреть на меня.

И по этим причинам я промолчал и дал этому парню гнуть свою линию. Я не хотел усиливать ее дискомфорт.

— Спасибо, что привела нас к победе, Золотце, — сказал я в надежде, что это прозвище вернет ее внимание и взгляд карих глаз ко мне. И это сработало. Она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Пошли. Они ждут, — сказал ей Тревор, слегка подталкивая подальше от меня.

Кивнув, она уступила и повернулась, чтобы уйти, но прежде еще раз с сожалением посмотрела на меня.

Я махнул рукой, давая понять, что не стоит беспокоиться об этом. Я наблюдал, как они выходили из битком набитой комнаты, и продолжал смотреть до тех пор, пока она не исчезла в коридоре.

— Не знаю, что она нашла в этом мудаке, — сказал Эдди, появляясь из ниоткуда и вставая рядом со мной. Его взгляд был прикован туда же, куда и мой, туда, где только что была Златовласка.

Меня удивили две вещи. Первая, Эдди только что выругался, или, по крайней мере, сказал то, что он считал руганью. И вторая, он мог знать, кто она.

— Ты знаешь ее? — спросил я после его пристального взгляда.

Он кивнул.

— Ли. Она в нескольких моих подготовительных классах. Умная. Знает свое дело. Парень, с

которым она, Тревор, тоже из одного моего класса. Настоящий мудак по отношению к большинству людей.

— Успокойся, Халк, — сказал я, ухмыляясь и дразня его за выбор слов.

Эдди покачал головой.

— Его родители — высококлассные юристы в Нью-Йорке. Думает, что он — хозяин мира. Высокомерный тип, — сказал он. Когда я повернулся посмотреть на него, он осознал, что только что сказал и попытался ретироваться.

— Я имею в виду, кроме тебя, конечно, — нервно проговорил он.

Я засмеялся и снова посмотрел туда, где исчезла Ли.

Ли. Красивое имя.

— Я имею в виду, что множество раз ты вел себя лучше, чем кто-либо из нас, несмотря на твоих родителей или то, где ты вырос...

Он что, все еще болтал на эту тему?

— Эдди, прекрати болтать, — сказал я, хватая его за плечо, — Вообще-то, скажи мне кое-что, где я могу найти ваши подготовительные классы на этой неделе?

Шейн

Настоящее время

— Сюрприз!

Я отшатнулся от громкого звука. Мое сердце понеслось вскач, а уши горели от полнейшего неверия от того, что происходило передо мной. Как только я вернул свое самообладание, то оглядел всю комнату. Бар был полон знакомых улыбающихся и смеющихся лиц, указывающих на меня пальцами. С чувством переполняющей их гордости от того, что они смогли перехитрить меня. Их восторженные возгласы перемешивались со смехом.

Ты видел его лицо? Он понятия не имел. Надеюсь, кто-то это сфотографировал.

А прямо в центре стоял человек, который, я уверен, и организовал все это. Прыгая и смеясь, она так же, как и остальные, тыкала в меня своими указательными пальчиками.

— Попался! — закричала она через весь бар, приложив ладошки к губам, чтобы быть уверенной, что ее голос долетит до меня. Я слегка наклонил голову, молча соглашаясь с ее словами.

Да, попался.

Брайан толкнул меня вперед через проход. Пожелания и поздравления с днем рождения долетали до меня с разных сторон, пока я прокладывал путь через толпу. В каждом углу висели шары и ленты, привнося яркие краски в место, которое обычно было тускло освещено и ничем не украшено. Окна гаражной двери начали подниматься, открывая всю стену и впуская прохладный воздух зимы Майами. Мы с Брайаном проходили мимо них минуту назад, а я даже не заметил, что они были закрыты.

Мы находились в одном из моих самых любимых мест в Сауф Бич. Это место отличалось от всех остальных баров в Майами, с их музыкой, причудливыми напитками, сексуальными официантками. Половицы скрипели с каждым шагом, обувь липла к полу или хрустела по песку, который надувало с пляжа через дорогу. Здесь не было диджея, что было практически смертельным грехом для Майами, а танцпол едва ли можно было назвать таковым. Никаких коктейлей, украшенных фруктами, так как выбор напитков здесь был весьма прост. А интерьер и того проще. Деревянные столы и стулья, расставленные вокруг, и две неоновые вывески, которые обычно были единственными вспышками света. Включенная пальма и стакан мартини, со словом «*коктейли*» сверху. Иронично было то, что бар не подавал никаких напитков в бокалах для мартини. Проигрыватель всегда играл Бич Бойз, а бар никогда не был полон.

За исключением сегодняшнего вечера.

Чтобы заполнить такую маленькую комнату не требовалось много людей, но тот факт, что они все собрались здесь ради меня, казался невероятным. Бармен Рэй поймал мой взгляд и подал мне бутылку пива. Поблагодарив, я поднял ее перед тем, как отпить.

— С днем рождения, старый пердун, — сказал Брайан, обняв рукой меня за шею и потянув вниз, чтобы ударить несколько раз в живот. Эдди и Кэл, оба ухватились за эту возможность напасть на мою спину и ребра с их собственными проявлениями любви и симпатии.

Борясь с ними, я выпрямился и игриво толкнул Брайана.

— Твой день рождения был четыре месяца назад. Это делает тебя старше меня, — сказал я ему.

Как обычно он только отмахнулся и повернулся сделать заказ, в то время как Эдди и Кэл снова начали пить свое пиво, которое заказали, пока ждали нас. Кэл поднял свою бутылку, как

бы поздравляя меня, прежде чем прикончил свой напиток. Кэл был моим ассистентом, стажером на самом деле, до тех пор, пока не получил бы свою степень. Поступив на тот же самый факультет, что и я, он проработал на меня в течение всего своего последнего года, помогая мне во многих местных заказах, поэтому я на полном серьезе подумывал взять его с собой в одну из будущих поездок. И, возможно, он был только студентом, но у него был наметан глаз к деталям картин, и, я был уверен, что не смог бы выполнить всю свою работу настолько качественно и быстро, если бы обходился без его помощи. Мне посчастливилось, что я нашел его, и повезло, что он стал хорошим другом.

Кстати о лучших друзьях. Взглядом я просканировал комнату в поисках волшебника с золотистыми волосами, который смог спланировать это все так, что я не догадался. Я нашел ее на другом конце бара; она стояла с группкой своих собственных друзей, которых пригласила. Несколько из них были из ее класса в колледже, некоторые — сотрудниками из ее юридической фирмы. Я еще не встречал их лично, но узнал большинство из ее аккаунта «Фейсбук». Как только Ли была нанята на работу, то настояла на том, что я должен ей помочь найти их. Также я увидел Холли — невесту Эдди.

Я начал пробираться к Ли, быстро оценив ее взглядом, прежде чем она это заметила. Эту привычку я выработал годами. Началось это давно, еще на той вечеринке братства и, кажется, никогда не прекращалось. Привычка, которой я никогда не изменял. Сегодня Ли была одета в расшитую блестками мини юбку, которая идеально облегла ее бедра и показывала невероятно длинные, загорелые ноги. Черный топ на лямочках показывал ее изящные ключицы и золотую цепочку, которую я подарил ей на окончание колледжа. Ее длинные волосы свободно, крупными локонами спадали по спине, именно так, как я и любил. Яркий неоновый свет от висячей пальмы отражался в ее золотых серьгах-кольцах.

Уголком глаз Ли заметила мое приближение, и ее полные губы расплылись в широкой улыбке.

— Ну что, удивлен? — спросила она, ее глаза ярко сияли весельем.

Я поднял руки, признавая поражение.

— Обычно тебе не удавалось переиграть меня, кто помог тебе в этом всем? — спросил я, подвигаясь ближе. Ли плотно сжала губы, давая понять, что не намерена разглашать свои секреты.

— Она сделала все сама, друг. Только сказала нам, где и когда, — вдруг из ниоткуда появился Брайан. Он протянул свою бутылку, и мы чокнулись горлышками. — Самый чертов лучший из твоих друзей. После меня, конечно, — сказал Брайан, делая глоток.

Я хмыкнул, посмотрев на нее.

— Это точно, — согласился я.

— Ты знаешь, как я отношусь к дням рождения, — сказала Ли. — Это как будто у каждого свой собственный Новый Год. Новый старт на новый год, — закивала она, в подтверждение уже сказанному. — Так что, старик, принял уже какие-нибудь взрослые и мудрые решения? — подразнила она, подмигивая и отпивая от своего напитка. Ее стакан был уже наполовину пуст, и я надеялся, что Ли не успела выпить много из того, что она пила.

Она весила мало, а ночь только началась.

— Я дам тебе знать, когда что-нибудь придумаю, — ответил я.

— Ну, пока ты не придумал, — начала она. — Давай выпьем и ознаменуем начало твоего нового года с чертовски фантастической вечеринки, — она широко улыбнулась и подняла свой бокал, обращаясь к нашей небольшой компании. — За Шейна, мирового фотографа, знатока моделей нижнего белья, постоянного чемпиона по настольному футболу и... — она перевела взгляд на меня, — ...моего лучшего друга.

— Пошел ты, — прокричали они вместе, подняв свои напитки и улыбаясь.

Я откинул голову назад и засмеялся, прежде чем сделать полный глоток пива. Я чувствовал, что все смотрели на меня, улыбались и смеялись. Но в то время, как внимание всех было приковано ко мне, мое внимание всецело было приковано к Ли.

* * *

Двумя часами позднее

Я был на пути к стадии приличного опьянения. И это не удивительно... как только заканчивался один напиток, передо мной сразу же появлялся другой. Сидя за столом с парнями, наша беседа легко переключалась между одной из двух тем — спорт и девчонки. Пока Кэл распинался о некоторых статистических данных грядущего бейсбольного сезона, Брайан обращал наше внимание к девчонке снаружи бара, идущей по улице.

— Боже, я люблю этот город. Куда бы ты ни повернул, не важно какое время или какой месяц, цыпочки гуляют в бикини и мини шортиках, — его взгляд проследовал к группе девчонок на тротуаре. — Где еще такое увидишь? — спросил он, покачивая головой.

— В Бразилии, Австралии, — начал перечислять Эдди. — Если говорить о США, то в Калифорнии.

Я засмеялся, понимая, что Эдди мог перечислять всю ночь.

— Мы поняли, Эдди, — сказал я, прежде чем повернуться к Брайану. — Продолжай паяльничать. Я уверен, Кендалл это оценит, — подначил его я.

Брайан закатил глаза, но не отвел взгляда от улицы.

— Все кончено.

— Опять? — спросили мы хором.

Брайан нахмурился и сделал глоток пива. Брайан и Кендалл для нас казались отклонением от нормы. За последние два года в колледже они сходились и расходились чаще, чем включалась и выключалась прикроватная лампочка. И это продолжалось вплоть до сегодняшнего дня. Годами они играли в одни и те же игры, и я не мог понять почему. Я знал, что он хотел ее больше, чем кого-либо. Но в ту же минуту, как получал ее, он не знал, что с ней делать. С одной стороны казалось, что он в восторге, а с другой — словно в ужасе. Когда Кендалл была рядом, он не мог сконцентрироваться ни на чем и ни на ком другом. Когда случалось неминуемое, спустя несколько дней, он искал, на что такое разрушительное потратить свое время и энергию. И находил многое из такого. Я не верил, что Кендалл сидела дома и плакала по нему, но также знал, что она не вела себя подобным образом. Он никогда не признавал это, но я знал, что он чувствовал себя дерьмом каждый раз, когда делал это. И еще хуже, когда слышал, что она узнала об этом. Так что, я понятия не имел, как они оба могли соглашаться попробовать начать все заново.

— Ты просто больше не можешь здраво оценить, что предлагает город. Ты вырос здесь, и ты видишь это достаточно близко каждый день, — ответил Брайан, возвращая внимание ко мне, а затем обратно на мимо прошедших девчонок.

— Интересно, — начав думать над этим, покачал головой Эдди. — Полагаю, это можно назвать получением стойкого иммунитета.

Я посмеялся над абсурдностью того, что было сказано. Я ценил женские формы, возможно, даже больше чем кто-нибудь из парней здесь. Частично потому, что мне было двадцать шесть

лет, и как у каждого мужчины женское тело стало моим криптонитом. А так же еще и потому, что это являлось довольно большой частью моей работы.

В отличие от того, чего опасался мой отец, у меня получилось создать себе какое-то имя в мире фотографии. Во время учебы в колледже у меня была возможность стажироваться у Стю Шульца, а это бесспорно увеличило мой авторитет. Портфолио Стю было таким же впечатляющим, как и список его клиентов. Он взял меня под свое крыло и научил, что не имело значения, кого или что ты снимал, важно было то, как ты мог ловить момент, это и создавало картину. И, возможно, Стю был известен сотнями снимков для журналов, но, как и у меня, его подлинной страстью были снимки, которые никто не видел. Те, что он ценил больше всего. Те, что были любимыми и у меня. Фотографии обычных людей, выполняющих земные обязанности, но которые показывали красоту реальной жизни.

— Реальная жизнь всегда побеждает, — сказал он мне однажды.

Но также он научил меня и другим приемам, как стать успешным фотографом. Некоторые нельзя было игнорировать, какие-то не имели ничего общего с процессом съемки. Работа в сети, встречи с нужными людьми, правильная работа, где встречались все нужные факторы для новичка. Он учил меня, что иногда ты вынужден делать скучные снимки, только чтобы иметь возможность сделать отличные кадры. Я думал, что именно поэтому хочу быть хорошим наставником для Кэла. Стю меня многому научил. Я хотел передать это дальше, даже несмотря на то, что еще считался новичком в этом деле.

Но некоторые парни, особенно Брайан, никак не понимали, почему я не хотел снимать что-то, кроме бикини и нижнего белья.

— Вот она настоящая красота! — постоянно настаивал Брайан.

Правда, это может быть весело некоторое время, и мои взаимоотношения с некоторыми моделями выходили за рамки профессиональных. Наверное, это можно было назвать приятными бонусами в работе. Но на самом деле, я делал эту работу только для того, чтобы получать стабильные деньги. Они были нужны мне, чтобы прожить до того редкого момента, когда появлялась возможность снимать для Discovery Channel или National Geographic. Потому что это — моя настоящая страсть. Природа, культура и возможность увидеть невиданное ранее. И до того, как появлялись такие моменты, я проводил свое время с моделями Victoria Secret. Если подумать, я не должен был жаловаться.

— Неправда, — ответил я, обдумывая, как получше объяснить Брайану, чтобы он понял. — Девчонки в нижнем белье, это как «Лакки Чармс». Да, они восхитительные и яркие и иногда прекрасная вечерняя закуска. Но время от времени, мне нужно что-то немного другое, чтобы утолить голод.

— О чем, ты, черт возьми, говоришь? — спросил Брайан с недоверием. — Целый день вокруг тебя вертятся девчонки в лифчиках, едва прикрывающих соски. Если бы это был я, то был бы рад есть одну и ту же кашу каждый день до конца жизни.

— Удивительно, как это Кендалл продолжает принимать тебя обратно, — изумился Эдди.

— Эй, я тоже принимаю ее обратно, — заспорил Брайан, но никто из нас ему не поверил. — И вовсе не каждый готов давать какие-то обещания, понятно? — ощетинился он. — И не надо возмущаться, что я все еще продолжаю изучать, что Матушка Природа преподнесла мне.

— И ты изучаешь Матушку Природу до или после того, как Кендалл сбрасывает твои пьяные звонки? — спросил я, ухмыляясь.

Брайан показал мне средний палец.

Но не все из нас имели проблемы в отношениях. Несколько месяцев назад Эдди сделал предложение Холли. Они познакомились через Ли почти сразу, как она стала работать в своей юридической фирме. Холли была помощником адвоката там и первой, кто подошел

поприветствовать ее. Моментальная дружба. Однажды она привела ее на встречу со всеми нами, и как только Эдди увидел Холли, он пропал.

Я это заметил сразу. Но Эдди, как бы это сказать помягче, был скромным. За весь вечер он едва проронил словечко с ней. Как только Ли и Холли ушли, казалось, что Эдди вдохнул впервые за весь вечер. Я сказал ему, что следовало бы поговорить с ней, самому завязать разговор. Он сразу закачал головой. Эдди выглядел слишком нервным и при этом не имел опыта общения с женщинами. Уровень уверенности Эдди в искусстве обольщения был примерно такой же высокий, как если бы кто-нибудь поставил его подавать мяч в седьмых играх Мировой Серии. Цыпочки из колледжа не ценили умных парней. Они приходили к этому только спустя годы, когда понимали, что парни из банд, которые пили слишком много и тусовались слишком часто, не стоили того, чтобы посвятить им жизнь. Осталось недолго ждать, как все те девчонки, с которыми Эдди пробовал разговаривать, стали бы интересоваться им. Я мог бы гарантировать это.

Так что в следующий раз, когда мы были вместе, я оттащил Ли от столика, оставляя Эдди и Холли одних. Послал Эдди взгляд, говоря, что это его шанс поговорить с ней. Не упустить свой шанс! Ли начала спрашивать, зачем я увел ее от столика, а я лишь кивнул в их сторону, чтобы она посмотрела, что же происходило позади нее. Эдди медленно подошел к Холли и теперь сидел рядом с ней, а не вдаль. И они начали разговаривать. В какой-то момент Холли запрокинула голову и рассмеялась. Я практически подавился своим напитком, когда увидел удивленный взгляд Эдди от того, что он заставил девчонку рассмеяться.

— Так ты что, теперь сваха? — улыбнулась Ли. — Почему бы тебе и мне не наколдовать кого-нибудь?

Я покачал головой.

— Потому что твой вкус на мужчин ужасен, и я не знаю ни одного такого ублюдка.

— Тогда, может быть, тебе стоит найти мне кого-то вроде тебя, — поддразнила она.

Я уставился на нее на мгновение в недоумении, как реагировать на это. Я никогда не беспокоился, что она встречалась со всеми этими идиотами, потому что знал, ничего серьезного из этого не выйдет. Она была слишком умна, чтобы позволить чему-то зайти слишком далеко. Но что было бы, если бы она нашла кого-то вроде меня? Кого-то, с кем мне пришлось бы ее делить? От этой мысли у меня ком в горле встал.

Ли пихнула меня в ногу и кивнула, показывая назад.

— Посмотри на них, — сказала она.

Мы смотрели на Холли и Эдди еще несколько минут, пока они продолжали смеяться и разговаривать. Затем нашли свободные места у бара и просидели там до конца вечера. В этот вечер два года назад Эдди попросил у Холли ее номер телефона, а затем, немногим более года спустя, спросил ее о большем, опустившись перед ней на одно колено с кольцом в руке.

Теплая рука опустилась на мое плечо, возвращая назад в настоящее. Передо мной появились пальчики с симпатичными розовыми ноготками, держащие рюмки с жидкостью янтарного цвета и долькой лимона сверху.

Текила. Любимый напиток Ли.

Я взял рюмки из ее рук, пока она садилась рядом со мной. Ее лицо слегка блестело от пота.

Последние сорок пять минут она протанцевала под микс песен, которые я здесь никогда не слышал.

— Где ты нашла лимон? — спросил я, забирая шоты из ее рук.

— Принесла с собой, — подмигнула она.

Ли взяла свою рюмку и подняла ее к моему лицу, смотря на мою и показывая мне сделать то же самое.

— С днем рождения, — пропела она так, чтобы услышал только я. Я наблюдал, как она губами прикоснулась к стопке, запрокинула голову и медленно проглотила текилу. Я сделал то же самое, позволяя напитку наполнить рот и медленно стечь по горлу. После этого, она прищурилась и тут же схватила лимон, начав его рьяно посасывать.

Я засмеялся и предложил ей свой, она взяла и его.

Никогда не понимал, почему Ли продолжала все время пить текилу, если та вызывала у нее слезы.

— Ну, и о чем мы разговаривали? — спросила она, обращаясь к столику и вытирая рот тыльной стороной ладони.

— О том, как ненормально, что Шейн предпочел бы быть по колено в Каньоне Антилопы, чем с моделями Victoria Secret, — ответил Брайан.

— Как красноречиво, — сказала присоединившаяся к нам Холли. Поцеловав Эдди в щеку, она заняла место рядом с ним. В ту минуту, как девушка садилась, вы могли бы физически почувствовать, как выросла его уверенность в себе. Эдди сидел, выпрямившись, и на его лице появилась свойственная только ему ухмылка. Дайте ему еще несколько лет, и он будет широко расправлять плечи и бить себя кулаком в грудь.

Я повернулся к Брайану, готовясь опять начать с ним спорить, когда Ли заговорила первой.

— Не могу есть «Лакки Чармс» все время, — сказала она, отхлебнув от моего пива.

Я сразу же засмеялся и поцеловал ее в щеку. Вот почему я люблю эту девчонку.

— Парни, слышали это? До нее это дошло!

Ли начала смеяться, смущаясь. Я широко улыбнулся, а остальные застонали.

— Удивительно, насколько вы двое хорошо друг друга знаете, — сказал Эдди, посмотрев сначала на меня, затем на Ли.

— Почему удивительно? — спросила Ли.

— Заканчивая друг за другом мысли и предложения? — сказал Брайан. — Это как если бы вы были женаты, а не они, — сказал он, указывая на Эдди и Холли.

— Может быть, мы просто два человека, которые понимают друг друга. Одинаковые, — вздернув бровь, поспорила Ли.

Брайан фыркнул.

— Что? — уставилась на него Ли, отклоняясь на своем стуле. — Двое людей не могут знать друг друга достаточно, чтобы?..

— Двое людей? Да. Парень и девушка? Нет.

— Это нелепо, — покачала она головой. — Здесь полно людей противоположного пола и понимающих друг друга, так же, как и мы.

— Те, понимающие друг друга люди, обычно еще и трахаются друг с другом, — принял вызов Брайан.

Ли моргнула и захлопнула рот.

— Вы двое, — он указал на нас пальцем. — Эдди прав. Вы двое удивительные, — он самодовольно ухмыльнулся и отклонился назад. — Все то время, что вы провели вместе... Когда вы понимали друг друга, — он поддел Ли ее же словами. — И вы ни разу не перепихнулись? Просто ради интереса? — он смотрел то на меня, то на нее. — Удивительно, — повторил он.

Я уставился на Брайана, сверля его взглядом. Я чувствовал, как все за столиком наблюдали за нами, ожидая увидеть какую-то реакцию от любого из нас. Их интересовал наш ответ. Очевидно, что они обсуждали это и раньше, когда нас не было рядом. Групповой разбор на тему «как такое возможно, что мы с Ли никогда не пересекали эту черту». Они все ждали, что один из нас скажет или сделает что-нибудь.

Разбитый стакан позади нас прервал напряжение, царившее за столиком, заставляя каждого

моргнуть и отклониться на своих стульях, и все же никто ничего не сказал. Я быстро взглянул на Ли, ожидая, что она засмеется над словами Брайана, но она не смеялась. Напротив, ее горло медленно двигалось, как будто она с трудом сглотнула, а взгляд был направлен вперед и в сторону от меня.

Говорят, что мужчины думают о сексе каждые семь секунд или около того. И хотя доказательств тому нет, как мужчина, я знаю, что мы много об этом думаем. И много секунд своей жизни я провел с Ли. Так что это было естественно, что мысли о сексе и Ли переплетались тысячи раз за эти годы. А почему бы и нет? Она была умной, прикольной и веселой, и давайте не будем забывать, еще и одной из самых красивых девчонок, которых я когда-либо видел. Но мы поместили друг друга во френд-зону много лет назад, и я прекратил думать о ней как о секс партнерше очень давно. И сексуальные мысли, которые у меня были, возможно, являлись только совпадением. Я уверен в этом. Практически уверен. Почти уверен. Но наблюдая за ней сейчас, то, как она боролась, чтобы не посмотреть на меня, заставило меня задуматься, а думала ли она об этом.

— Это было бы, как трахаться с моим братом, — наконец, сказала она, и ее лицо приобрело уверенное выражение.

Что же, это объясняло все.

Все за столиком немедленно засмеялись.

— Спасибо, Золотце, — сказал я, стараясь засмеяться и пытаясь скрыть обиду, которую никак не ожидал почувствовать. Брат? Действительно?

Ли посмотрела на меня и улыбнулась, но это выглядело натянуто и даже нервно. Необходимость разобраться в этом была сильна, но я не мог спросить, потому что она внезапно поднялась и протянула руку Холли.

— Пошли. Я обожаю эту песню! — сказала Ли, утаскивая Холли от столика, почти сбегая. Я проследил за ними взглядом до самого танцпола, как они начали вертеться и кружиться, как и все женщины, когда танцуют вместе.

— Чушь собачья, — сказал Брайан, когда я оглянулся.

Я озадаченно посмотрел на него.

— Я говорю, чушь собачья, — повторил он. — Она думала об этом.

Я закатил глаза.

— Ты слышал Ли. Она не думала.

— Шейн, — он наклонился ближе. — Ты что, не увидел, что только что произошло? Она убежала, как пойманный фарами олень. Поверь мне. Она думала об этом. И мы оба знаем, что и ты думал. Я имею в виду, Господи, я не осуждаю тебя. Ты только посмотри на нее, — и он кивнул в ее сторону.

Я оглянулся и посмотрел. Я наблюдал, как качались ее бедра, колыхалась грудь, руки взвивались вверх. Осознание того, что я все еще думал об этом, нахлынуло на меня. Совпадение или нет.

— Черт, — пробормотал я.

Брайан воспользовался моим внезапным самокопанием.

— Да ладно, как ты мог не думать? Я сам думал об этом несколько раз. В душе, за завтраком...

— Отвали, — отрезал я. — Она недоступна. И это включает и твои чертовы извращенные мечты.

— Да я знаю, — засмеялся он. — Я просто прикалываюсь над тобой. Но ладно тебе, неужели ты никогда не пытался?

Я глубоко вздохнул и сделал большой глоток пива.

— Не было подходящего момента, — сознался я, пожимая плечами.

— Тебе что, нужны были розы и свечи?

Я покачал головой.

— Это просто не случилось. Она была с Тревором многие годы. И когда она, наконец, дала ему отставку, мы уже далеко зашли. Пути назад не было, знаешь ли.

Ли была в моей жизни в течение пяти лет. У нас были одни из самых лучших и близких отношений, которые у меня когда-либо были. Та ночь, когда мы встретились на братской вечеринке, и все последующие дни, были также ясны и живы по сей день. Я помню, как нашел ее в «Старбаксе», где, как упоминал Эдди, он видел ее несколько раз.

— Не совсем похоже на «Центральную кофейню», — сказал я, подвигая стул и садясь напротив нее и ее ноутбука.

Я никогда не смогу забыть ее удивленную улыбку, когда она посмотрела на меня, оторвавшись от своего монитора. Это был первый раз, когда мое сердце сбилось с ритма из-за кого-то.

— Ты посмотрел, — сказала она, отклоняясь на стуле.

Я склонил голову с полуулыбкой.

— Прокрутил в YouTube.

Ее смех был такой же громкий, как я и помнил.

— И? — спросила она.

— Ну, были интересные моменты, — ответил я.

Она прикусила свою нижнюю губу, чтобы не улыбнуться еще шире. И опять это подействовало на меня так же, как и на вечеринке. Разговор завязался быстро, как будто мы делали это уже много раз. Я помню, как было просто заставить ее смеяться, и как я был неприятно удивлен ее любовью к ругательным словечкам. Я вырос в мире, где ругаться, как сапожник, воспринималось безвкусным, но когда ты слышал такие слова из этого милого ротика, это становилось очаровательным. Мы разговаривали больше часа. Тревор позвонил Ли на мобильный и сообщил, что он на пути, чтобы забрать ее. Было ясно, что она находится в отношениях и не ищет чего-то на стороне. Но она мне нравилась, так что если дружба была тем, что она могла мне предложить, то почему бы и нет? Кто знает, что случилось бы в будущем?

— Ты знаешь, что она порвала с этим придурком из-за тебя? — спросил Брайан многозначительно.

— Нет, не из-за меня.

— Да, из-за тебя. Может быть, она не сказала, чтобы не задеть тебя, но все знали, что этот засранец тебя недолго любил, — он поднял руки и очертил пальцами виртуальные скобки. — Дружба. Она выбрала тебя.

Я взглянул на нее еще раз, задаваясь вопросом, было ли это правдой, сделала ли она это из-за меня, для меня, и что это значило, если это было правдой. Я покачал головой, надеясь избавиться от этих мыслей.

— Давай возьмем еще выпить, — сказал я, вставая.

— Меня не надо просить дважды, — ответил Брайан, допивая то, что у него осталось.

* * *

Я был уже пьян. Но и все остальные тоже. Я прикончил свою последнюю рюмку, уже зная, что следующую пить мне не следует. Брайан покинул меня, чтобы поговорить с симпатичной брюнеткой в углу бара. Рядом со мной скрипнул стул, и на него уселся мой самый любимый человек. Влажные от пота волосы у нее на затылке прилипли к коже. От танцев и смеха подводка на глазах немного смазалась. Выглядела она замечательно.

— Спасибо за сегодняшний вечер, — сказал я, положив свою ладонь на ее голое бедро. Не думая, я начал поглаживать его вверх и вниз, по ее теплой и мягкой, как шелк, коже. Ли посмотрела туда, где моя рука соприкасалась с ее бедром, и мне понадобилось время, чтобы заметить, что я делаю, прежде чем медленно убрать руку.

— Всегда, пожалуйста, — ответила она со сбившимся дыханием. — В любое время через год.

— Это была моя первая вечеринка-сюрприз, — улыбнулся я.

— Правда? — удивилась она, ее глаза слегка заблестели. — Что ж, каждый заслуживает вечеринку-сюрприз хотя бы один раз в жизни.

— А у тебя была?

— Нет еще, — засмеялась Ли.

— Отлично. Я устрою.

Она засмеялась еще громче.

— Это уже не будет сюрпризом, раз ты сказал мне, что сделаешь.

Я задумался о ее словах, а затем согласно кивнул.

— Ты права. Это должно быть в день, который и рядом не стоял с твоим днем рождения.

Изумленная, она покачала головой.

— Вот почему я держу тебя рядом. Ты всегда заставляешь меня быть начеку.

Она прильнула ко мне поближе, мы почти соприкасались лбами. Я закрыл глаза и вдохнул ее такой знакомый запах. Легкий микс аромата парфюма, кокоса от ее шампуня и солнцезащитного крема. И небольшой запах пота после всех ее танцев. И я не был уверен, то ли это от выпивки, то ли от нашего с Брайаном разговора, но что-то внутри меня натянулось, вызывая мурашки по коже. Я посмотрел вниз, желая увидеть такую же реакцию у нее, но Ли внезапно отпрянула, отодвинувшись от меня.

— Я люблю эту песню! Потанцуй со мной?

Она даже не дала мне ответить, а просто потянула за собой на танцпол. Я узнал эту песню, она часто играла по радио. У нее был жизнерадостный темп, под который Ли знала, как танцевать. Я же просто был счастлив от того, что стою рядом и смотрю на нее. Как только заиграл припев, Ли повернулась ко мне и стала подпевать и прыгать, ее золотистые волосы взметались в разные стороны.

Я смеялся и продолжал смотреть на нее, пока сам едва двигался. Она положила руки на мою грудь и начала петь вместе с песней. Слова слетали с ее губ громким криком. Что-то о «не смей оглядываться» и «заткнись и танцуй».

Я накрыл ее руки своими, прижимая их к груди, не позволяя ей отодвинуться и затрудняя возможность прыгать вокруг. Без возможности двигаться, она раскачивалась из стороны в сторону и смотрела на меня. Я пытался прочитать, о чем она думала, но впервые за долгое время понятия не имел о том, что происходило в ее головке.

— Пойдем, подышим свежим воздухом, — предложил я ей на ушко.

Она посмотрела на меня и кивнула, захватив свою сумку с близстоящего стула и направляясь к выходу.

Как только мы вышли наружу, бриз со стороны океана прокатился по моей коже. Он освежил и немного отрезвил меня. Думаю, и ее тоже. По тротуару шли люди, покидая бары и

клубы, так что я взял ее за руку и повел к пляжу.

— Тебе точно было весело? — спросила она, прислонившись к деревянному забору, который отгораживал нас от песчаного пляжа.

— Очень весело, — честно признался я.

— Хорошо, — улыбнулась она.

А затем нас окутала тишина. Обычно, когда между нами повисала тишина, нам все равно было комфортно. Но теперь я чувствовал совершенно другую энергетику. Я не смог бы различить, шло это от меня или от нее, или от нас обоих, но это было что-то новое. Я пытался придумать что-то, чтобы разрушить это странное чувство, но ее следующие слова только усилили его.

— Ты думал когда-нибудь об этом? — прошептала Ли, оглядываясь вокруг, будто не хотела, чтобы кто-нибудь услышал.

Я понимал, о чем она спрашивала, но не хотел выставить себя идиотом на случай, если был неправ.

Я прочистил горло.

— Думал о чем?

Она повернулась ко мне, ее улыбка стала хитрой и расчетливой.

— О том, что сказал Брайан.

Ладно. Значит, мы думаем об одном и том же.

— А ты? — мои губы изогнулись в улыбке.

Она медленно повернулась к океану, сжимая пальцы и снова прислоняясь к забору. Ветер раздувал ее волосы с лица и плеч, показывая кожу, которая скрывалась за волосами.

Я знал, сейчас она не станет отвечать первой, что было на нее не похоже. Она всегда быстро выражала свое мнение и отвечала на вопрос. Но опять же, у нас еще никогда не было такого разговора. Я пальцами взял ее за подбородок, поворачивая к себе. И со всей откровенностью ответил:

— Да. Безусловно.

Она моргнула, затем открыла свой ротик. Я мог увидеть ее язычок через небольшую щель, но Ли ничего не сказала.

Мы смотрели друг на друга, ничего не говоря. И я представления не имел, что же делать дальше. Должен ли я надавить и спросить ее еще раз? Должен ли поменять тему? Заставил ли я ее чувствовать себя абсолютно некомфортно? Мое сердце пустилось вскачь, но я не сдвинулся ни на миллиметр.

— А ты... — начал я.

— Хочешь убраться отсюда? — прервала она, прерывая мой вопрос.

Я дважды моргнул, не уверенный, что же здесь происходит.

Просила ли она отвезти ее домой или... Ли просила *отвезти* ее домой? Ее вопрос содержал подтекст, и я не представлял, как мне его понимать? Спрашивая, хочу ли я убраться отсюда, что она имела в виду? Как я должен был ответить?

Мысли «за» и «против» выстроились у меня в голове. Первая была о том, что это же Ли. И если что-нибудь произойдет, что может разрушить нашу дружбу, я буду, несомненно, опустошен. Но затем я прошелся взглядом ее телу так, как делал множество раз за эти годы. Это тело простыми жестами заставляло меня чувствовать так много всего. И, вероятно, это сделало меня стереотипным мужчиной, потому что именно эти мысли побеждали.

Прежде чем что-то предпринимать, я еще раз быстро посмотрел на нее, давая ей шанс выразиться яснее.

И затем она прикусила свою губу.

Я быстро повернулся и оставил ее у забора, а сам направился в сторону дороги с намерением вызвать такси. И чудом одно из них остановилось практически моментально. Я повернулся и увидел, что Ли находится прямо рядом со мной. Я схватил ее за руку и почти затолкнул в салон машины. Дал водителю свой адрес, и такси унесло нас прочь от бара, вечеринки и наших друзей.

Я смотрел на дорогу впереди, слишком взволнованный, чтобы взглянуть на Ли. Периферийным зрением я видел, что она делает то же самое. Я удивлялся, что мы сейчас оба в такси на тупи ко мне домой. Может быть, мы были пьянее, чем думали, и только сейчас наш мозг прояснился и становился опять рациональным. Может быть, через минуту Ли засмеется от абсурдности всей ситуации. Может, и я засмеюсь.

Я задержал дыхание и ждал этого. Но это не происходило. Пять минут прошло, но это все еще не произошло. Напротив, за эти несколько минут я понял, насколько сильно хотел этого. Мой стояк «кричал» мне, насколько я хотел этого. Но только если и Ли этого хотела. Наконец, я повернулся к ней в тот же самый момент, что и она. Я собрался спросить ее, удостовериться, что она нормально себя чувствовала, но как только открыл свой рот, Ли накрыла его своим.

Шейн

У меня заняло ровно две минуты, чтобы преодолеть удивление, которое испытал, почувствовав губы Ли на своих, я сразу же включился и взял контроль в свои руки. Одну руку тут же запустил в ее волосы, запутавшись пальцами в медовых прядях. Это притягивало ее ближе и не давало возможности отодвинуться. Инстинктивно я провел моим языком по ее нижней губе, прося разрешения проникнуть внутрь. Протянув свою руку вдоль тела Ли, своими короткими ногтями я впился в ее ребра, а большим пальцем поглаживал вокруг груди. Все это я проделывал с другими женщинами сотни раз, но на этот раз все было по-другому.

В момент, когда наши языки встретились, она испустила легкий, едва слышный стон. Не могу сказать, что не был знаком с таким звуком, но казалось, что я слышу его в первый раз. Этот звук был намного лучше, чем любая из моих фантазий за последние несколько лет. Слышать его в мечтах — не сравниться с тем, как услышать его в реальной жизни. Я хотел, нет, мне было необходимо услышать его еще раз. Сильнее, чем необходимо было сделать следующий вдох.

Она испустила еще один сладкий стон, такой же, какой делала, когда пробовала первый кусочек десерта. Будто она ждала этого на протяжении всего обеда. Это был великолепный звук, нет, это был фантастический звук. Но он сразу же напомнил мне, кто издал этот звук и почему. Напомнил, что я только что засунул свой язык в рот моей лучшей подруги.

Я отстранился от Ли, хотя это было последнее, что мне хотелось сделать. Я прислонился головой к ней, мне нужна была секунда, чтобы перестроиться. Никогда еще поцелуи на заднем сидении такси не вызывали во мне такого влечения. Часть меня кричала, чтобы я не останавливался, что ее тело ощущались так хорошо, а губы еще лучше, когда они были напротив моих. Но другая часть, раздражающе благоразумная, не переставала напоминать, чье тело я трогал, чьи губы жаждал. Я с трудом сглотнул, прерывисто вздохнув, прежде чем снова посмотреть в ее лицо. Глаза Ли все еще были закрыты, губы были влажными и слегка припухшими. Ее блеск для губ смазался. Я облизал свои губы, мне хотелось проверить, будут ли они на вкус, как и она.

Когда она открыла глаза, я готовился увидеть в них неуверенность и сомнение, но ошибался. Они были наполнены тем, что я никогда не видел в ней прежде, но знал это очень хорошо.

Страстью.

— Шейн, — ее голос был мягким и с придыханием. Ли всматривалась в мое лицо, пытаюсь понять, почему я медлю, причину, почему отстранился. Причину, которая, казалось, больше не существовала. В тот момент, когда она открыла глаза и посмотрела на меня, я получил ответ на все мои вопросы и сомнения. Она продолжала отвечать тем, как прерывисто дышала и как быстро поднималась и опускалась ее грудь.

Она хотела этого так же, как и я. Я притянул ее к себе и снова поцеловал. И уже не стеснялся. Сминая губы Ли своими, я приоткрыл их языком. В ее горячем дыхании чувствовался легкий привкус цитрусовых. Ли дразнила мой язык, посасывая его так же, как посасывала тот лимон после рюмки текилы. У меня закружилась голова от воспоминания, что это было только час назад. Мы сидели за столом, в молчании от упоминания возможности перепихнуться. А теперь! Только посмотрите на нас. Как животные, атакуем рот друг друга зубами, языком и губами.

— Никаких бум-бум в моем такси! — сказал нам голос с акцентом.

Пораженные тем, что нас прервали, мы оба застыли. Наше внимание переключилось на

водителя, он таращился на нас через зеркало заднего вида, его глаза были широко раскрыты, в них читалось раздражение. Я хотел сказать ему, что это же Майами, и, вероятно, на заднем сидении его такси случалось и нечто похуже, чем просто поцелуи. Но не захотел смущать Ли и обращать ее внимание на тот факт, что я лично знал, что именно может случиться на заднем сидении такси.

Я убрал свою руку от ее головы и отодвинулся. Отклонился назад и перевел дух, сжимая руки в кулаки. Уголком глаз я увидел, что Ли поступила так же. Я наблюдал, как она отклонилась на липкое сиденье, скрестила и плотно сжала ноги. Мой взгляд приклеился к ее бедрам. Ее юбка задралась, и я знал, что если бы наклонился немного вперед, то смог бы увидеть цвет ее трусиков. Эта мысль свела меня с ума. Мне необходимо было узнать. Я молился, чтобы такси поехало быстрее для того, чтобы проводить ее в свою спальню и выяснить это.

Ли открыла окно, позволяя легкому бризу ворваться в салон. Он развеял ее волосы в мою сторону, и я смог еще раз почувствовать аромат ее шампуня. Я закрыл глаза и сосчитал до десяти, зная, что если позволю своим чувствам вырваться на свободу, то не продержусь и двух минут, когда мы приедем ко мне домой.

Наконец, такси остановилось перед моим домом. Даже не посмотрев на счетчик, я вынул из кармана две двадцатки и сунул их водителю в руку. Открыл дверь и посмотрел, как Ли соскальзывает с сиденья, прежде чем взять мою руку и хлопнуть дверью позади себя.

Как только такси уехало, мы остались одни, и реальность происходящего нахлынула на нас снова. Я не хотел еще раз раздумывать об этом. Мне определенно не хотелось, чтобы это делала она. Я хотел вернуться туда, где наши губы встретились и сладкие стоны были единственным звуком, который я слышал.

Взяв Ли за руку, я потянул ее к входной двери дома. Я почувствовал облегчение, когда она не стала медлить. Мы зашли, держась за руки, направляясь сразу к лифту. Я жил на третьем этаже пятиэтажного дома. Подъем до квартиры был не долгим, но в тот момент казалось, что мы преодолевали километры. Как только двери лифта закрылись, я заметил, что наши руки больше не соединены, и мы оба стоим на противоположных сторонах лифта, смотря друг на друга.

Я не мог припомнить, когда в последнее время мы так долго обходились без слов. С момента, как покинули бар, были произнесены только стоны и единичные звуки моего имени. Это словно были не мы. Я пытался придумать, что сказать, что-то, что смогло бы вернуть нас назад к Шейну и Золотцу. Но в то же время не хотел разрушить то, что должно было произойти.

— Не думай об этом, — сказала Ли первая.

— А я и не думаю, — произнес я практически рефлекторно.

— Нет, ты думаешь, — заявила она. — Прекрати.

Я был поражен, насколько она выглядела спокойной и уверенной. Дыхание Ли замедлилось, и румянец на ее коже почти исчез. Моя очевидная нервозность на фоне отсутствия таковой у нее заставила почувствовать себя немного... неадекватным. Это было не то чувство, к которому я привык. Пикнув, двери лифта открылись на моем этаже. Я протянул руку, позволяя ей выйти первой. Слово «налево» практически сорвалось с моих губ. Но потом я напомнил себе, что нет нужды говорить ей, где моя квартира. Ли была уже здесь бесчисленное количество раз.

Проследовав за ней до двери, где она остановилась в ожидании, когда я открою дверь, я выудил ключи из кармана и пропустил ее вперед. Ли прошла по короткому коридору, щелкая выключателем за кухонным столом; она точно знала, где он находился. Ощущения были сюрреалистичными, то, что я привел сюда девчонку, которая относилась к этому месту, как к своему дому. Ли знала где что лежит, и ей не надо было пройтись вокруг, мысленно оценивая все мои вещи.

Девушки практически всегда останавливались перед дальней стеной, где висели шесть

больших рамок с черно-белыми фотографиями, интересуясь, что на них изображено и где они были сняты. Большинство были из загородного домика моих родителей в Джорджии. Одна — это заброшенный сарай вдали от главного дома. Другая — сломанный деревянный забор со случайным набором вырезанных на нем цифр. Красивый спрятанный уголок, на который я наткнулся, гуляя по участку.

Но Ли на них даже не взглянула. Почему она не сделала этого? Она видела эти картины уже тысячи раз. Она сама была в тех местах.

Я потер затылок, пытаясь приспособиться к новым обстоятельствам. Обычно я спрашивал девушек, не хотели бы они, чтобы я показал им квартиру, прежде чем, в конце концов, не привел бы их к моей спальне. Но в этот раз я не знал, что делать.

— Хочешь что-нибудь выпить? — спросил я, указывая на кухню, которая на самом деле была просто длинной барной стойкой, отделенной от гостиной небольшим островком.

Ли бросила свою сумку на диван рядом с голубым покрывалом, которое купила на случай, когда мы смотрим фильмы. Она повернулась и посмотрела на меня.

— Нет.

Ладно.

Я не двигался, размышляя над дальнейшими действиями, но Ли, казалось, уже что-то придумала. Она шагнула в сторону от дивана, двигаясь ко мне, а затем повернула налево, минуя настольный футбол, который мы с Брайаном купили, и направилась в спальню. Она остановилась около двери в мою комнату и оглянулась, повернувшись всем телом. Ли ждала, что я последую за ней. Я переждал секунду, чтобы посмотреть на эту девчонку, по-настоящему посмотреть. На девчонку, которая сегодня вечером шокировала меня до чертиков. Она полностью взяла контроль на себя, при этом оставаясь спокойной и собранной, как и обычно. Я был этим поражен. Прошелся взглядом вниз от ее лица, на мгновение остановившись на груди, прежде чем проследовать вниз к бедрам и ногам. Мысль о том, как эти ноги будут обвиваться вокруг моей талии, побудила меня к действию.

Мне понадобилось несколько шагов, чтобы догнать ее, и по мере того, как я подходил все ближе, моя решимость росла. Как только она оказалась на расстоянии вытянутой руки, я ухватил рукой ее за шею и поцеловал. Всем телом Ли прижалась ко мне. Одну ногу она поместила между моими ногами, и я почувствовал, как она подняла вторую и стала тереться внутренней стороной бедра об меня. Это уже было намного лучше любой мысли и мечты, которая у меня когда-либо была о нас. Мы начали задыхаться, и я почувствовал, как Ли опустила руки мне на талию, а пальчиками стала пробираться под мою рубашку, оставляя обжигающие следы везде, где касалась.

Я двинулся вниз от ее губ и провел языком по нежной коже шеи. На вкус она была сладко-соленой. Сладкая, она была именно такой, какой я себе и представлял, и соленая — от остатков пота после танцев. Медленно я лизал, направляясь все ниже к основанию ее шеи, прежде чем передвинуться к другой стороне. Я укусил ее за мочку уха, отодвигая сережки. Прерывистый вздох подсказал мне, что ей нравилось то, что я нашел одну из точек, которая могла свести ее с ума. Я хотел исследовать все ее тело и выяснить, сколько их у нее.

Я повел нас дальше в мою комнату, пинком захлопывая за нами дверь, так как не хотел, чтобы нас прервали, если Брайан вернется домой. Как только я хлопнул дверь, мы оказались в крошечной темноте. Я быстро поцеловал Ли, на несколько секунд просто прижавшись губами к ее губам, прежде чем потянуться и включить лампу, стоящую на комод. Тусклый золотистый свет озарил комнату, освещая Ли теплым сиянием.

Я всегда знал, что она великолепна. Любой мог это увидеть, только посмотрев на нее. Но видя ее сейчас, в моей спальне, когда неяркий свет колебался вокруг нее, это было больше, чем

мечта. Мечта, которая становилась явью.

Я шагнул от комода и встал напротив нее. Мы зашли далеко, и я знал, что скоро пути назад уже не будет. Потянулся и снял свою рубашку через голову, бросая ее на пол. Я ждал ее реакции, пока она смотрела, как одежда падала к моим ногам. Ли подняла взгляд и увидела мое выражение лица, которое словно говорило ей, что я жду, чтобы она поступила так же. Я видел, как ее плечи немного приподнялись на вдохе, прежде чем Ли потянулась и сняла свой топик, показывая черный кружевной бюстгальтер без бретелек. Я услышал легкий звук, когда топик упал на пол, но мой взгляд был прикован к ее груди. К кружевному бюстгальтеру, который ничего не скрывал. К ее соскам, которые были темными и твердыми. Это не первый раз, когда я видел грудь Ли. Год назад небольшая группа наших друзей арендовала на выходные пляжный домик в Киз. Однажды, когда я был в комнате Ли и она переодевалась, то случайно увидел, как она снимала бикини. Дверь в ванную была закрыта не полностью, и я мог видеть ее отражение в зеркале. Она понятия не имела об этом, но я не мог отвести взгляда. Так же, как не мог отвести взгляда сейчас. Только в этот раз Ли видела, как я смотрел.

— В такси я думал о том, какого цвета твои трусики, — сказал я ей, возвращая взгляд к ее лицу. Если мои слова и шокировали ее, то она это умело скрыла. — Они такие же черные? Белые? Или цвета, которым я буду удивлен?

С каждым вопросом я делал шаг все ближе и ближе к ней. Меня восхитило, что она не отшатнулась в испуге, а увидев легкий румянец на ее груди, я обрадовался, что смог добиться от нее такой реакции так быстро.

— Ты покажешь мне, Золотце?

Я был уверен, ей понадобятся все силы, чтобы остаться стоять так же непреклонно. Ее глаза заблестели, и она выпрямилась. Ли сделала небольшой шаг вперед, прежде чем завести руки за спину, а затем я услышал звук расстегивающейся «молнии». Я выдохнул, потому что не хотел, чтобы она увидела, как подействовал на меня этот звук. Уверенно и без промедления она ухватила за юбку и стянула ее вниз, позволяя ткани упасть к ногам. Сейчас она стояла напротив меня, одетая только в черный кружевной бюстгальтер и шелковые трусики.

— Розовые, — это все, что я мог произнести.

— Розовые, — повторила она.

Я подошел к ней, одной рукой обняв вокруг талии, а другой обхватив ее лицо. В этот раз я вложил в поцелуй все подавленное влечение, которое испытывал к ней на протяжении последних пяти лет. Я целовал ее за все эти годы, когда не делал этого. Я целовал Ли так, чтобы она знала, что все эти пять лет я страстно желал этого, даже если не осознавал. Я целовал ее за все эти пять лет, когда пренебрегал страстью и игнорировал влечение.

Я прикусил уголок ее рта, щеку и местечко чуть пониже уха. Мне хотелось попробовать каждую частичку этой девушки. Я чувствовал, как она сильнее впилась в меня пальцами, в то время как я покусывал ее кожу. Затем я сместился к ее плечам, исследуя линию ключицы своим языком, и спустился вниз, полизывая и целуя место посередине ее покрытой кружевами груди. Из этого же положения я посмотрел вверх, медленно передвигая руки ей за спину, давая понять, что собираюсь сделать. Пальцами пробежавшись по мягкой коже, я нашел застежку. Задержавшись на секунду, я дал ей шанс остановить меня, но она не остановила. Я резко расстегнул бюстгальтер, и он легко упал на пол, туда, где валялась остальная одежда. Мои глаза теперь находились на уровне с ее обнаженной груди. Она была полной и достаточно большой, чтобы поместиться мне в ладони. Я накрыл ее груди своими руками и слегка приподнял, чтобы ощутить вес. Закрыв глаза, я всосал сосок и представил, что еще смогу с ними сделать.

Мое возбуждение было настолько сильным, джинсы стали невероятно узкими и в ближайшее время мне просто необходимо кончить. После того, как уделил второму соску такое

же внимание, я потянул нас на кровать. Положил Ли и сразу же лег сверху, устраиваясь на локтях. Снова начал дразнить ее грудь. Я лизал и покусывал ее, спускаясь к животу. Чувствовал, как Ли всем телом извивается, приподнимаясь все выше и выше по мере того, как я спускался все ниже.

Я сел на колени между ее ног и осмотрел Ли сверху донизу. Оценивающим взглядом я изучал ее тело. Ли была полна мягких изгибов, и все они были невероятно сексуальны. В основном, я встречался только с моделями, у которых были видны ребра и торчали тазовые кости. У Ли тело было мягкое, но женственное. Не было ни одного местечка на ее теле, к которому я не хотел бы прикоснуться, почувствовать и поцеловать.

Потянувшись к ремню, я расстегнул его, затем пуговицу и «молнию». Уже лучше. Стянул джинсы и отшвырнул их в сторону. Ли наблюдала за мной, следя за каждым моим движением. Посмотрев на сладкое местечко между ее ног, я ухмыльнулся, когда увидел доказательство возбуждения, пропитавшее розовый шелк.

Я собирался опуститься и поцеловать это местечко, когда она обняла меня за плечи, останавливая. Я посмотрел на нее удивленно.

— У тебя ведь есть защита? — спросила она.

Я улыбнулся.

— Конечно, не переживай, — ответил я и приподнялся, чтобы поцеловать ее в щеку, а затем потянулся к прикроватной тумбочке. Открыв ящик, я начал шарить рукой в поиске маленького пакетика из фольги. Когда я не смог нащупать ни одного, то придвинулся ближе и заглянул внутрь.

Мое сердце ушло в пятки. В ящике не было ни одного презерватива. Ни одного. Только мой паспорт. Тут же я подумал о запасе на экстренный случай — о презервативе, который носил с собой в бумажнике. И снова столкнулся с неудачей, так как вспомнил об Адель, модели купальников, с которой был несколько недель назад.

Такого просто не могло быть.

Ли повернулась в сторону пустого ящика.

— Что случилось?

— Ничего, — сказал я, быстро начав думать, что же делать. — Ничего, просто дай мне одну секунду.

Я выпрыгнул из постели и помчался из спальни. Я надеялся, что Брайан меня выручит. Я забежал в его комнату, перешагивая через одежду, валяющуюся на полу, и направился к тумбочке. Открыв ящик, я нашел несколько журналов «Плейбой» и какой-то хлам.

— Пожалуйста, — прошептал я, почти умоляя. — Будь здесь.

Я стал вытряхивать журналы один за другим, пока, наконец, в самом конце ящика кусочек фольги фиолетового цвета не привлек мое внимание

— Спасибо тебе, Господи! — сказал я, вытаскивая два завалывшихся презерватива. Я поцеловал маленький пакетик и направился обратно в свою спальню. Как только закрыл за собой дверь, я застыл. Ли больше не лежала в той же позе, как я оставил ее. Она сидела на краю кровати спиной ко мне, и ее длинные золотистые волосы спадали по спине.

Мое сердце замерло, я думал, она остановит меня. Мои мысли быстро скакали от «Я не могу в это поверить» до «Ладно, может быть, это и к лучшему». Я шагнул в комнату практически к кровати. Зная, что бы ни случилось дальше, это, возможно, к лучшему.

— Золотце, — начал я, но не знал, что еще сказать.

Разочарование нахлынуло на меня, и я не хотел говорить ничего такого, о чем бы пожалел позже. Я пытался сформировать связное предложение у себя в голове, чтобы уверить Ли, что ничего особенного не произошло. Я открыл рот, готовый все это ей сказать, но мои губы

отказались пошевелиться, когда она встала с кровати. Я проследил взглядом от ее спины до попки, которая больше не была прикрыта розовым шелком, и с трудом сглотнул.

Медленно она повернулась, показывая себя мне. Показывая все. Женщина передо мной была самой красивой и сексуальной обнаженной женщиной, которую я когда-либо видел. Осталась только полоска темных волос там, где недавно был розовый шелк.

— Ух ты... — произнес я ошеломленно.

Я посмотрел в ее глаза, но что-то в них изменилось. Я увидел беспокойство в них.

— Обещай мне, что потом все не станет странным, — сказала она серьезно.

Я кивнул, молча соглашаясь, потому что все еще не мог произнести ни слова.

Но она повторила:

— Обещай мне, — сказала она с большим напором. — Обещай мне, что ничего не изменится.

Ее тон говорил мне о том, насколько это обещание было для нее важным. Я хотел сказать ей, что ничто не изменит того чувства, которое я испытывал к ней, ничто не разрушит нашу дружбу. Что она один из самых важных людей в моей жизни. И что, если Ли действительно была так обеспокоена, мы могли бы остановиться и забыть, что это когда-либо происходило. Мы могли бы одеться и больше никогда об этом не говорить. И я бы сделал это, чтобы заверить ее. Но поскольку я был эгоистом и мужчиной, то посмотрел в ее глаза и пообещал то, что, как знал, не будет правдой на сто процентов.

— Я обещаю. Ничего не изменится.

Легкая улыбка коснулась ее губ.

Затем, как из порно видео, она забралась на кровать и ползком добралась к середине, устроившись на коленях в ожидании меня. Я показал ей два пакетика из фольги, перед тем как кинуть их на кровать, затем потянул за резинку своих боксеров и стянул их вниз. Ее глаза слегка распахнулись при виде меня.

— Скажи мне, что тебе нравится, — спросил я Ли.

Она слегка рассмеялась.

— Тебе кажется, что мне могут не понравится оральные ласки?

Оральные ласки? Она серьезно?

— Я пытался быть учтивым.

Хитрая улыбка появилась на ее губах.

— Доверься мне. Если сделаешь что-то не так, ты поймешь.

Я знал Ли пять лет. Я знал ее родителей, а она встречалась с моими. Ли сотни раз засыпала на моем диване, пока смотрела фильмы. Я знал, какой она пила кофе, какая ее любимая еда. Какая ее любимая звезда. Но сейчас, после того, как я наблюдал, как эта девушка с улыбкой ползла по кровати, я понятия не имел, кто передо мной.

Я наклонил голову.

— Не думаю, что это будет проблемой, — сказал я уверенно.

Я забрался на кровать, мы оба теперь стояли на коленях в миллиметрах друг от друга. Я оглядел ее тело, не уверенный в том, где хочу дотронуться сначала. Мне хотелось трогать всю ее, чувствовать запах, пробовать на вкус. Определенная часть во мне говорила, что это может случиться единственный раз, так что я должен смаковать это, растянуть удовольствие.

Я протянул руку и пальцами медленно прошелся по ее груди, вниз, вдоль тела, затем от бедер до тазовой косточки, и до местечка пониже ее живота.

Я уже собирался убрать руку, когда Ли схватила меня обеими своими руками и направила туда, где ей хотелось меня почувствовать. Ли была влажная, мягкая и такая теплая.

Удивившись ее резким движениям, я посмотрел ей в глаза, но, опять же, все, что

происходило этой ночью, все, что касалось ее, удивляло меня.

— Я умираю там, — прошептала Ли. — Пожалуйста, не заставляй меня ждать.

Ее слова для меня стали словно переключателем. Я больше не хотел наслаждаться моментом. Все, чего я хотел, это быть внутри нее.

Я обхватил ее лицо ладонями и поцеловал в предвкушении того, что должно было случиться. Я был слегка груб и напорист со своими руками, языком и губами. Но самая лучшая часть? Ли отдавала это на сто процентов. Она соответствовала моей скорости, и я не был уверен, кто же кого ведет.

Я приподнял ее за бедра настолько, чтобы опрокинуть на матрас. Небольшой вздох сорвался с губ Ли, а затем я снова поцеловал ее и наши языки снова сплелись. Я лизал, целовал и кусал ее шею и грудь. Ли извивалась подо мной, мои поцелуи и укусы действовали на нее именно так, как я хотел. Я встал на колени так, чтобы ее ноги оказались по обе стороны меня. Всего в нескольких миллиметрах от меня находилась часть ее тела, которую я еще толком не исследовал. По-настоящему не потрогал и не почувствовал. Одно местечко, которое я еще не вкусил. Ли наблюдала, как я смотрел на нее, и мне нравилось, что она не смутилась от моего взгляда. Это завело меня еще больше, хотя я и не думал, что это возможно. Засунув два пальца себе в рот, я облизал их, а затем опустил руку и прикоснулся к ней. Она была такая же гладкая, как и шелковые трусики, которые носила, и я начал кружить пальцами вокруг чувствительного местечка, наблюдая, как меняется выражение ее лица. Ли медленно закрыла глаза, ее дыхание углубилось, а руки она закинула вверх на подушку.

— Я хочу видеть, как ты кончаешь. Потому что во второй раз, когда это случится, мой взгляд может быть затуманен, — сказал я, возвращая свое внимание к ее лицу.

Ли мягко улыбнулась и задвигала бедрами, подстраиваясь под движения моих пальцев.

Упершись одной рукой рядом с ее головой, я склонился над ней, не прекращая движений пальцами.

— Ты разрешишь мне увидеть? Позволишь мне посмотреть? — спросил я.

Она распахнула глаза и приоткрыла рот. И не произнесла ни слова. Ли не могла думать, но ее тело сказала мне «Да».

Мы продолжали оставаться в такой позе, наши лица были так близко, но не соприкасались, пока я продолжал трогать ее снаружи и неглубоко входил пальцами внутрь. По тому, как напряглось ее тело, я знал, Ли уже близко. Затем одной рукой она обхватила меня за плечо, сжимая, и кончила.

— О, черт, — выдохнула она.

Я продолжал двигать пальцами до тех пор, пока ее тело не умоляло остановиться. Я вынул пальцы и поцеловал ее, наше дыхание смешалось. Ли положила руки на мои бедра, впиваясь ногтями мне в кожу. Я немного отстранился, изучая ее лицо.

— Хорошо?

Она ухмыльнулась.

— Великолепно.

Пальцами она провела от моих бедер до живота и медленно скользнула ниже, пока не обхватила у основания. Я чувствовал, как она водила большим пальцем вверх и вниз, и по кругу. Я задержал дыхание и слегка качнул бедрами.

— Хочешь попробовать? — спросил я.

Она приподняла уголок рта, еще раз сжимая пальцы, прежде чем выскользнуть из-под меня, толкнуть на спину и расположить перед своим ртом. Никогда еще мне не было так хорошо. Мне пришлось использовать каждую каплю своей воли, чтобы не закрыть глаза и посмотреть, как она ублажает меня. Я убрал несколько прядей длинных волос, упавших с ее головы, пока она

двигалась вверх и вниз.

— Боже, а ты хороша в этом, — сказал я.

Она подняла на меня глаза и улыбнулась.

— Я знаю.

Я знал, что если позволю ей продолжать, поиски тех презервативов будут напрасными.

— Достаточно, — сказал я. — Я не так хочу кончить.

Она остановилась и поднялась ко мне, усевшись в опасной близости к тому месту, где я хотел, чтобы мы соприкасались.

— А как ты хочешь кончить? — поддразнила она меня.

Засмеявшись, я ответил:

— Думаю, ты знаешь.

Я опустил взгляд туда, где она сидела на мне, затем чуть-чуть повыше. Достав один презерватив, я разорвал обертку и натянул его на себя. Как только был готов, я посмотрел на нее.

— Запрыгивай, — сказал я Ли.

Прошла секунда или две, пока мы оба смотрели друг на друга, зная, что как только сделаем это, как только подвинем наши тела на несколько сантиметров, пути назад уже не будет. За эти две секунды нам надо было сделать выбор. Выбор, который, как ни крути, изменит нас.

Ли приподняла свое тело и сократила расстояние, которое разделяло нас. Я положил руки ей на бедра и направил к нужному месту, прежде чем толкнуться внутрь. Несколько минут назад я думал, что самое лучшее, что я когда-либо чувствовал, это рот Ли. Но я ошибался. Я не был подготовлен к тому, какой теплой, тугой и фантастической она чувствовалась вокруг меня.

Как только я полностью вошел, Ли устроилась на мне и мы оба начали двигаться. Она поднималась и опускалась, руками упершись мне в грудь, используя меня как опору. Одну ладонь я оставил на ее бедрах, а второй обхватил ее грудь.

— Боже, Ли. Ты ощущаешься восхитительно, — сказал я, наблюдая за ее телом, за тем, как она двигалась надо мной снова и снова.

— Я думаю, что опять кончу, — сказала она, запутавшись одной рукой в своих волосах, а другой, встретившись с моей рукой, обхватила свою грудь.

— Пожалуйста, кончи еще раз, — сказал я и задвигался быстрее. Я положил свою руку туда, где встречались наши тела, и большим пальцем нашел то место, которое свело ее с ума до этого, и помог ей достичь второго оргазма. Просто видеть, как эта девушка кончает, достаточно, чтобы мне захотеть самому.

— Господи, — выкрикнула она, — Шейн!

Я чувствовал, как мышцы Ли сокращались вокруг меня, и обхватил ее рукой, переворачивая нас. Ее тело все еще дрожало, когда я начал двигаться быстрее и жестче. Пот струился по шее, мышцы живота напряглись... это означало, что я близко.

— Я собираюсь кончить, — сказал я ей. Я опирался на локти по обе стороны от ее головы, когда Ли обхватила меня своими ногами вокруг талии. Всего лишь несколько толчков теперь отделяли меня от оргазма.

— Ли, черт, Ли, — пробормотал я, уткнувшись ей в шею.

Я тяжело дышал ей в волосы. Наши тела были липкими от пота, все еще прижатыми друг к другу. У меня едва хватало сил, чтобы двигаться, но я скатился с нее, так что теперь мы оба лежали на спине рядом друг с другом.

— Ух ты. Это было... — начала она, но не закончила. Ей и не надо было.

— Да. Это было, — закончил я за нее.

Мы молчали еще несколько минут и никто из нас не знал, что сказать или сделать. Хотел бы я найти правильные слова, но у меня их не было. От удовольствия и измождения, я едва держал

глаза открытыми. Может быть, правильные слова придут утром после нескольких часов сна. У меня будет более ясный ум, а Ли, скорее всего, не будет голой, пока мы будем говорить. Мы встанем, выпьем кофе, прочитаем газету, как делали раньше, непринужденно поговорим об этом, и все будет хорошо.

Все будет хорошо.

Ли

Я не могла двигаться, и не могла остаться. Я боялась, что любое движение или перемещение окончательно вырвет меня из полусна и заставит встретиться с реальностью, с осознанием того, что произошло здесь прошлой ночью.

Я знала, что еще раннее утро, солнце только начало медленно подползать к моим закрытым векам, но этого было достаточно, чтобы разбудить меня. Я бы хотела проснуться в середине ночи, когда комната была скрыта в темноте, а Шейн был едва виден. Было бы легче выбраться из его постели, если бы он являлся просто тенью, и я бы не видела каждую его черту. Его обнаженную грудь, кожу, которая напоминала мне о том, как я люблю свой кофе — сладкий и немного молока. Его мускулистые плечи, которые всего лишь несколько часов назад поддерживали его надо мной, могли быть скрыты в темноте, но теперь не было никакой возможности проигнорировать их. Каждая его часть становилась все более и более четкой с каждой минутой, и это было невозможно избежать.

Что, черт возьми, я делала? Ждала, что он проснется? Или давала нам обоим время, чтобы переварить события прошлой ночи, прежде чем мы поговорим?

Несколько часов назад я заставила его пообещать не дать всему стать странным, заставила дать клятву, что мы не потеряем то, что имеем. Какой, черт возьми, глупой я была. Конечно, все станет странным. Я уже запаниковала рядом с ним.

Я медленно повернула голову, стараясь быть осторожной. Шейн лежал на спине, только тонкий слой простыни прикрывал его бедра, а небольшая полоска темных волос проглядывала из-под простыни. Я подняла взгляд к лицу Шейна; он продолжал спать мирно и удовлетворенно. Как будто его ничего не волновало. Просто невероятно, как мужчины могут делать это, не позволяя ничему беспокоить их между двенадцатью ночи и семью утра. Как они просто могут выключить свой мозг и оставить все до утра. Пока он спал, как младенец, мой мозг продолжал работать, не позволяя мне отдохнуть достаточно, чтобы поспать хотя бы двадцать минут. Хотела бы я спать как Шейн. Найти мир и покой в этой кровати. Но я не могла и из-за этого хотела разбудить его.

Воспоминания о прошлой ночи крутились в моей голове. Все, начиная от рюмок текилы, танцев и опять до текилы. Воспоминание о натуральном удивлении Шейна, когда он входил в бар, моментально заставили меня улыбнуться. Понимающий взгляд, который он мне подарил, признавая, что на этот раз я его переиграла. То, как я собрала всех друзей вместе, смех, улыбки, абсолютно идеальный день рождения. Пока чертов Брайан не открыл свой чертов рот.

«Вы ни разу не думали перепихнуться? Даже ради смеха?»

Боже, почему я позволила этому задеть меня?

После этого вопроса, только об этом я и могла думать. Шейн и я. Я и Шейн. Секс. Мысль, которая никогда раньше не приходила мне в голову. Конечно, я всегда знала, какой он привлекательный. Что я, монашка, что ли? Посмотрите на него. Он великолепен! Но мы так долго были друзьями. В первые два года нашей дружбы я встречалась кое с кем другим! Когда я фантазировала о других мужчинах, это всегда были Райан Рейнольдс или Райан Гослинг. Никогда это не был мой лучший друг. Черт, он и есть мой лучший друг. Но прошлой ночью, нежданно негаданно, я набросилась на него. Несколько раз.

Снаружи бара.

В такси.

В гостиной.

В спальне.

О чем я только думала? Я сама начала все это. Я практически умоляла его об этом. Если бы не было риска разбудить его, я бы уткнулась в подушку и закричала. Мне было необходимо выбраться отсюда. Я не могла столкнуться с ним. Не тогда, когда сгорала от стыда от осознания того, что начала.

Медленно и осторожно я выбралась из постели, молясь, чтобы он не проснулся. Я подобрала разбросанную на полу одежду и оделась быстро и тихо. Я услышала шуршание простыней и мое сердце остановилось. Я замерла, а затем начала красться на цыпочках. Шейн повернулся и лег на живот. Протянул руку туда, где всего лишь мгновение назад лежала я, но, к счастью, мое отсутствие его не разбудило.

Черт, а это страшно. Я сбегала, как если бы это был просто секс на одну ночь, с надеждой никогда больше не увидеть этого человека. Но я увижу его снова. Мне придется увидеться с ним. Потому что это Шейн. Мой Шейн. Мой друг — постоянное явление в моей жизни.

Это какой-то дурацкий ночной кошмар.

Закончив одеваться, я на цыпочках направилась к двери, медленно открывая и закрывая ее за собой. Я направилась по коридору, стирая с глаз подводку, которая, вероятно, размазалась ночью. Пробежавшись пальцами по волосам, почувствовала колтун за колтуном. Я двинулась к дивану и быстро нашла там свою сумочку, открыла ее и поблагодарила Бога за коробочку «Тик-Так», которую бросила туда. Я закинула одну конфету в рот. Никогда еще не была так счастлива за взрыв мятной свежести на языке.

Я повернулась, чтобы направиться к входной двери, и застыла на месте, столкнувшись с еще одним ночным кошмаром. В нескольких метрах от меня, за кухонным столом, с ложкой хлопьев у рта сидел Брайан. Все еще в одежде, в которой был прошлым вечером, он хмурил брови, медленно осознавая то, что видел перед собой. Я конечно часто ночевала здесь, но ни разу мы с Шейном не спали в одной кровати, ни разу я не выбиралась из его комнаты, как будто у меня только что был секс. Господи, я надеялась, у меня не было видимых следов от укусов.

Что мне сказать? Нужно ли мне что-нибудь говорить? Нет. Мне не нужно было оправдываться, по крайней мере, не перед Брайаном. Я просто собиралась молча выйти за дверь. Да. Это звучало хорошо. Брайан раскрыл рот шире, когда взглядом осмотрел меня сверху донизу. Очевидно, он распознал мою стыдливую походку, потому что перевел взгляд с меня на дверь, ведущую в комнату Шейна, и обратно.

Прежде чем у него появился шанс что-либо сказать, я рванула к двери, оставляя его потрясенным и молчаливым. В гордом одиночестве. Я не решила ждать лифт. Рванула к пожарному выходу и побежала через три лестничных пролета вниз к холлу, к безопасности, подальше от этого здания. На улицах было все еще тихо, едва ли кого-то встретишь, это и было понятно, учитывая, какое еще было раннее воскресное утро. Я прошла три квартала до более оживленного перекрестка, где надеялась поймать такси. Я шла все быстрее с каждым шагом, двигаясь так стремительно, как это позволяли каблуки. Мой желудок скрутило, и я была абсолютно уверена, что это не из-за выпитого вчера алкоголя. Пот струился по шее, и я знала, это не из-за утреннего солнца. Я продолжала бежать быстрее и быстрее, никогда еще мне не хотелось убраться от этого места так сильно, как сейчас.

Семь текстовых сообщений, два голосовых сообщения и e-мэйл. Вот сколько раз Шейн пытался поговорить со мной за последние полтора дня.

Шейн: Ты делаешь это странным.

Он был прав. Я знала, что Шейн был прав. Я ненавидела то, что он был прав.

Это я сделала все это странным — тем, что не отвечала на его звонки и смс. Я такая лицемерка. После того, как заставила его пообещать мне, что ничего не изменится, сама скрывалась от него.

Я просто не знала, что сказать. Каково это будет увидеться с ним? Сможем ли мы вести себя, будто ничего не случилось? Возможно ли это, потому что я лежала перед ним голая? Видела его голым? Я имею в виду, что у нас был секс. Великолепный секс. Что делало все только хуже. Может быть, если бы секс был ужасным, то было бы не так неловко увидеться с ним. Тогда мы посмеялись бы над этим несколько минут и забыли. Но над сексом с Шейном смеяться не получится, и я не думаю, что смогу вообще его забыть.

Стук в дверь прервал мои размышления. Холли просунула голову в проем, и ее губы изогнулись в улыбке. Она зашла без приглашения, как обычно делала, и села на стул напротив моего стола.

— Ты не отвечала на мои звонки вчера, — сказала она. — Неужели похмелье было таким ужасным? Эдди даже не смог выбраться из постели, — засмеялась она.

Ответ на ее вопрос на самом деле был более сложный, чем она могла себе представить.

— Довольно веселенькая выдалась ночь, — добавила она.

Я почти застонала. Мне не хотелось ни с кем вчера разговаривать. Как только добралась до дома, я сняла одежду и пошла в душ. Хотела бы я сказать, что горячая вода смыла все мысли о прошлой ночи, но каждый раз, как только мои руки касались определенных участков тела, я все больше и больше вспоминала об этом. Я закуталась в халат, запрыгнула в постель и целый день смотрела сериал «Друзья». Я оставляла все звонки и сообщения без ответа.

— Видимо, та выпивка ударила мне в голову сильнее, чем я предполагала, — сказала я, стараясь улыбаться, но уверена, что это выглядело более нелепо и натянуто, чем когда-либо.

— Надеюсь, что к вечеру тебе полегчает. Ничего грандиозного. Точно никакой выпивки, — сказала Холли.

— Вечером? Что будет сегодня вечером?

Холли посмотрела на меня с улыбкой.

— Шейн уезжает завтра, — медленно сказала она.

— Черт.

Я совершенно забыла, что Шейн завтра уезжает в Австралию на съемки для National Geographic. Эту поездку он ждал больше месяца. Шейн будет фотографировать малонаселенные районы. Я помню, он рассказывал про историю Эйер Рок. Его не будет почти две недели. Я почувствовала острую боль в сердце от мысли, что мой лучший друг уедет так надолго, а я не смогу поговорить с ним перед этим. Но я не смогу поговорить с ним, когда вокруг нас народ, а также я все еще не знаю, что сказать.

— Я не знаю, Холлис. Я немного отстаю, — я указала на папки на столе. — Думаю, мне придется остаться сегодня допоздна.

Глупое объяснение, знаю. Тем более, что я никогда не пропускала наши сборища перед тем, как уезжал Шейн.

— Ты ведь помнишь, что его не будет две недели, верно? Ты никогда раньше не пропускала

такое, — сказала она, шокированная тем, что я собиралась пропустить встречу.

— Я знаю, но мое расписание не может всегда вращаться вокруг Шейна, — ответила я. Это звучало, как оправдание, и я внутренне содрогнулась.

Холли устроилась поудобнее, изучая меня.

— Что происходит?

Очевидно, она тоже это слышала.

— Ничего.

Она уставилась на меня, все еще не веря.

— Нет... что-то стряслось. Выкладывай, — начала она.

Я никогда не утаивала от Холли ни одну из моих сексуальных историй. Особенно, когда секс был настолько хорош. Но сейчас все было по-другому. Все было так запутанно. Я даже не знала, как начать. Может быть, если я поговорила бы об этом с кем-то, все бы прояснилось и я смогла бы справиться при следующей встрече с Шейном. Когда бы это ни было. Я глубоко вздохнула.

— Кое-что произошло... с Шейном.

— Что ты имеешь в виду? Вы что, поругались или типа того? — спросила она.

Я повертела в руках ручку несколько раз, прежде чем опять взглянуть на нее.

— Нет, — тихо сказала я. — Не совсем.

— Тогда что? Все вроде было прекрасно в субботу вечером. Мы все отлично провели время, особенно Шейн. Последний раз, когда я вас видела, вы уходили с танцпола, а потом я потеряла вас из виду...

Холли остановилась на середине предложения и на ее лице появился вопросительный и удивленный взгляд, как если бы ее ударили по лицу.

— Подожди! — начала она, вскидывая свои руки. — Подожди, подожди... вы, ребята... вы, ребята?..

Я отвернулась и с трудом сглотнула. После нескольких секунд тишины, взрыв смеха привлек мое внимание.

— Почему ты смеешься? — спросила я, раздражаясь.

— О, Боже, — проговорила она между взрывами смеха. — Я должна быть так зла от того, что ты говоришь мне только сейчас, — сказала она, скрестив руки на груди. — Так, значит, вы двое сделали это. Это произошло. С днем рождения, Шейн, — поддразнила она.

Я сжала губы и продолжила вертеть ручку между пальцев.

— Так что это означает? — спросила она тревожно.

Не поднимая взгляда, я пожала плечами.

— Хорошо, а что он сказал?

Я опять пожала плечам.

— Он ничего не сказал.

— Я не понимаю. Это не имеет смысла.

— Я имею в виду, что мы не разговаривали.

Она прищурилась, вскинув голову от удивления.

— Вы не говорили с тех пор, или вы не говорили об этом? — спросила она. Затем ее глаза распахнулись. — О, Боже, — она начала ловить ртом воздух. — Это было... ужасно?

— Что? НЕТ! — ответила я немного поспешно.

Ужасно — это определенно не то слово, которое я бы использовала. Изумительно. Оргазмически. Вот какие слова я бы использовала. Но оставила их для себя.

— Мы просто еще не разговаривали.

— Вообще? Даже после того?

Я почувствовала, как волна жара проходит по моей шее, а температура в моем офисе начала

меняться в сторону тропической.

— Я вроде как ушла, пока он спал, — призналась я.

Лицо Холли оставалось неподвижным в течение нескольких секунд, прежде чем я увидела, что она пытается сдержать смех.

— Ты улизнула? — легкое хихиканье слетело с ее губ.

Я кивнула.

— Брайан видел меня.

Хихиканье Холли теперь превратилось в настоящий надрывный хохот. В глазах появились слезы.

— Это не смешно, — практически рассерженно выпалила я.

— Так, и что теперь? Ты собираешься его просто игнорировать? Таков твой план? — она прекратила смеяться и посмотрела на меня, давая понять, что я смешна. — Ли, чем дольше ты отказываешься поговорить с ним...

— Я знаю, знаю. Просто не знаю, что сказать, — ответила я ей.

— Так дай ему начать, — сказала она, вставая.

— Или, может быть... — начала я с надеждой в голосе, — ...Шейн также не думает, что нам нужно говорить об этом. Может, ему нормально, как есть. Как будто ничего и не было.

Холли посмотрела на меня, будто у меня выросла вторая голова.

— Ли, у тебя был секс с Шейном. С Шейном. Это меняет все!

Она покачала головой и вышла из моего кабинета, оставляя меня осмыслить ее слова. Я боролась с порывом в негодовании кинуть в нее ручку, потому что боялась, что Холли была права.

Я взяла телефон и перечитала сообщения от Шейна. Все семь. Опять и опять. Мои пальцы зависли над клавишей «Ответить», но я не нажала ее. Вместо этого я открыла ящик стола и положила телефон туда, стараясь игнорировать его весь остаток дня.

Тем вечером я не пошла к Эдди и Холли. Я ненавидела то, что чувствовала страх увидеть человека, которого раньше никогда не сторонилась. Это будто ударило меня в самое сердце, от этого я чувствовала тошноту. Я пыталась забыть об этом и старалась быть занятой, оставаясь в офисе допоздна. Но, оставаясь в стороне и будучи занятой, я не удержалась и неустанно проверяла телефон. Я больше ничего не получила от Шейна, но Холли писала, спрашивая, еду ли я к ним. Я прокрутила к последнему сообщению от Шейна.

Шейн: Ты делаешь это странным.

Это сообщение говорило больше, чем какое-нибудь другое.

Я стала собираться домой, выключая компьютер и убирая несколько последних папок, когда услышала писк телефона.

Шейн: Я уезжаю завтра.

Если бы ситуация была противоположной и это он относился бы ко мне таким образом, я была бы более чем зла и раздражена. Я была бы... опустошена. Я не хотела делать с ним такое. Не хотела делать это с собой. Мысль о том, что Шейн уедет на две недели, и до объезда я не увижу его, разбила мне сердце.

Я: Ты один?

Его ответ пришел немедленно.

Шейн: Только что пришел домой.

Прежде, чем я, наконец, отправила сообщение, прошло две минуты.

Я: Буду скоро у тебя.

Он ответил через две секунды...

Шейн: Хорошо.

Пока ехала в такси, я прокручивала каждый сценарий, который мог развернуться. Я пробовала и готовилась к каждому из них. Привычка, которую я приобрела, будучи юристом. Быть готовым ко всему. Подготовить аргументы, спланировать контраргументы и иметь под рукой примеры. Только как мне подготовиться к ЭТОМУ?

Что, если Шейн скажет, что, несмотря на обещание, которое он мне дал, все изменилось и находиться теперь рядом со мной слишком неловко. Для нас уже невозможно все вернуть назад.

Это убьет меня. Потеря Шейна разобьет мне сердце.

Возможно лучшей стратегией для того, чтобы быть уверенной, что та ночь не встала на пути нашей дружбы, будет вести себя так, как если бы она никак на нас не повлияла. Я построю свою позицию на признании, что, да, у нас был секс, но на меня или же на то, что я чувствую по отношению к нему, это никак не повлияло. В свою очередь, это не должно влиять на него. Это было всего лишь раз. Мне было любопытно после комментария Брайана (*чертов Брайан!*), и я по глупости это начала, но теперь можно вернуться к нашим обычным отношениям.

Отлично! Это самый лучший способ справиться с этим.

Вести себя, как будто ничего грандиозного не произошло и ничего не изменится.

Входная дверь распахнулась прежде, чем я постучала, будто он ждал и проверял через глазок, когда же я приду.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответила я, неловко улыбнувшись.

Боже, это уже странно.

Он отошел в сторону, пропуская меня в квартиру. Как только я оказалась в гостиной, меня начала бить нервная дрожь, когда я вспомнила, что произошло в этой квартире. Мне внезапно захотелось, чтобы у меня было немного той самой жидкой смелости, которая ко всему этому привела. Просто, чтобы немного ослабить нервозность. Достаточно для того, чтобы я сказала то, что тщательно спланировала.

Я выпрямилась и повернулась к нему. Мы пристально смотрели друг на друга, ни один из нас, очевидно, не был готов говорить первым. Никто не хотел поднимать эту тему.

— Хочешь что-нибудь выпить? — предложил он.

Он произнес те же слова, как и тогда, прежде чем я пошла в его спальню. Я покачала головой, чтобы ответить ему, и также чтобы очистить голову от воспоминаний.

— Ты игнорировала меня, — сказал он. Наклонив голову, он мельком взглянул на пол, засовывая руки в карманы джинсов. — Ты ушла довольно рано в воскресенье.

— Я знаю, — ответила я виновато. — Извини за это... — теперь я понимала, что мой уход немного задел его. — Думаю, я не очень хорошо с этим справилась.

Он посмотрел на меня и наши взгляды встретились.

— Ты так думаешь?

Я заслужила его нагоняй.

— Ты в порядке? — спросил он искренне, изменив тон. — Суббота была невероятна, Ли. Действительно. Все от вечеринки до... после. Все было удивительно, — он сделал шаг вперед, вынимая руки из карманов и протягивая ко мне. — Золотце...

О, Боже! Сейчас будет «но». Он собрался сказать именно то, чего я и опасалась. Хотя мы и обещали, что не позволим ничему измениться, пути назад нет. По крайней мере, не для нас. Необходимость остановить его, прежде чем Шейн что-то скажет, стала очень сильной. Я почувствовала, как мое тело трясет. Мне необходимо было сказать что-нибудь, пока он не произнес то, что невозможно будет забрать назад.

— Ничего не было! — резко прервала его я.

Сейчас или никогда, Ли. Скажи ему, что ночь не была ничем особенным. Что это не оказало на тебя никакого эффекта, и не следует позволять этому влиять на ваши отношения. Спаси дружбу.

Шейн замер, пораженный моими словами.

— Что, прости?

Вот так, Ли. Скажи все, что так скрупулезно планировала.

— Я согласна, суббота была удивительной, — я выдавила улыбку. — Я ушла рано в воскресенье, потому что не хотела, чтобы ты чувствовал себя обязанным что-либо говорить. Тут нечего говорить, — сказала я так откровенно, как только могла. — Я в порядке. Ты в порядке. Мы оба в порядке. Мне было любопытно. Нам было любопытно. Это как будто мы расчесали зуд, и теперь все прошло. Все может быть, как прежде.

Я проглотила комок в горле, ожидая от Шейна вздох облегчения, но не получила такой реакции. Напротив, я видела, как он озадаченно моргнул несколько раз. Как если бы я была уравнением, которое он пытался решить.

— Хорошо, — сказал он немного неуверенно. Шейн засунул руки в задние карманы джинсов, понимая, что все это время держал их в воздухе. Он улыбнулся, но улыбка не затронула глаз, как это обычно бывало. — Рад, что мы смогли все это прояснить.

Его голос звучал отчужденно и даже немного резко. Неужели я его чем-то обидела? Должна ли я была сказать это другими словами? Хотелось бы мне спросить его, как я обычно спрашивала обо всем, но не могла. Только не об этом.

В этот момент его улыбка стала более искренней, и он направился ко мне.

— Так мы в порядке? — спросил он.

Я улыбнулась так естественно, как смогла, даже несмотря на то, что чувствовала себя ужасно.

— Великолепно.

Впервые в жизни Шейн помедлил, прежде чем обнять меня. Но как только я обняла его в ответ, он расслабился. Его губы прижимались к моей шее, пока он говорил:

— Я скучал по тебе, Золотце... — пробормотал он.

— Я тоже по тебе скучала, — ответила я, прижимая его сильнее. Но теперь Шейн чувствовался совсем по-другому. Более интимно, нежели раньше. Я первая его отпустила, так как нуждалась в пространстве между нашими телами. — Я хотела увидеть тебя, прежде чем ты уедешь. Убедиться, что мы все прояснили, — сказала я, делая несколько шагов назад.

Он нахмурился.

— Ты не хочешь остаться ненадолго? Мы могли бы провести время вместе, посмотреть телевизор. Возможно, где-нибудь показывают «Друзей».

Я покачала головой, хотя часть меня очень этого хотела.

— У меня был длинный день. А у тебя будет еще дольше завтра. Мы проведем время вместе, как только ты приедешь.

И, как и в то утро воскресенья, я поспешила убраться оттуда. Я больше не могла оставаться там.

— Ты уверена? — я услышала разочарование в его голосе.

— Точно. Как только ты вернешься, — повторила я.

Я прошла мимо Шейна, и, уловив его легкий аромат, у меня закружилась голова. Его голос заставил повернуться и посмотреть на него, прежде чем я вышла за дверь.

— Будешь по мне скучать, пока я буду в отъезде? — спросил он, натянуто улыбнувшись.

Это укололо меня прямо в сердце, так как я могла с уверенностью сказать, что его улыбка вымученная. Рядом со мной он никогда не заставлял себя улыбаться. Я уже видела, как менялись отношения между нами.

Я кивнула, выдавив собственную улыбку.

— Обязательно, — ответила я быстро, прежде чем закрыть за собой дверь.

Ли

— ЧТО ЗА ЧЕРТ? Что за чертов черт? — мой голос содрогнулся от паники. Я уставилась на маленькую белую палочку в моей руке. На крохотную пластиковую палочку с двумя яркими и отчетливо видимыми красными полосочками. Этого не могло быть. Наверное, я сплю. Просто каким-то образом заснула у Холли, и теперь мне снится кошмар. Заставив себя закрыть глаза и сосчитать до пяти, я медленно и глубоко вдохнула, продолжая повторять, что это не настоящему. Что на самом деле я не стояла ванной у Холли рядом с умывальником и не держала в руках маленькую палочку, которая весила, как двадцать фунтов. Я повторяла это снова и снова. Медленно открыла глаза и ждала, что меня накроет облегчение, и увижу все, что угодно, кроме ванной комнаты Холли. Но я увидела это. Я встретилась со своим отражением в зеркале Холли, с ее ярко-красными занавесками для душа, и опустила взгляд.

— Боже мой, — я попыталась сглотнуть зарождающийся комок в горле.

Тут послышался легкий стук, дверь приоткрылась, и появилось лицо Холли.

— И? — спросила она, заходя внутрь.

Я подняла палочку, показывая ей результат. У меня закружилась голова, и я подумала, что просто сейчас грохнусь в обморок. Я оглянулась вокруг, опустила сиденье унитаза и плюхнулась на него.

— Это ничего, — начала Холли. — Это старый тест. Он валялся у меня под умывальником, по меньшей мере, год. Скорее всего, это ложноположительный, — сказала она спокойно.

— А такое бывает?

— На сколько дней у тебя, говоришь, задержка?

— Четыре дня, — прошептала я.

— Это не так и долго, — сказала подруга уверенно. — У меня такое было много раз.

Я посмотрела на нее, мое лицо ничего не выражало.

— У меня никогда не было задержек.

Холли отмахнулась от моих слов.

— Ну, а теперь есть.

Поднимая меня с сиденья унитаза, она собрала использованные тесты и пустые коробочки в мусорную корзину рядом с туалетным столиком.

— Мы пойдем в аптеку и купим все тесты, которые у них есть, — сказала Холли, смотря на меня. И уже с немного меньшей уверенностью, чем раньше, добавила: — Вот увидишь, что я была права.

* * *

Дорога до аптеки для меня была как в тумане. Я смутно помнила, как мы торопились пройти квартал до аптеки на углу. Припоминаю, как Холли потянула меня внутрь, и от порыва кондиционера я задрожала. Но каждый момент вспоминался очень живо, пока мы стояли рядом с полками этих разноцветных коробочек, вспоминая название брендов из рекламы.

Спасибо, Господи, что у меня была Холли. Пока я стояла в замешательстве, не в состоянии пошевелиться, она бросала упаковку за упаковкой в корзинку, которую взяла рядом с входом.

— Возьми две, — сказала она, показывая на большие бутылки с водой рядом с кассой. —

Тебе они понадобятся.

Я взяла две бутылки, пока Холли платила за наши покупки. Мои покупки. Мой мозг говорил мне остановить ее, заплатить за все самой, но мое тело, казалось, не могло делать ничего, кроме как следовать ее простым инструкциям.

Иди туда.

Возьми это.

Я просто делала то, что подруга мне говорила.

— Ты сделаешь эти тесты и мы поймем, что все это беспокойство было ни о чем.

Я кивнула, не способная больше ни на что. Я стала гребаным инвалидом.

* * *

Дорога назад была такой же быстрой. Мы вышли из лифта, я пошла за ней к двери внутрь и наткнулась прямо на ее спину. Не готовая к внезапной остановке, я оглянулась, чтобы понять, что же стало ее причиной. На диване в гостиной сидели Эдди и Брайан, наблюдая за нами.

— Что ты здесь делаешь? — вскрикнула Холли, пряча сумку с покупками за спиной.

Эдди приподнял брови.

— Я живу здесь, — но прозвучало это так, будто он задавал вопрос.

Холли засуетилась.

— Я имею в виду, разве ты не собирался играть в гольф или типа того? — ее тон звучал немного обвинительно.

— Мы собирались, но выгляни наружу. Собирается шторм, — сказал Брайан, кивая на окно.

— Шторм? — я глянула в окно и увидела медленно надвигающиеся темно-серые облака.

Шторм поздно вечером в такое время года случался довольно редко.

— А сейчас мы смотрим игру, — показал он на телевизор.

— А не могли бы вы делать это где-нибудь в другом месте? — спросила Холли.

— Почему? — удивился Эдди.

— Потому что ты сказал, что вас здесь не будет! — начала спорить Холли.

Парни уставились на нее, пытаясь осмыслить, что здесь происходит.

— Почему ты расстроена? — он опустил голову, сконфуженный тем, что собирался казать.

— Это... у тебя месячные?

Брайан фыркнул достаточно громко, чтобы мы услышали.

Я бы посмеялась над смущением Эдди, если бы сама не столкнулась уже с отсутствием месячных у меня.

Холли напряглась, между нами повисло молчание. Я стала чувствовать себя немного виноватой. Мне не хотелось, чтобы мои проблемы вставали между друзьями, особенно между Холли и Эдди. Мне надо было сказать что-то, чтобы уменьшить напряжение, но мой мозг не мог работать достаточно быстро.

— Нет, — сказала Холли, пожав плечами. — Мы просто хотели немного девчачьего времени, — она оглянулась на меня, и ей в голову пришла идея. — У Ли завтра первое свидание, и она хотела одолжить наряд. Мы надеялись, что нам не будут мешать.

Холли подмигнула мне, подначивая подтвердить эту информацию. И я это сделала, потому что все, что я делала сегодня — это следовала ее инструкциям. Но подождите... Что она только что сказала? У меня... свидание?

— Договорились, — сказал Эдди, облакачиваясь на спинку дивана. — Мы останемся здесь, — он вернул внимание к телевизору. Однако Брайан смотрел прямо на меня.

Он прищурился.

— У тебя свидание завтра?

Я не видела Брайана с того ужасного утра у него на кухне. Лучше сказать, я избегала его. Я не имела понятия, что ему сказал Шейн, также не собиралась думать об этом сейчас. У меня сейчас были проблемы поважнее, чем Брайан. Очевидно, что я не собиралась на свидание завтра, но и не хотела привлекать внимание к себе, противореча тому, что сказала Холли. Так что кивнула еще раз.

— Да, — я произнесла только одно слово, но мой голос дрожал.

— Первое свидание и в день Святого Валентина? — спросил он скептически.

Завтра день Валентина? Последнее, что я помню, это было неделю назад. Как я могла потерять чувство времени, когда так тщательно считала дни.

— Романтично, не так ли? — сказала Холли.

Я приказала себе молчать. Этот разговор необходимо было закончить, а парням заняться своим делом. Эдди, казалось, уже потерял интерес, но он был единственным, кто еще не знал про меня и Шейна. Я не могла поверить, что Холли смогла скрыть это от него, но она это сделала.

— Развлекайтесь, — усмехнулся Брайан, неодобрение ясно прослеживалось в выражении его лица, прежде чем он вернулся к телевизору.

Я проследовала за Холли в спальню.

— Да, это было ужасно, — сказала она. — Он что, только что сказал про мои месячные? Что это было, черт возьми? Ох, и свидание? Я не знаю, откуда это взяла. Это просто вырвалось. Они удивили меня, вернувшись... — она замолчала, понимая, что болтает чепуху. — Мне так жаль... — извинилась она.

— Все нормально, — ответила я ей. — Ничего плохого не случилось.

Мы сели рядом друг с другом на кровать, и она взяла мою руку.

— Все будет хорошо. Я это нутром чувствую, — улыбнулась мне подруга.

Открыв сумку, Холли вытащила одну бутылку воды и открутила крышку.

— Теперь, — сказала она, протягивая мне бутылку, — пей.

* * *

— Что ты собираешься делать? — спросила Холли, все еще не веря, что так ошибалась.

Я смотрела на все эти палочки, лежащие на полу в ванной. Все восемь. И все они молчаливо кричали одно и то же.

Я же говорила! Я же говорила!

Я покачала головой, не зная, что ответить.

— Когда возвращается Шейн? — это еще один вопрос, на который у меня не было ответа.

— Он должен был вернуться несколько дней назад, но получил предложение в Нью-Йорке. Купальники или что-то в этом роде... — пробормотала я. — Вернется через несколько дней, я думаю.

Подруга закивала, напоминая мне игрушку болванчик с качающейся головой.

— Все будет хорошо, — сказала Холли в сотый раз. Забавно, что сейчас эти слова ничего не

стоили. — Тебе нужно что-нибудь? Что я могу сделать?

Я почти засмеялась.

— Думаю, что все уже сделано, — сказала я, сгребая в кучу все тесты. Я повернулась к ней, эта ситуация пугала меня до слез. — Что, ты думаешь, он скажет?

— Я не знаю, — ответила она, обнимая меня.

Через минуту Холли отпустила меня.

— Сначала первоочередные вещи. Давай запишем тебя к доктору. Затем...

Холли замолчала. Она, как и я, не знала, что сказать.

— Да. Затем...

Я подняла тесты и засунула их к себе в сумку. Собрала пустые коробки, чтобы избавить эту маленькую комнатку от любых свидетельств, что моя жизнь за секунду развалилась на части.

Результат просто через три минуты.

Эти три минуты совсем не были простыми.

Я подняла взгляд к зеркалу над умывальником и наконец-то смотрела на что-то другое, а не на эти белые палочки. Уставилась на свои глаза, стараясь не заплакать. Умом я понимала, что еще слишком рано, но на минуту мой взгляд задержался на животе. Я уже пыталась найти какие-нибудь изменения, доказательства того, что мне уже сказали тесты.

Шейн

— Это были ЕЁ слова? — переспросил я еще раз, думая, что могу услышать другой ответ.

— Да, — сказал Брайан, в который раз его ответ оставался прежним. Я услышал, как он шумно выдохнул, устав повторять одно и то же. — Чувак, я сказал тебе уже. Смирись с этим. Это напрягает.

Я проигнорировал его последний комментарий, хотя и знал, что в чем-то он прав. Все прошедшие две недели в Австралии и неделю в Нью-Йорке я мучился от мысли... что оставил незавершенное дело. Я старался изо всех сил, чтобы забыть об этом, я погрузился с головой в работу, проводил больше времени на съемках и еще больше времени, обрабатывая фотографии. Все это было для того, чтобы перестать думать о доме. О ней. О том, как было неловко между нами вечером перед моим отъездом.

Поначалу я почувствовал облегчение, даже благодарность от того, что мы оба согласились, что ничего не изменилось. Возможно, это заняло несколько дней, но, казалось, Ли это устраивало. Она не приходила ко мне не в поисках утешения. Напротив, она взяла контроль над ситуацией в свои руки и сама направляла меня. Как будто это она пришла меня утешить. Мне даже не нужно было ничего говорить. Да ей и не нужно было, чтобы я говорил.

Мы расчесали зудящее место и теперь все прошло.

Так она сказала.

Тогда почему же мне так беспокойно? Почему я думаю, что между нами осталось что-то недосказанное? И почему слова Брайана кажутся, как удар под дых?

— Несколько недель назад ты бы даже не моргнул, если бы узнал, что Ли идет на свидание. Теперь послушай себя... Очнись! — практически кричал Брайан.

— Кто устраивает первое свидание в день Святого Валентина? — заспорил я, стараясь игнорировать настоящую причину того, что эта новость прожигала меня изнутри. Обращая внимание на время свидания, а не на само свидание.

— Вот и я сказал то же самое! Каждый одинокий парень с хотя бы половиной мозгов знает, что это тот день, когда нужно оставаться дома и никуда не выходить. Обещания настоящей любви и заботы? Такое сойдет только для женщин. Картинки белых платьев, цветов и колец. Спасибо, но нет, — сказал он.

— Может быть, Кендалл, но только не Ли, — сказал я. Я знал, что она не такая.

— Все телки такие, — заявил он. — Слушай, все, что я знаю, это что у нее свидание, и что и она, и Холли, думают, что это самая романтичное со времен «Дневника Памяти». Так что, как я и сказал тебе уже сотню раз на этой неделе, тебе нужно оставить ту ночь позади. Она уже, очевидно, это сделала.

Я подумал обо всех e-мейлах, письмах и картинках, которые посылал ей за эти прошедшие недели, и теперь они оставили кислотоватый привкус у меня во рту. Я пытался относиться ко всему так, будто все нормально. Но сейчас я чувствую себя идиотом, который пытался слишком сильно. Может быть, Брайан прав. Эта мысль меня пугала.

Может быть, мне действительно нужно было перебороть какие бы то ни было остаточные чувства, прежде чем они стали мешать мне.

— Знаешь, что тебе нужно сделать, — начал Брайан. — Тебе надо смочить свой член. Вытрахай эти воспоминания.

Я закатил глаза.

— Я серьезно, — настаивал он. — Ты хоть знаешь, сколько парней мечтало бы быть сейчас на твоём месте? Красивые модели ходят вокруг в едва заметном нижнем белье. Перед тобой шведский стол из прекрасных полуголых девиц, а ты ходишь с поникшим членом, думая об одном единственном трахе.

— Эй, — сказал я громче, — не надо так говорить о Ли.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — смягчился он, — но кто-то должен вернуть тебя назад в реальность. А какой способ лучше, чем проснуться, находясь под одной из моделей?

Шум позади меня привлек мое внимание. Несколько моделей вышли из комнаты для переодеваний и начали знакомиться с уже организованной сценой для съемки. Сейчас еще февраль, но мы уже готовимся к летней кампании.

Я развернул свой монитор.

— Мне пора идти. Обязанности зовут.

Брайан вскинул голову, пытаясь посмотреть мимо меня.

— Поверни монитор немного, — сказал он, пытаясь разглядеть модели.

— Вернусь через два дня, — сказал я, вставая и закрывая монитор, тем самым разрывая соединение.

— Ну, один разочек посмотреть, — умолял Брайан, — Шейн! — закричал он, прежде чем прозвучал сигнал программы, сообщающий о разъединении.

Я направился к установке с моим оборудованием. Кэл прилетел вчера, чтобы помочь мне, так как у нас было ограничено время. Это место клиент арендовал только на один день, так что у нас не оставалось времени страдать ерундой. Все должно было быть закончено сегодня, и у меня оставался следующий день для редактирования снимков.

— Все готово? — спросил я его.

Он кивнул, пока настраивал шкалу яркости для прожекторов на другом компьютере.

— Да. Все камеры установлены, — он кивнул головой в сторону другого стола. Я посмотрел туда и увидел все мои камеры и объективы.

— Хорошо, нам нужно начинать. У нас всего пара часов.

— Больше, чем достаточно, — сказал мне Кэл.

— Будем надеяться.

Я подошел к столу с камерами и выбрал объектив для первых пробных снимков, когда мой взгляд зацепился за розовые трусики. Я тут же вспомнил последний раз, когда видел розовый шелк и женщину, которая их носила. Я моргнул, стараясь избавиться от этих воспоминаний как можно быстрее.

— Шейн? — произнес мягкий голос с еще более мягким акцентом. Я поднял взгляд на девушку. Длинные каштановые волосы, темно-карие глаза и невероятный загар, который выглядел абсолютно натурально. По тону кожи и акценту я заключил, что у нее бразильские или колумбийские корни. Она была худенькая, как и большинство моделей, ребра и тазовые кости слегка выпирали. И, как и все модели, она была шикарной.

— Привет, — протянул я руку. Она улыбнулась и слегка пожала мою руку. Ее рука была мягкой, но прохладной. Вероятно, от того, что одета она была только в нижнее белье. — Я Наталия. Одна из моделей, — она смущенно закатила глаза. — Это очевидно, — она провела рукой по своему телу, посмеиваясь. Это прозвучало очень приятно, как и ее акцент.

— Я просто хотела подойти и представиться. Я с нетерпением ждала возможности поработать с тобой, — ее губы изогнулись в легкой улыбке. Это заставило меня улыбнуться ей в ответ. Возможно, это произошло в первый раз за последние недели.

— Это очень мило с твоей стороны. Надеюсь, я оправдаю твои ожидания, — сказал я. Ее глаза немного округлились от моего выбора слов, и я осознал, как это прозвучало.

— Уверена в этом, — ухмыльнулась она, прежде чем уйти.

Инстинктивно я проследил за ней взглядом, пока она возвращалась назад к сцене и другим девушкам. У нее были длинные ноги, блестящие от лосьона, который использовали гримеры. Ее попа была маленькой, но округлой. Мой взгляд все еще был прикован к ней, когда она оглянулась на меня и увидела, что я пристально на нее смотрел. Она засмеялась и отвернулась.

Я прекрасно понимал все сигналы, которые она подавала, и те, которыми отвечал я. Мое первое импульсивное чувство было — вина, будто я делал что-то неправильное. Затем я вспомнил, что мне не из-за чего чувствовать себя виноватым. Это стало понятно, когда Брайан рассказал мне о свидании Ли. Почему мне нельзя наслаждаться вниманием? Почему я не могу возвращать его в ответ? Я почувствовал себя обновленным. Нормальным.

Увлажни свой член. Вытрахай эти воспоминания.

Может быть, это то, что мне нужно, чтобы вернуть все на круги своя. Брайан прав. Несколько недель назад я бы не стал дважды думать о свидании Ли. Как и она, никогда не думала о моих тусовках с моделями. И если я действительно пытаюсь привести все в норму, как она уже сделала, тогда это то, что мне следует сделать. То, что мне нужно. То, что нам нужно.

Я взял камеру и пошел к сцене. Гримеры и стилисты завершали свою работу. Я встретился взглядом с Наталией, пока на ее пухлые губы наносили еще один слой блеска.

Да. Это именно то, что мне нужно.

— Ты в порядке? — спросил Кэл, приподняв брови и подходя ко мне поближе.

Я озадаченно посмотрел на него.

— А почему я не должен быть в порядке?

Он прищурил глаза.

— Ты уверен, что это именно то, что ты хочешь?

Я моргнул, смутившись от его вопроса. Он спрашивал меня, действительно ли Наталия та, кого я хочу? В сравнении с кем? Я отклонил голову, задаваясь вопросом, может ли Кэл читать мысли или что-то типа того.

Он показал на камеру в моих руках.

— У тебя на ней широкоугольник, — сказал он. — Это то, что ты хочешь? Или мне взять 85-миллиметровый?

Я смотрел на камеру в течение некоторого времени. Он был прав. У меня был совершенно неправильный объектив. Я отсоединил его от камеры и отдал его Кэлу, перед тем как исправить свою ошибку. Это происходило не в первый раз за последние две с половиной недели. Пока был в Австралии, полдня работы ушло коту под хвост, когда я осознал, что на камере выставлены неверные установки. Одно это уже показывало, как сильно мне необходимо вернуть мысли в нужное русло.

Но сейчас все изменится. Я твердо решил, что если Ли это может сделать, то и я смогу.

Кэл вернулся с правильным объективом, и я быстренько подсоединил его к камере.

— С тобой все хорошо? — еще раз спросил он.

— Да. Все хорошо, — сказал я и добавил, — давай приступать.

* * *

Спустя много часов и перемен одежды, Кэл и я склонились над моим компьютером, изучая сегодняшние снимки. Фотографии были хороши. Действительно хороши.

— Вот это мой любимый, — показал Кэл на одиночный снимок Натальи. И я не мог не согласиться. Она выглядела изумительно. Она лежала на кровати со смятыми простынями. Наталия переделалась в черный корсет и трусики с белыми вставками. Она смотрела прямо в камеру, страсть и секс читались на ее лице. И конечно, то, что я стоял рядом с ней, а ее тело заполняло объектив, повлияло на меня.

Я чувствовал, что с каждым ее снимком, который делал, у нас происходила беседа. Она намекала на то, что бы хотела она, а я намекал на то, что хотел бы я.

Соглашение, что если бы оба захотели, мы смогли бы повеселиться. Без обязательств.

Это очевидно, что мне нужно было отвлечься, может быть, и ей тоже. Может быть, ей просто не хотелось быть одной в день Святого Валентина.

А поскольку для нее это нормально, не иметь ничего серьезного, а только немного повеселиться, то почему я должен упускать эту возможность? Немного развлечения, прежде чем я вернусь и окунусь в обычную жизнь. Жизнь, которая у меня была до секса с Ли.

Звук шагов и смех донесся позади нас. Девушки готовились уйти, но я заметил, что Наталия задержалась. Я оглянулся на Кэла, который все еще просматривал фотографии на ноутбуке.

— Собери все и загрузи в грузовик. Встретимся через пару часов, — сказал я ему, схватив свою куртку.

Прищурившись, он посмотрел меня.

— Куда ты собрался?

— Встретимся через пару часов, — повторил я.

— Я должен все это собрать сам? — выкрикнул он мне вслед.

Я повернулся и улыбнулся.

— Ты стажер.

Я услышал, как он пробурчал что-то, оглядываясь на все оборудование. Небольшая часть меня чувствовала себя неловко от того, что я оставил его паковать одного, но все это было быстро забыто, когда я встретил Наталию у выхода из студии.

— Собираешься уходить? — спросил я.

Ее губы изогнулись в понимающей улыбке.

— Ты тоже?

Я наклонился ближе, наблюдая за тем, как она осмотрела мое тело сверху донизу, прежде чем посмотреть мне в глаза. Она ничего не говорила, ожидая приглашения, которое, как она знала, поступит.

— Хочешь пропустить по стаканчику? Отпраздновать удачный день съемок, — сказал я, ухмыльнувшись.

Ее улыбка исчезла, и она придвинулась, сокращая расстояние между нами.

— Я думаю, мы можем это отпраздновать другим способом, — медленно произнесла она прямо мне в ухо.

Я отклонился немного, чтобы лучше ее рассмотреть, а затем кивнул, открывая перед ней дверь.

— После тебя.

* * *

Я сидел на диване и смотрел игру. По крайней мере, старался смотреть, но эти попытки

жалко провалились. Как только прилетел из Нью-Йорка, я получил сообщение от Ли, она спрашивала, может ли зайти сегодня вечером. Я тут же ответил, давая ей знать, что она может зайти в любое время. Это было четыре часа назад. С тех пор я сидел и ждал ее.

На протяжении моей поездки между нами было расстояние, и оно не имело отношения к тому, что я был на другом конце света. Это было странно. Это было некомфортно. Я надеялся, что после ее визита мы сможем бы преодолеть это расстояние. Может быть, она рассказала бы мне о свидании, а я, может быть, рассказал бы ей о Наталье. Мы бы поговорили, как и раньше. Это было бы так, как я и обещал несколько недель назад, что все останется по-прежнему.

Что я понял за эти недели, так это то, что Ли Кессел значит для меня больше, чем кто-либо, и я сделаю все, что угодно, чтобы убедиться, что так все и останется. Я скучал по тому, что было до моего дня рождения. Если это значит, что я должен забыть о той невероятной ночи, чтобы сохранить нашу дружбу на годы вперед, я сделаю это.

Когда, наконец, я услышал стук в дверь, подпрыгнул и открыл дверь настолько быстро, чтобы это не казалось обычным. Но мне было все равно. Я скучал по этой девочке и знал, что как только увижу ее, это сразу меня успокоит.

— Ты как раз то, что мне нужно, чтобы почувствовать себя дома, — сказал я, улыбаясь и открывая дверь.

Ее улыбка, напротив, едва затронула щечки. Она убрала волосы за уши — знак, свидетельствующий о том, что она нервничала.

— Привет.

И это было все, что она сказала.

Ни «я тоже по тебе скучала», или «я так рада, что ты дома». Она переминалась с одной ноги на высоком каблуке на другую. Должно быть, она пришла сюда сразу же после работы, потому что была одета в форму из серой юбки и кремовой блузки. Не в обычные шорты и футболку, в которых я привык ее видеть. Ли потирала свои руки о бедра вверх и вниз, не замечая повторения движений. Она так же не могла достаточно долго посмотреть в мои глаза.

Это была совсем не та встреча, что я ожидал.

Я открыл дверь шире, приглашая ее войти. Она медленно прошла в центр комнаты, сняла сумочку с плеча и опустила ее на стул.

— Хочешь пива? — спросил я.

Ее лицо просветлело на секунду, затем она поджала губы и покачала головой.

— Воды?

— Конечно.

Я взял бутылку из холодильника и подошел к ней. Она до сих пор не присела. Ли приняла от меня воду, но едва ли улыбнулась. Я сел на диван и думал, что Ли последует примеру, но она продолжала стоять, постукивая пальцами по бутылке.

Все в этом казалось неправильным. Казалось, она чувствовала себя некомфортно и неуверенно. Я никогда еще не видел ее в таком состоянии, даже в вечер перед моим отъездом, а тогда обстоятельства были намного более неловкими.

— Не хочешь присесть? — предложил я.

— Где Брайан? — спросила она.

Я приподнял брови, удивившись ее вопросу.

— Ушел к Кендалл.

Теперь была ее очередь удивляться.

— Не спрашивай. Я давно перестал представлять их вместе.

Ли кивнула, но мне показалось, что из-за того, что мы одни, она стала нервничать еще больше. Она надеялась, что Брайан будет здесь и мы не будем наедине? Боже, надеюсь, что нет.

Или, может быть, она надеялась, что его не будет и это даст нам больше уединения? Но для чего? — Ты заставляешь меня нервничать, — сказал я ей, выпрямляясь. — Присядь.

Она посмотрела на меня и задержала свой взгляд. Это был самый долгий период, когда она смотрела на меня и не отводила взгляда.

— Не могли бы мы... пойти в твою комнату? — спросила она застенчиво.

Эти слова практически загнали меня в петлю. Сначала она не смотрела мне в глаза, а теперь хочет пойти ко мне в комнату? Она практически вывела меня из равновесия. Я не понимал, что...

Затем мысль поразила меня.

Возможно ли, что она хочет... сделать это снова?

Мысли закружились в голове, большинство которых было о том, почему это плохая идея. После того первого и единственного раза ей потребовалось несколько дней, чтобы снова заговорить со мной. Затем я вспомнил, как это было. Насколько синхронно мы двигались. Как восхитительно это было.

Предположение, что День Валентина для нее прошел не очень хорошо, на мгновение появилось у меня в голове. Мое свидание с Натальей, напротив, прошло очень просто. Мы даже не пошли выпить. Мы направились в ее квартиру размером с коробку и сделали именно то, что хотели. Но я быстро выбросил эти мысли из головы, не хотел думать об этом сейчас.

Я посмотрел на Ли и увидел, насколько она была ранима. Как она нервничала, ожидая ответа от меня. Но я также заметил, как она была красива, как сексуальна в своей рабочей одежде, и знал, что принял решение.

Я встал и пошел в спальню, Ли шла позади.

Медленно закрыв за нами дверь, я наблюдал, как Ли быстро взглянула на кровать.

Я сделал шаг вперед, но она сделала такой же шаг назад, останавливая меня от приближения к ней.

— Возможно, тебе следует присесть, — сказала она серьезно.

Озадаченный, я остался стоять.

— Я думал...

— Пожалуйста, — сказала она тихо.

Мягкий умоляющий тон ее голоса заставил мои ноги двигаться, и я присел на край кровати, наблюдая, как она начала шагами мерить комнату.

— Золотце... — начал я, но она тут же меня прервала.

— Пока ты был в отъезде, кое-что случилось. Вообще-то, это случилось до того, как ты уехал, но я обнаружила это позднее. Я сказала бы это раньше, но была в шоке. В большом шоке. Я, конечно этого не ожидала, но вот ты абсолютно точно вообще не ожидал, что это случится, и мне нужно решить, что с этим делать. Нам нужно решить. Я не хотела говорить это по телефону или через смс, поэтому ждала, когда ты приедешь домой. Я не знаю, что собираюсь делать, что мы собираемся делать, но мы должны что-то предпринять. Потому что время уходит.

Ее слова и спешка не имели никакого смысла для меня.

— Время?

Она остановилась на полушаге, повернулась и посмотрела на меня. Я смотрел, как она взяла сумку с кровати. Я даже не заметил, как она принесла ее сюда. Ли открыла карман и вытащила что-то из него. Протянула несколько вещей и положила их на кровать рядом со мной.

Я посмотрел на Ли и увидел, что она переводила взгляд с меня на эти палочки. Я хотел ее спросить об этом. Белые пластиковые палочки? Розовые полосочки?

— Пожалуйста, скажи что-нибудь, — прошептала она.

Я несколько раз моргнул и опять уставился на эти палочки. Понимание того, что она

пытается сказать, начало зарождаться в моей голове, но, вероятно, я был в шоке или отказывался поверить, так что все, о чем я мог думать, это что она пописала на эти палочки, и сейчас они лежат на моей кровати.

Фу.

Я услышал резкий вдох и понял, что, возможно, сказал это вслух. Я оглянулся и увидел, что ее глаза блестят от непролитых слез.

Черт.

Она начала торопливо собирать эти палочки, засовывая их назад в сумочку, абсолютно расстроенная от моего выбора слов, одного слова. Я потянулся и положил свою руку на нее, останавливая.

— Остановись, остановись, — сказал я, сильнее сжимая ее руку и останавливая от дальнейших движений. — Остановись!

Ли посмотрела на меня, и меня убило то, насколько испугана и разочарована во мне она казалась. Если бы Рокки Бальбоа был здесь и ударил меня прямо сейчас, мне было бы легче оправиться после этого, чем от выражения ее лица. Это удар, от которого я не знал, как оправиться.

На секунду я закрыл глаза. К счастью, на этот раз я сказал кое-что получше.

— Ты уверена? — спросил я.

Она фыркнула, поднимая палочки, которые были у нее в руке, к моему лицу.

— Вполне.

— А они не могут быть недостоверными? Я слышал, что это происходит все время. Может, ты делала что-то неправильно или...

— Я ходила в клинику, — прервала она меня. — Анализ крови положительный.

Мои плечи поникли, дыхание остановилось где-то между легкими и губами. В течение нескольких минут я сидел молча, не уверенный, что мне сказать. Эта новость была самой шокирующей из всех, что я ожидал услышать или из того, что думал, случится сегодня вечером. Если бы фиолетовый слон ворвался через окно и стал танцевать, это смогло бы шокировать меня больше, чем эта новость.

Ли ждала, что я скажу что-нибудь, но на ум ничего не приходило. Я знал, что мне нужно было что-то сказать, попытаться успокоить ее, но мой мозг бездействовал. Слова поддержки не могли сформироваться у меня в голове. Я был полностью растерян и ненавидел то, каким несостоятельным себя чувствовал.

— Ты что-то сказала про время? — наконец, я заговорил, прочищая горло.

Она вздохнула и села рядом со мной, уставившись прямо перед собой, как и я.

— Чтобы придумать, что нам делать.

У меня заняло минуту, чтобы понять, что она имела в виду.

— Ты имеешь в виду...

Она кивнула.

— Ух ты, — сказал я.

— У меня прием через неделю. Чтобы обговорить варианты. Я могу передать тебе потом, что они сказали...

— Я пойду с тобой, — выпалил я.

Она повернула голову, и теперь мы смотрели друг на друга. Я увидел, что небольшое облегчение промелькнуло в ее глазах, и меня укололо то, что она подумала хотя бы на секунду, что ей придется сделать это одной. Я бы никогда не оставил ее с этим одну.

— Я пойду с тобой, — сказал я еще раз, прежде чем взять обе ее руки в ладони и поцеловать ее пальчики.

— Ладно, — тихим, дрожащим голосом проговорила она.

Я притянул ее ближе, обнял за плечи и держал ее так на протяжении не знаю сколько времени. Я почувствовал, как одна слезинка упала на мою руку, но не сделал ничего, чтобы вытереть ее, слишком расстроенный, что напугаю Ли. Она посмотрит на меня и увидит, то, что я пытаюсь скрыть. Так что я продолжал гладить ее волосы и спину, молясь, чтобы она не посмотрела на меня и не увидела ужас в моих глазах.

Шейн

— Ты уверен, что он твой?

Я посмотрел на него поверх кофейной чашки предупреждающим и слегка угрожающим взглядом, так, чтобы Брайан тщательно выбирал слова. Я даже не собирался отвечать на этот вопрос. Он сам должен был это знать. Он знал это. Мы ведь говорили о Ли.

Понимая, что задел меня за живое своим вопросом, он немедленно ретировался.

— Ты прав, прости, — сказал он, извиняясь. — Просто хотел отместить все возможные варианты.

— Не понимаю, как это могло произойти, — простонал я, устало потирая глаза. Всю ночь я не смыкал глаз. После того, как Ли ушла, я вернулся в свою комнату и просто... сидел. Минуты, часы, всю ночь. Я слышал, как Брайан вернулся около полуночи, медленно ходил по кухне, но я оставался в своей комнате, потерянный в бессмысленных раздумьях.

Ли беременна.

Ли беременна моим ребенком.

Мой ребенок.

Не важно, сколько раз эти слова проносились в моей голове, они все еще не имели никакого смысла для меня. Как такое могло случиться? Мы использовали защиту. Да, мы были слегка выпившими, но мы не глупы. Где-то у меня в комнате все еще лежал второй, не использованный, презерватив.

— Ну, когда писи мальчика и девочки... — начал Брайан.

— Заткнись. Ты знаешь, что я имею в виду, — сказал я, уставившись на него. Я был непреклонен. — Мы использовали защиту. Я взял их у тебя в ящике. Как мне теперь доверять резинке?

Брайан приподнял брови.

— В моем ящике?

Я кивнул.

— Те, которые у тебя в тумбочке. У тебя там была парочка, — сказал я, прислоняясь к барному стулу.

— У меня там есть презервативы? — спросил он, удивившись.

— Я только что тебе это сказал, — ответил я, раздражаясь тем, что наш разговор шел по кругу.

Брайан прищурил глаза, как если бы пытался что-то сообразить.

— Я уже давно там ничего не оставлял. Обычно я держу презервативы под матрасом. В легкой доступности, — ответил он, отпивая кофе. — И Кенни на таблетках, — он посмотрел на меня вопросительно. — Ты проверял срок годности, прежде чем использовать их?

Проверять срок годности? Кто, черт возьми, так делает? Конечно, я не проверял.

Я соскочил со стула и направился в свою комнату, поискать единственный оставшийся презерватив. Быстро его нашел, так как кинул его себе в тумбочку, и перевернул его, чтобы прочитать дату в нижнем углу.

И вот оно, прямо перед моим лицом.

Я закрыл глаза и глубоко вдохнул, почувствовав, будто стокилограммовый груз вины упал мне на плечи. Я смял этот пакетик в руке, зная, что никогда его не использую. Я думал, мы были аккуратны. Очевидно, что недостаточно.

Брайан зашел ко мне в комнату. Я бросил измятый пакетик на кровать, отошел к окну и встал, опираясь одной рукой на стену.

— Срок годности закончился. Почти год назад, — сказал я.

Он ничего не ответил. Что тут скажешь? Это ничего не изменит. Я слышал, как Брайан уходил, а потом, как закрылась дверь, оставляя меня одного переварить эту информацию. Осознать всю огромную ответственность, с которой мне пришлось столкнуться.

Это я обещал ей, что ничего не изменится. Это я убеждал ее, что все останется по-прежнему. Это я облажался.

За моим окном яркое солнце Майами светило через облака, и кусочек Атлантического океана виднелся между домами. Даже отсюда этот кусочек казался бесконечным. Безграничная линия, которой не было конца.

Я не мог сдержать смеха от этой иронии. Здесь, за несколько километров оттуда, я смотрел на нечто большое и впечатляющее своими размерами и чувствовал себя загнанным в угол.

Есть только один человек, которому я мог рассказать об этом, кто мог поговорить со мной честно и открыто. К счастью, отец мог дать мне совет, как лучше справиться с этим всем, потому что пока у меня не очень хорошо это получалось.

Дом моих родителей был в часе езды от города. Мама проводила практически все свое время там, в то время как отец отказывался уйти на пенсию и приезжал в город на работу каждый день. А зачем ему уходить на пенсию? Он был исполнительным директором в успешной маркетинговой фирме, в той самой фирме, которую, в один прекрасный день, собирался передать мне, и он все еще был в хорошей форме. Люди хотели работать на него, а клиенты хотели, чтобы отец работал на них. Он любил то, что делал, и был хорош в своем деле. И, по правде говоря, не думаю, что мама была готова видеть его рядом с собой все время.

— Не могу представить себе, что может быть хуже, чем твой отец, целый день в скуке слоняющийся по дому, — однажды сказала она мне.

Она же, напротив, любила проводить время вдаль от города и суеты. Мама любила ходить на ланчи со своими подругами, играть в теннис в клубе и ухаживать за домом. Это был дом их мечты. Несколько раз она встречалась с моим отцом в городе, и они оставались в их маленькой квартирке в течение недели. Так было проще для них, когда отец допоздна задерживался на работе или когда ему надо было рано вставать. Это также было поводом заскочить ко мне домой в любое время, потому что они оба проводили вечер в городе. Я думаю, она любила неожиданно появляться и проверять, не мухлюет ли он со своей диетой или, не дай Бог, не курит ли тайком. Отец мог быть главой компании, но мама — глава семьи, и никто из нас не встречал более самоотверженного в этом деле.

Никто еще не был лучшим партнером кому-то, чем мама отцу. Они преданно любили друг друга. Было очень приятно расти в такой семье. Родители, которые любили друг друга сильнее, чем не нравились друг другу, когда ругались. Разводы среди друзей моих родителей случались чаще, чем вы можете себе представить. Я был счастливым, мои родители были и остаются по сей день по-настоящему близки. Я выехал на шоссе и сразу же почувствовал облегчение. Впервые за несколько дней я мог дышать. Этот дом. Здесь были только хорошие воспоминания о семейных обедах, праздниках и вечеринках. Этот дом представлял все, что я бы хотел видеть однажды в своей жизни. В далеком будущем.

Я припарковался перед гаражом, рассчитанным на три машины, снаружи была припаркована только машина моего отца. Я прошел по маленьким каменным ступенькам перед входной дверью, вдыхая цветочный аромат, доносившийся от садика моей мамы.

Она часами проводила там время, подрезая, пропалывая, возвращая растения к жизни. Отец предлагал нанять садовника, чтобы ей не приходилось делать все самой, но она настаивала, что

работа в саду — это уже удовольствие. Он не мог с этим поспорить. Он чувствовал то же самое на своей работе.

И хотя мы с отцом не всегда сходились во мнении, я доверял ему больше всех.

Был ли он разочарован, когда я бросил бизнес-школу и пошел в искусство? Да. Переживал ли он о том, какую жизнь я буду вести, будучи фотографом? Несомненно. Был ли он впечатлен тем, чего мне удалось достичь? Конечно. Скрывал ли он это? Конечно, черт возьми.

Я не стал стучать и вошел в дом. Он действительно большой, с мраморным полом и извивающейся железной лестницей посередине холла. Каждая комната в доме большая по размеру, но чувствовалась обжитой. Семейные фотографии были разбросаны в каждой комнате, а в мебели остались трещины от многолетнего использования. И никто не смог бы сказать, что этот дом не был семейным гнездышком.

Я слышал, как работал телевизор, через холл доносился успокаивающий голос комментатора игры в гольф.

— Пап? — позвал я.

— Я здесь! — отозвался он.

Я покачал головой, потому что «здесь» могло означать несколько комнат в доме. Я пошел на звук телевизора и, войдя на кухню, нашел остатки сэндвича на столешнице. Затем заглянул в гостиную, где по телевизору шла игра, но отца не было видно.

— Где здесь? — выкрикнул я опять.

— В кабинете!

Я повернулся и пошел по коридору. Его кабинет был точно таким, каким вы можете представить кабинет шестидесятилетнего мужчины. Это одна комната, находящаяся совершенно в противоположном конце дома. Обставлена красно-коричневой мебелью, с темными полками и широким массивным столом. Стены выкрашены в болотно-зеленый цвет, а окна с темными деревянными ставнями. Когда я был маленьким, то любил проводить здесь с отцом время. Я делал домашнюю работу на диване в углу, пока он работал за столом.

— Два моих мужчины усердно работают, — обычно говорила мама, когда заходила в комнату.

Я нашел отца сидящим за столом, что-то печатающим на ноутбуке. Когда зашел, он снял свои очки и отклонился на спинку кресла, скрещивая руки на груди и осматривая меня с минуту.

— Это, должно быть, что-то плохое.

Я отвернулся. То, насколько хорошо он меня знал, раздражало. Я посмотрел вокруг, пока еще не готовый приступить к тому, зачем пришел. До нас донесся радостный рев толпы из телевизора.

— Ты мог бы просто смотреть телевизор, вместо того, чтобы включать его там на полную мощность, — сказал я, указывая на небольшой плоский экран на стене.

Он покачал головой.

— Слишком отвлекает. Это просто фоновый шум.

Мы с моим отцом не особо были похожи. Я больше походил на маму, за исключением цвета кожи, хотя я и не был таким темнокожим, как он. Он также был ниже и полнее, чем я со своей высокой и более стройной фигурой. Я с легкостью возвышался над ним на несколько сантиметров, но он имел способность казаться самым высоким мужчиной в комнате.

Я всегда страшился этого. Теперь же этим восхищаюсь.

Я прошелся по его кабинету, как делал много раз прежде, перечитывая названия книг на его полках, просматривая все его награды. Его кабинет — это его обитель и святыня. Кабинет отображал все, чего он добился и для чего так усердно работал. И самое главное, больше всего остального в комнате, был наш семейный портрет, сделанный несколько лет назад. Его самое

большое достижение.

— Ну, хорошо, сын. Заканчивай ходить вокруг да около и скажи, что ты сделал.

Я повернулся и посмотрел на него, его лицо выражало понимание. Как будто он уже знал: то, что я скажу, изменит все.

— В какие передрыги ты попал? — спросил он на этот раз серьезно.

— Не знаю еще, — сказал я, садясь на стул перед его столом. Я потер руки о джинсы, а затем наклонился, опираясь руками в колени. — Ли беременна, — тихо сказал я.

Он моргнул, переваривая информацию в течение минуты.

— И так как ты мне это говоришь, могу предположить, что ребенок твой. Я прав?

Я едва заметно кивнул.

Он положил руки на подлокотники, и я удивился, какое почувствовал облегчение от того, что не увидел немедленного разочарования на его лице. Пока он собирался с мыслями, то барабанил пальцами по черной коже подлокотников. Он делал это так же, как тогда, когда закладывал в меня основы, необходимые для подростка.

— Также могу предположить, что это не было спланировано, что заставляет меня считать, что ты не следовал простым правилам, которые я пытался донести до тебя, когда тебе исполнилось шестнадцать. Вот и получил! Это была твоя ответственность, Шейн. Хочешь секса — подготовься...

— Пап, все было не так, — прервал я. — Мы были осторожны. Но все равно... это произошло.

Он мельком посмотрел в окно, прежде чем снова обратить свое внимание на меня. Я всегда хотел иметь способность предугадать то, что он скажет. Иметь время, чтобы подготовиться к его словам. Чтобы насладиться его одобрением или защитить себя от удара, который получу. На этот раз я был удивлен тем, что он даже не спросил обо мне.

— Как она?

Не знаю почему, но этот вопрос сбил меня с толку. Оба моих родителя всегда любили Ли и заботились о ней. Может быть, это было потому, что я не знал, что ответить. Наше общение в последние несколько дней было ужасным, а в последние недели немного... натянутым.

Я подумал о том вечере, когда Ли сообщила мне новость, затем о следующем дне, когда она заскочила, чтобы отдать мне брошюры, которые ей дали в клинике; выражение ее лица очень живо стояло передо мной.

— Напугана, — ответил я.

Отец встал с кресла и медленно обошел стол, вставая напротив меня.

— Сын, — сказал он одно слово, но так, что я тут же посмотрел на него. — Ты хотел быть мужчиной ночью, так будь мужчиной и днем. Эта женщина носит твоего ребенка и...

— Я не знаю, как долго это продлится, — прервал я.

— Еще раз? — спросил он, нахмутив брови.

— У нас встреча в клинике на этой неделе. Чтобы обсудить... варианты... — раньше для меня это было просто, а сейчас, даже произнося эти слова, я чувствовал неуверенность.

— Понятно, — сказал он. Выражение его лица стало суровым. — Это была ее идея или это ты...

— Конечно, нет. Я бы никогда! — заверил я его.

Он кивнул, поверив мне, и сел рядом со мной.

— А что насчет тебя? — спросил он, закидывая одну ногу на другую.

Я повернул голову в его сторону.

— А что я?

— Ну, как ты себя чувствуешь со всем этим?

Я покачал головой.

— Понятия не имею. Это не мой выбор. Это ее тело. Как ты и сказал, мое дело — поддерживать ее. Я просто не знаю, как это сделать, — сказал я ему. — Вот поэтому я здесь.

Отец засмеялся.

— Сынок, никакие советы не сделают это легче для тебя. Вы должны подумать об этом вместе. Ты создал эту ситуацию, и пришло время признать это. Дети — это благословение. Но они заслуживают того, чтобы родиться не потому, что у вас не было выбора, ты слышишь меня?

Я сглотнул и кивнул.

— Я слышу.

— Ничто так не докажет, что ты настоящий мужчина, чем то, как ты поведешь себя в этой ситуации. С ней. Так что будь мужчиной, а я знаю, что ты такой и есть. Мужчиной, каким мы с твоей матерью воспитали тебя.

Я выдохнул и немного засмеялся. Я хотел быть таким мужчиной. Мужчиной, как верил в меня мой отец. Мужчиной, в котором нуждалась Ли.

— Спасибо, отец.

Хлопнула входная дверь, и голос моей мамы донесся через холл.

— Шейн?

Она быстро нашла нас в кабинете. На ней были джинсы и свободная фиолетовая блузка. У нее были белокурые волосы средней длины, все еще не тронутые сединой, слегка загорелая кожа и зеленые глаза, скрытые солнечными очками.

— Я не знала, что ты приедешь сегодня.

Она обняла меня и крепко прижала к себе.

— Абель, почему ты не сказал мне, что Шейн приедет? — отругала она отца.

— Это такой же сюрприз для меня, — сказал он, вставая и засовывая руки в карманы.

Она сделала шаг назад, улыбка осветила ее лицо.

— Что же, это отлично. Я только что купила несколько свежих стейков. Мы поужинаем вместе. Абель, дорогой, принеси, пожалуйста, остальные пакеты из машины.

— Конечно, любимая, — улыбнулся отец.

— Посмотрим, может быть, у меня найдется что-нибудь еще из твоего любимого! Это такой хороший сюрприз! — сказала она, улыбаясь и направляясь на кухню.

— Не надо сложностей, мам, — сказал я ей.

— Никаких сложностей! — выкрикнула она, исчезая на кухне. А затем: — Почему телевизор включен на такой громкости?

Мы с отцом стали выходить из кабинета, но он остановил меня в дверях. Выражение его лица опять стало серьезным, а голос еще серьезнее.

— Не говори об этом матери, — сказал он строго. — Это ее только расстроит, если она будет думать, что станет бабушкой, а на самом деле... нет.

Я поджал губы и кивнул, полностью понимая, что он хотел сказать.

Отец проводил меня из кабинета и прежде, чем я пошел на кухню, окликнул меня.

— Куда это ты собрался? Давай на улицу и принеси продукты, — сказал он, следуя за мной и поворачивая на кухню, оставляя меня разбираться с продуктами самому.

Я припарковался рядом с квартирой Ли, ожидая, пока она спустится. Сегодня была наша первая и, возможно, последняя встреча с врачом. Если не считать нескольких сообщений и того, что она заезжала, чтобы отдать брошюры, мы особо и не разговаривали. Возможно, потому, что боялись того, что каждый из нас может сказать, мы решили не говорить совсем.

Ли вышла из здания, на ней было длинное струящееся платье в цветочек, но не платье привлекло мое внимание. Я ничего не мог поделать и смотрел на ее грудь, которая виднелась из платья так, как никогда раньше. Ушла та небольшая грудь, которая помещалась мне в ладонь несколько недель назад. На ее месте оказалось что-то совсем другое. Как только она открыла дверь, я отвернулся, чтобы Ли не заметила, как я пялился на ее грудь.

— Привет, — сказала она, пристегиваясь.

— Привет, — ответил я, уставившись прямо перед собой.

Я отъехал от здания, и мы поехали в полной тишине, даже не стали включать радио. Спустя несколько кварталов, я больше не мог это выдержать.

— Как прошел день? — спросил я, внутренне съежившись от того, как неубедительно это прозвучало.

Раньше нам никогда не приходилось принуждать себя, чтобы разговаривать. Также мне никогда не приходилось прибегать к тому, чтобы заводить разговор о погоде или о том, как прошел день. Это была все та же девчонка, которой я раньше рассказывал все на свете, но я никак не мог отделаться от мысли, что сейчас едва ее знаю.

— Нормально вроде, — сказала она тихо, уставившись в окно. Еще несколько мгновений тишины повисли между нами. — Я сказала всем, что иду к стоматологу.

Мое сердце сжалось от ее тона. Она говорила это, как будто стыдилась. Я ненавижу то, что Ли так себя чувствовала. Я ненавижу, что понимал это, потому что чувствовал себя точно так же.

— До тех пор, пока мы не решим, что делать, никто не должен...

— Ты читал те брошюры? — резко спросила она, теперь уже смотря на меня.

Я сглотнул и кивнул.

— Да, парочку.

Правда была в том, что я прочитал только названия двух буклетов, прежде чем швырнуть их в ящик. Я сказал себе, что вернусь к ним, когда буду готов. Но я так и не был готов к этому.

— Хорошо, — кивнула она.

Хорошо.

Ее слова застряли у меня в голове.

Хорошо.

— Так к этому ты склоняешься? — осторожно спросил я.

Она опять отвернулась к окну, как будто не могла на меня смотреть.

— Я не знаю, — прошептала она. Я смог расслышать ее, потому что в машине было чертовски тихо. — Возможно.

Когда я ничего не ответил, она полностью повернулась на сидении ко мне.

— Я так усердно работала, чтобы прийти к тому, где я сейчас, Шейн. Так тяжело было поступить в юридическую школу, попасть на работу в юридическую фирму. И проработать там так мало. Что они скажут?

— Я надеюсь, они отнесутся к этому с пониманием, с поддержкой, — сказал я в ответ, понимая, что прозвучало это немного в защиту.

— Тебе легко говорить. Твоя работа позволяет тебе просыпаться, когда ты захочешь. Тебе не нужно соответствовать ожиданиям, которые налагаются на меня, и играть по тем правилам, как я. Это не твоё тело, не твоё время, не твоё жизнь...

— Конечно, это моя жизнь! — рявкнул я, разозленный ее словами. — Я тоже имею к этому отношение! Мы сделали это вместе. И вместе должны разобраться с этим.

Удивленная моей вспышкой гнева, она замолчала и опять уставилась в окно. И хотя я ненавидел, когда Ли была печальна или напугана, или обеспокоена чем-то, это было хорошо, что она почувствовала хоть немного того, что чувствовал я.

— Это не одно и то же, — услышал я, как она прошептала практически сама себе.

Я так сильно сжал руль, что побелели костяшки пальцев. Но я не стал ничего говорить, просто молча продолжал ехать в клинику.

Мы прибыли в офис врача и зарегистрировались на ресепшене. Я взял журнал полистать, только чтобы было чем-то заняться, но быстро отложил его в сторону, так как он был заполнен фотографиями детей. Все другие журналы были такие же, поэтому я просто продолжал сидеть и смотреть прямо перед собой, ожидая, когда нас позовут. К счастью, ждать пришлось недолго, и нас позвали спустя несколько минут.

Нас провели в смотровую, и я был атакован плакатами, на которых было изображено женское тело с разных сторон. Спереди, сбоку, со спины и изнутри. И, я точно уверен, что вверх ногами тоже. Ли села на смотровой стол, и простыня под ее ногами смялась. Рядом со столом стояла массивная машина с экраном. Сбоку были прикреплены разные приспособления, которые выглядели, как длинные вибраторы.

Что, черт возьми, происходило в этой комнате?

Я отвернулся от секс игрушек к стене, где мое внимание привлекли плакаты. На них было написано: «*Как растет ваш ребенок*». Я знаю, что мне не следовало этого делать, но не мог остановиться и просмотрел каждую секцию, пока не нашел неделю, на которой, по словам Ли, она была. Восемь недель или около того.

Я вспомнил, как думал, что это бессмысленно. У нас тогда еще не было секса, два месяца назад. Она объяснила, как считается беременность, и меня это еще больше озадачило. Честно говоря, после этого разговора, я никогда еще не был более счастлив от того, что родился с пенисом.

Я уставился на изображение, соответствующее восьми неделям. Поразился тем, что у ребенка уже сформировалась головка и части тела. Я предполагал увидеть нечто напоминающее бобовое зернышко. Никаких человеческих характеристик, просто зародыш. Но вот, пожалуйста, он прямо передо мной. Я закрыл глаза, будучи не в состоянии смотреть на это, а затем открыл их и увидел Ли, с беспокойством наблюдающую за мной.

Я хотел успокоить ее, сказать, что все будет хорошо, и чтобы ни случилось, я буду рядом.

Но все, что я видел, когда смотрел на нее, это были те изображения со стены.

Дверь позади меня открылась, и я виновато выдохнул, испытывая при этом облегчение от того, что мне не пришлось искать слова утешения.

— Здравствуйте, я доктор Сай, — сказала она, подходя к Ли и пожимая ей руку.

— Здравствуйте, — ответила Ли. — Спасибо, что встретились с нами.

— Конечно, — сказала она, улыбаясь мне.

Доктор была моложе, чем я ожидал. Тридцать с небольшим, как мне показалось. Я улыбнулся в ответ и сел на стул в углу. Она повернулась к Ли.

— Я понимаю, что мы здесь, чтобы обсудить варианты.

Ли только кивнула, мельком взглянув на меня.

— Хорошо, — начала доктор. — Почему бы нам не начать с нескольких основных вопросов. Когда у вас был первый день последней менструации?

— Я не помню точную дату. Восемь недель или около того.

Доктор Сай кивнула, прежде чем записать эту информацию.

— Вы были беременны до этого?

— Нет.

— Вы испытываете какие-либо симптомы? Тошнота? Спазмы? Кровотечение?

— Нет, только грудь стала более чувствительной и немного набухла.

Немного?

— Хорошо, — сказала она, делая еще записи. Затем подвинула стул и села. — Как я понимаю, вам дали некоторые буклеты о том, какие варианты возможны для вас. Для вас обоих, — сказала она, привлекая меня к разговору. — Вы уже обсуждали это?

— Немного.

— Не совсем.

Ответили мы одновременно.

На мгновение в комнате повисла тишина, пока доктор Сай переводила взгляд от меня к Ли.

— Это важное решение, — сказала она. — Незапланированная беременность пугает, иногда создает сложности для пар.

— Мы не пара, — отрезала Ли.

Доктор посмотрела на меня еще раз, и я тут же почувствовал себя некомфортно, как будто меня судили, как будто она думала, что меня заставили сюда прийти, а я кричал и отпирался. Я хотел сказать ей, что ничто из того, что она думала, не было правдой, но промолчал.

— Что же, вы оба здесь, — сказала она, улыбаясь Ли. — Так как у каждой женщины разный цикл, я бы хотела сделать ультразвук, чтобы оценить, на каком вы сроке. Это поможет нам лучше понять ваши варианты и выбрать лучший курс, вне зависимости от того, что вы решите. Хорошо?

Ли, казалось, была поражена, но кивнула, соглашаясь с доктором.

— Я подожду снаружи, — сказал я, вставая, готовый предоставить ей немного уединения.

— Нет! — выкрикнула Ли.

Я тут же остановился, ожидая продолжения.

— Пожалуйста, останься, — сказала она, практически умоляя.

— Ладно, — ответил я, делая несколько шагов к ней.

Доктор выдала Ли простыню, инструктируя ее поднять платье и снять нижнее белье.

— Я думал, это делается поверх живота, — сказал я, смущенный.

Доктор что-то напечатала на машине, прежде чем взять один из вибраторов.

— Так как срок еще маленький, мы делаем трансвагинальное ультразвуковое исследование. Это помогает нам лучше разглядеть плод.

Плод?

Что-то казалось неправильным с этим словом.

Ли сняла трусики и засунула их себе в сумку, прежде чем лечь на стол. Она положила ноги на специальное место для ног и накрыла их сверху простыней. Как только Ли устроилась, я почувствовал, как ее пальцы переплелись с моими и она сжала их так сильно, как будто цеплялась за меня в поисках безопасности. Тепло от ее руки, мягкость пальцев, заставили мое сердце биться быстрее. Или это было потому, что я еще ни разу в жизни так сильно не нервничал.

Лампы над головой выключились, и доктор нанесла немного геля на вибратор, прежде чем надеть на него презерватив.

Господи, это же сексуальная игрушка.

— Хорошо, Ли, просто глубоко вдохни, — проинструктировала она, прежде чем эта палка исчезла под простыней. Ли сжала мои пальцы еще сильнее, а я накрыл ее руку второй рукой и поднес к губам.

Я видел, как доктор нажимала какие-то кнопки на машине. Даже напечаталась картинка.

Но она не дала нам ничего увидеть и не предложила посмотреть на картинку. Я думал, что это было к лучшему. Лучше не смотреть, лучше не видеть, не связываться с этим. Я посмотрел на часы в комнате и стал молиться, чтобы минуты проходили быстрее. Чтобы быстрее сделать это, чтобы покончить с этим. Я был уверен, Ли чувствовала то же самое.

— Я читала где-то, что к восьми неделям вы уже можете прослушать сердцебиение, — как будто из ниоткуда произнесла Ли.

Я резко повернул голову в ее сторону.

— Да, это правда, — ответила доктор.

— А вы... можете? — спросила она.

Золотце, что ты делаешь? Зачем ты задаешь такие вопросы? Не делай этого с собой. Не делай этого со мной. Только не тогда, когда ты уже все решила.

Я хотел прикрыть ей рот, остановить ее, чтобы мы не узнали слишком много. Это только все усложнит. Я хотел все это ей сказать, но мой рот как будто застыл, слишком пересох, чтобы говорить.

— Я могу, — сказала доктор Сай, посмотрев на нас. — Вы хотите послушать?

Нет, Ли! Скажи ей «нет»!

— Да, — ответила она дрожащим голосом.

Наконец, ко мне вернулся голос, но он был невероятно натянут.

— Золотце...

Но было слишком поздно. Доктор повернула машину к нам, указывая на точку на экране.

— Еще сложно различить, но вот это плодная оболочка, а это, то, что моргает на экране, это и есть сердцебиение.

Я понятия не имел, что такое плодная оболочка, но точно понял слово «*сердцебиение*». Она была права, что различить было сложно, но я точно видел, как оно моргает. Оно моргало очень быстро, как если бы вы пытались убрать пылинку из глаза. Я даже попытался сосчитать их, но это происходило так быстро, что я сбился со счета.

— Оно и должно биться так быстро? — спросил я, внезапно забеспокоившись.

Доктор Сай кивнула.

— Да. Это означает, что сердечко крепкое.

Я должен был отвести взгляд от монитора и посмотреть на Ли. Ей тоже было тяжело оторваться от экрана. Она немного подвинулась к машине. Как будто думала, что так она будет ближе к этому, хотя то, что мы видели, происходило внутри нее. Ли начала было подносить пальцы к экрану, но остановила себя на полпути. И когда я это увидел, одинокая слезинка скатилась по ее лицу. Знал, что теперь она приняла решение. Ей не нужно было мне говорить, я это просто видел. Я видел это в том, как приоткрылись ее губы, в том, как расслабилось ее лицо, впервые за долгое время.

— У меня будет ребенок, — пробормотала Ли, улыбаясь и плача одновременно.

Этот смех заставил меня почувствовать слабость в коленях, и я ничего не мог поделать, кроме как улыбнуться в ответ. Решение принято. Пути назад нет. Слова отца прокручивались в моей голове снова и снова. Ничто так не докажет, что я мужчина, чем то, как я поведу себя в этой ситуации. Он был прав. Время быть мужчиной.

— Нет, Золотце, — сказал я, вновь целуя ее руку. — У нас будет ребенок.

Ли

— Значит, вы, ребята, сделали это? — спросил Брайан, потягивая пиво. Он единственный из всех сидящих за столом, все еще не мог до конца поверить. — Я имею в виду... ребенка. Вы двое, — он указал на нас пальцем. — Как-то это чертовски невероятно.

— Чертовски невероятно? Не знаю... может быть.

Удивительно? Определенно.

Мне кажется, я больше потрясена самим фактом беременности, нежели тем, кто отец ребенка. Если уж на то пошло, то, что отцом стал Шейн, было одним из успокаивающих факторов в этой ситуации.

— Ребята, вы хоть понимаете, что уже не сможете потом от него избавиться? — спросил Брайан вполне серьезно.

— Ты идиот, — услышала я, как Холли ответила за всех нас.

— Эй, я просто хочу, чтобы они осознали, что это на всю жизнь. Не стреляй в того, кто просто сообщает новость! — Брайан вскинул руки.

Это происходило двумя неделями спустя, когда в пятницу вечером мы все сидели за столом в баре, в котором это все началось. Как и всегда по пятницам мы собирались в баре. Только сегодня вечером мы не слушали, как Холли и Эдди обсуждали свадьбу, или как Брайан отпускал комментарии о девчонках в баре. Сегодня темой разговора был ребенок.

— Мы это уже поняли, — сказал Шейн, отпивая пиво. — Хотя... спасибо за предупреждение.

— Я просто сказал, — ответил Брайан.

Я посмотрела на Шейна и увидела, как он ухмыльнулся. Он взглянул на меня и подмигнул, как в старые добрые времена. Я посмотрела вокруг, на стол, на наших друзей, на бар, на улицу снаружи. Жизнь вокруг меня не изменилась, но мне казалось, что я жила в совсем другом мире.

Например, передо мной стакан имбирного эля, а не пиво. И не надо забывать, что моя грудь не прекращает чесаться, а джинсы врезаются мне в живот больше, чем раньше. И по каким-то причинам я не переставала хотеть уксуса. Все это было для меня так очевидно, но мои друзья оставались в блаженном неведении. Они всего лишь выпивали. Джинсы Холли не причиняли ей неудобств, и никто из них даже не думал о еде. Что бы я не отдала сейчас за порцию картошки фри...

— Я думаю — это здорово! — весело сказала Холли.

Когда я сказала ей о моем решении сохранить ребенка, она была... удивлена. Только потому, что слышала все те же аргументы, которые я приводила Шейну, снова и снова. Но, когда я объяснила ей, что произошло у врача, когда я увидела на мониторе сердцебиение малыша, то поняла, что не могла избавиться от него. Я почувствовала, как мое сердце начало биться быстрее, пытаясь соответствовать тому, что на мониторе. Честно говоря, это сложно объяснить. Это было слишком сильное чувство, чтобы его можно было передать словами. Я думаю, что именно это заставило Холли понять, что я не могла объяснить нахлынувшие эмоции, которые пережила у врача. Это было слишком огромно, чтобы передать.

В то время я ничего не хотела больше, чем защитить это маленькое сердечко и удостовериться, что оно останется в безопасности. Я хотела, чтобы оно становилось больше и сильнее. Чтобы оно росло здоровым и счастливым. Я никогда еще ничего так не хотела. И мне хотелось, чтобы это была я, кто сделает все это возможным. Это произошло так быстро и без

предупреждения. Я посмотрела на Шейна, чтобы попытаться это объяснить, но он уже все знал. Он видел, как это произошло. Он не стал спорить или задавать вопросы о принятом мною решении. Шейн просто принял на себя ответственность длиною в жизнь, которую я только что возложила на него.

Холли заплакала, а это бывает редко, затем сразу стала задавать вопросы и планировать.

Когда ты скажешь на работе?

Какие у вас с Шейном планы?

Вы уже думали об имени?

Все вопросы были разумными, но ни на один из них не было ответа. И все еще их не было.

С той встречи у врача прошло две недели. Две недели прошло с тех пор, как я приняла решение, которое изменило наши жизни. Две недели, как мы пытались вернуться к нашему прежнему распорядку. И не то чтобы мы об этом не разговаривали. Шейн писал и звонил каждый день, интересовался, как я себя чувствую, спрашивал про утреннюю тошноту, стало ли хуже или лучше. Слава Богу, я не слишком сильно страдала от этого, и длился токсикоз недолго. Но мы обсуждали только медицинский аспект беременности. Мы не обсуждали, что на самом деле ребенок значил для нас. Это было единственным удручающим моментом в этой ситуации. Не то, что мы ждали ребенка, а то, что *мы* ждали ребенка. Рано или поздно это изменится. Откладывать это станет все сложнее, особенно когда появится живот. И учитывая, как уже мне неудобно в этих джинсах, это случится довольно скоро.

— Ты уже сказал родителям? — спросил Эдди, потягивая через соломинку свой напиток.

Все присутствующие обратили свои взгляды на Шейна. У меня были не очень хорошие отношения с матерью, я не особо ожидала от нее помощи или радости по поводу ребенка. Только если ребенок не придет к ней с подарком в виде бутылки с выпивкой. Я очень хорошо усвоила, что не могла рассчитывать на нее, пока росла. Но отказалась жалеть себя из-за этого. Это сделало из меня того человека, кем я являлась сейчас. И я гордилась этим. Я всего добилась сама. Это было тяжело, но стоило того. И я хотела удостовериться, что мой ребенок через это не пройдет.

Родители Шейна — это совсем другая история.

Я любила его родителей, и они всегда были очень дружелюбны ко мне. Как только мы с Шейном сблизились, мне уже не приходилось проводить каникулы в своей квартире в одиночестве. Абель и Шарлотта Карлайл всегда уверялись, что за столом было место для меня. Они много раз приглашали меня в свой дом в Джорджии, и я их обожала за это. Абель даже предоставил мне мое первое место для стажировки в юридическом отделе в его фирме. Этот пункт в моем резюме помог мне устроиться на мою первую настоящую работу.

— Нет еще, — медленно ответил Шейн. — Я подумал, мы могли бы вместе поехать к ним и сказать, — он вопросительно посмотрел на меня. — Ничто не сделает Шарлотту более счастливой, чем ребенок, — сказал Шейн, шутя.

Моя улыбка померкла.

— А ты не думаешь, что они огорчатся? — нервно спросила я.

— Ты шутишь? — засмеялся Шейн, — Шарлотта и ребенок? Ты сможешь ходить по воде за то, что подаришь ей внука.

Я устроилась удобнее на стуле, стараясь расслабиться после заверений Шейна.

— Этот ребенок сделает это, — сказал Брайан, осматривая бар. — Трастовый фонд, наследник трона Шарлотты. Неплохая семейка, чтобы завести с ними ребенка.

Стол пошатнулся, и все наши стаканы опрокинулись, расплескивая напитки.

— Черт! За что? — Брайан смотрел на Шейна, наклонившись и потирая голень.

— Не будь засранцем, — тихо ответил Шейн.

— Что, черт возьми, я такого сказал? — Брайан озадаченно оглядывал стол.

Никто не ответил ему, потому как все были заняты тем, что вытирали разлитый алкоголь.

Я знала, что, скорее всего, он не имел в виду то, что сказал — что я нашла способ проникнуть в семью с деньгами, но, тем не менее, это почти так и выглядело. Господи, я надеялась, что родители Шейна не воспримут это таким образом. Он казался таким уверенным, что они будут счастливы, но что, если это было не так? Что, если каким-то образом я загнала Шейна в ловушку, его и всю его семью на всю оставшуюся жизнь. Шейн увидел панику в моих глазах.

— Они любят тебя, — сказал он прямо мне в ухо. — Не слушай его.

Я кивнула, но не смогла стряхнуть напряженность окончательно. Потому что, действительно, кем я была? Я не девушка Шейна. Я не женщина, в которую он влюблен. Как мы это объясним им?

Эдди прервал мои мысли.

— Ну, кто по второму кругу? — сказал он, поднимая свой пустой бокал.

— Я, — Холли подняла свой пустой бокал, глядя на Брайана.

Брайан поднял свою бутылку, показывая, что она тоже почти пустая. Когда Эдди посмотрел на Шейна, я видела, что он быстро взглянул на меня, прежде чем покачать головой.

— Мне хватит, — отказался он.

— Ты же только одну взял, — заспорил Эдди.

— Знаю, просто мне не надо больше, — его взгляд задержался на моем едва тронутым имбирном эле.

— Ты можешь взять еще, — сказала я ему. — То, что я не могу пить, не значит, что и ты не можешь.

Он неуверенно посмотрел на меня. Хотя я и оценила этот жест, но не видела смысла ему отказываться от удовольствий, когда мы гуляем с друзьями.

— Ты уверена? — спросил Шейн.

— Не будь смешным, — ответила я.

Шейн посмотрел на Эдди и кивнул.

— Я с тобой, — сказал он, следуя за ним в бар. Брайан тоже встал, ухмыляясь, но не пошел за ними. Его внимание было приковано к чему-то еще.

— Сейчас вернусь, — сказал Брайан, прежде чем направиться к красивой блондинке, стоявшей в одиночестве.

— Я думала, что он опять с Кендалл? — сказала Холли, наблюдая, как Брайан начал разговор с блондинкой.

— Это было несколько недель назад, — ответила я, качая головой. — А сегодня? Кто знает?

Холли сорвалась с места и села напротив меня, легкая улыбка тронула ее губы.

— Нервничаешь перед тем, как сказать родителям Шейна?

— Немного, — призналась я. — Что, если они подумают...

— Не слушай Брайана, — сказала она. — Ты же знаешь, они ничего такого не подумают. Он просто не фильтрует то, что говорит.

Я тихонько засмеялась.

— Шейн никогда этого не допустит, его родители тебя любят, — настаивала она, повторяя его собственные слова.

— Надеюсь, — я повернула голову и увидела Шейна рядом с баром, ожидающего наши напитки, и Эдди. — Мы не говорили еще об этом.

— О чем? О том, чтобы сказать родителям?

Я повернулась к ней и покачала головой.

— О ребенке, — объяснила я. — Он спрашивал, как я себя чувствую, нужно ли мне что-то. Но мы никогда не говорили о том, что будет, когда малыш родится. О наших планах. Что мы хотим.

— А что *ты* хочешь?

Я пожалала плечами. У меня никогда не было детства, которое имел Шейн. Оба родителя, живущих вместе, счастливо женатые. Мое детство состояло из ссор, пока отец не бросил нас, когда мне было восемь. Затем пьянство моей матери. Мне оставалось заботиться о себе самой. Я знаю только то, что не хочу того же для своего ребенка. Я хочу, чтобы он или она знал, что его любят, чтобы он чувствовал это каждый день. Как мы с Шейном сможем добиться этого, я не представляла.

— Давай поговорим о чем-то другом, — сказала я, не желая больше об этом думать. — Просвети меня о последних свадебных планах.

Глаза Холли засветились при упоминании о свадьбе, и она тут же начала рассказывать о планах, прогнозах и запасных планах на свадьбу. Объяснила каждую деталь и причину своего выбора. Ничто так не доставляло ей большего удовольствия, чем организация и подготовка. И это делало ее отличным помощником адвоката на работе. Я увидела, как Холли вытащила несколько записей из сумочки, и показала мне все за и против о том, чтобы заказать торт вместо персональных капкейков. Список не был особенно длинным. Когда придет время для планирования моей собственной свадьбы, подход к этому точно будет более легкомысленным. *Какая ирония!* Эта мысль заставила меня замереть на месте; слова у меня в голове звучали громче, чем голос Холли.

Замуж? Как ты вообще собралась ходить на свидания?

Этот голос был прав. Никто не захочет встречаться с беременной женщиной или с той, у которой есть маленький ребенок. Даже если и найдется человек со странностями, который не будет возражать, то вопрос в том, найду ли я на это время? Мне двадцать шесть, следующий раз, когда я смогу пойти на свидание, будет через восемнадцать лет. От такой депрессивной мысли я упала на свой стул, отчего джинсы впились мне в живот еще сильнее. Я потянулась под столом, под длинную тунику и расстегнула на джинсах пуговицу. Облегчение сразу же затмило печаль от понимания, что никто не захочет встречаться с женщиной, которая вынуждена в публичном месте расстегивать свои штаны для того, чтобы почувствовать себя комфортно. Эдди вернулся к столу с напитками для них с Холли, но Шейна с ним не было. Я повернулась к бару и увидела почему. Он был занят, разговаривая с девушкой. С высокой, стройной, красивой девушкой, которая пила вино и пуговица на ее штанах была застегнута. Я видела, как он сказал что-то, прильнув ближе к ней, а она, запрокинув голову, засмеялась.

Никто не захочет встречаться с женщиной с ребенком, а с мужчиной с ребенком? Таким же образом можно было приделать Шейну на грудь магнит для кисок. У него не будет никаких проблем со свиданиями. Если уж на то пошло, ребенок ему в этом только поможет.

Я проглотила это ужасное чувство, встала со стула и начала искать свою сумочку. Это привлекло внимание Холли.

— Ты в порядке? — спросила она обеспокоенно.

Нет. Даже близко не в порядке.

— Да. Просто внезапно почувствовала себя усталой. Думаю, я пойду домой.

— Ты уверена? — спросил Эдди скептически.

Я кивнула.

— Абсолютно, — я повернулась и увидела, что Шейн все еще разговаривал с той девушкой, забыв обо всем на свете. — Я ухожу. Позвоню тебе завтра, — сказала я Холли.

Она кивнула мне, и я вышла из бара. Соленый воздух с берега дунул мне в лицо. Стояла

ранняя весна, воздух был теплым, и в то же время прохладным, чтобы освежиться. Я решила пройти семь кварталов до дома пешком, мне нужно было время, чтобы прояснить мысли. Слишком много мыслей о том, как будет выглядеть мое будущее. Но один аспект был абсолютно точным — я должна буду пройти через это в одиночку.

Я сложила руки на животе.

Практически в одиночку.

Я прошла мимо еще нескольких баров, слышала смех, видела, как люди выпивали и танцевали.

Мне хотелось закричать: «Наслаждайтесь, пока можете. Это пройдет так быстро, что вы и не заметите, и быстро не вернется».

Я сделала одну остановку по пути домой, около магазина на углу. Была так подавлена, что не чувствовала никакой вины за большой пакет чипсов с солью и уксусом, а также четыре плитки шоколада, которые выложила на прилавок. Молодой кассир посмотрел на меня, не выражая никаких эмоций, и это было последней каплей.

Почему бы не взять еще лакричных конфет? Мои штаны и так уже не застегиваются.

Когда я добралась домой, тут же стянула джинсы и надела пару спортивных штанов и безразмерную футболку. Моя грудь тут же почувствовала облегчение, когда я сняла лифчик. Я завязала волосы в пучок на голове и направилась к дивану со своими закусками. Включила телевизор и стала искать старые эпизоды «Друзей». Я точно знала, какой эпизод хотела посмотреть.

Я уже смотрела эпизод в течение десяти минут и съела прилично чипсов, когда услышала стук в дверь. Посмотрела на футболку, на пятна, где я только что вытирала руки. Не знаю, что было хуже, то, что я выглядела неряхой, или то, что мне было все равно. Я размышляла, стоит ли открывать дверь, когда услышала голос.

— Золотце? Это я, — донесся до меня голос Шейна.

Я положила пакет с чипсами на кофейный столик, поставила на паузу Роса и Рейчел и открыла дверь, чтобы увидеть там обеспокоенного Шейна.

— Холли сказала, что ты просто встала и ушла. Ты в порядке?

Я кивнула, открывая дверь шире и впуская его внутрь. Шейн зашел и повернулся, выражение его лица не изменилось.

— Я просто устала. Навалилось в эти дни, знаешь... — это не было совсем неправдой, но в данном случае, это была ложь. Я прошла обратно к дивану и села, положив подушку себе на живот. — Тебе не надо было приходить, я сказала Холли, что со мной все хорошо.

— Почему ты не сказала мне, что хотела пойти домой?

Я пожала плечами.

— Ты был занят, разговаривая с кем-то. Не хотелось мешать, — сказала я настолько беспечно, насколько могла. Я смотрела на экран телевизора, в окно, на наполовину съеденную шоколадку. Куда угодно, но только не на него.

— Ты бы не помешала.

Я засмеялась.

Он тоже засмеялся и сел рядом со мной.

— Правда. Я работал с ней на съемках раньше. Я просто поздоровался.

Моя реакция потрясла меня. Я никогда раньше ни к кому его не ревновала, включая тех, к которым Шейн проявлял внимание. Черт, я даже периодически помогала ему завязывать знакомства. Но сейчас все по-другому, и моя реакция определенно изменилась. Я винила в этом гормоны.

Шейн потянулся за пакетом с чипсами и начал их есть. Его глаза округлились, когда он

прочитал их вкус на пачке. Возможно, это также было из-за дополнительного уксуса, который я налила прямо в пакет. Он посмотрел на полусъеденную шоколадку, но ничего не сказал. Он просто сидел и продолжал жевать намокшие чипсы, а потом с улыбкой предложил мне.

Я взяла у него пакет и зачерпнула горсть чипсов.

— Ты мог бы остаться там, знаешь ли. Выпить. Позависать, — сказала я, прежде чем запихнуть их себе в рот.

— Неа, — сказал он и отклонился на спинку дивана, поворачиваясь ко мне. — Мои два самых любимых человека здесь.

Я проглотила чипсы, не удосужившись прожевать их, и у меня засадило в горле от их жесткой текстуры. То, что он сказал — два человека — огорошило меня, и в груди заболело так же, как и в горле. Я потянулась за бутылкой воды и сделала большой глоток, наблюдая, как Шейн нажал на перемотку, снимая фильм с паузы. После нескольких секунд просмотра, он усмехнулся.

— Мы же видели этот эпизод уже тысячу раз, — сказал Шейн.

Я дважды моргнула, прежде чем вернуть внимание к телевизору, стараясь игнорировать то, как его слова подействовали на меня. Я сфокусировалась на сериале и слегка улыбнулась, потому что это была правда. Я заставляла его смотреть этот эпизод тысячу раз.

— Я знаю, — я сильнее сжала подушку, удерживая взгляд на экране. — Но это лучший эпизод. Он ее краб. *(Примеч. отсылка к 14 серии 2-го сезона сериала «Друзья» про крабов однолюбов).*

Ли

В то время как он толкался своим перевозбужденным членом в ее девственный сад, возглас новообретенной женственности донесся до его ушей. Никогда больше и никто не заменит его, его тело или то, как он дарит ей удовольствие. Она его навсегда.

Кто читает этот бред?

Затем, как на автопилоте, я перевернула страницу и продолжила читать об Альмонте и Гвендолин. Об их неразделенной, невозмутимой и теперь уже приносящей удовольствие любви. Было ли мне стыдно читать это? Да. Было ли мне еще больше стыдно от того, что я читала это у себя на работе за ланчем? Даже не могу описать насколько.

Но, по крайней мере, теперь я знала, что это была не моя вина. Я знала, что если бы была в своем уме, то не пряталась бы в кабинете за закрытой дверью и не читала бы эту непристойность. Если бы только я была в своем уме, я бы воспользовалась этим временем, чтобы посмотреть на туфли в бутике за углом или пошла бы в кафе вместе с Холли. Также, вероятно, я бы просмотрела документы, которые стопкой лежали у меня на столе. Те, которые ждут, чтобы их изучили и рассортировали в хронологическом порядке для моего босса, который вернется из суда к концу дня. Но так как я теперь знала, что была не в своем уме, то продолжала сидеть, уставившись в книгу и переворачивая страницы, страстно желая продолжения.

Чертовы гормоны.

Я знаю. Я читала про такое.

Повышение либидо. Повышенная жажда секса в течение первого триместра.

Гугл выплевывал один и тот же ответ снова и снова. Бесчисленные сайты выдавали мне один ответ.

Что я залетела и теперь чертовски возбуждена.

И вместо того, чтобы дать совет, как облегчить ситуацию, все сайты говорили одно и то же.

Наслаждайтесь!

Чем конкретно наслаждаться? Наслаждаться тем, что неудобно сидеть? Просыпаться посреди ночи, потому что твое тело хочет секса? Ерзать на кровати и бить подушку снова и снова, молясь, чтобы твоя матка утихомирилась? Наслаждаться тем, что это лучшее время для секса, а я это пропускаю? К черту все эти сайты. Неужели недостаточно просто быть беременной? Зачем нужно добавлять еще и сексуальную неудовлетворенность ко всему этому?

Я стянула волосы на затылке и собрала их в хвост. Прохладный воздух дунул на мою шею, и это принесло небольшое облегчение от того, насколько на взводе я была. Перевернув страницу, я получила свою долю волнения от Альмонте.

Холли зашла без стука, держа в руках еду на вынос.

— Я купила ланч... — начала она, но остановилась, когда увидела, как я зашвырнула свое читиво в верхний ящик стола. — Что это было? — спросила она с настороженным любопытством, хитро улыбаясь.

— Ничего, — ответила я, захлопывая ящик. — Что ты принесла? — я показала на пакеты, концентрируясь на запахах от еды. Единственное, что в эти дни может отвлечь меня от секса, это еда.

Холли подошла к столу и поставила пакеты передо мной.

— Немного твоего любимого. Курица с пармезаном, салат «Цезарь», чесночный хлеб, — мой живот заурчал, когда я только услышала эти слова. Я потянулась, чтобы взять первый пакет,

но Холли не дала мне этого сделать.

— Ты получишь это, — усмехнулась она, — но для начала давай посмотрим, что ты там прячешь, — сказала она, склонив голову и вздернув бровь.

— Ничего серьезного, — сказала я.

— Тогда зачем спрятала?

Я уставилась на нее.

— Почему ты покраснела? — продолжала она, сверля меня взглядом.

— Неправда, — стала я спорить.

Она властно склонилась над моим столом.

— Прекрасно. Оставь свои секреты при себе, — сказала она, распаковывая еду. — Возьми, пожалуйста, две бутылки воды из холодильника.

Я подошла к небольшому холодильнику в углу кабинета и достала воду.

— Аха!

Я быстро повернулась и увидела, что Холли с победной улыбкой держала в руке мою пошлую книгу.

— Молодец. Ты обнаружила мой большой и темный секрет, — сказала я с сарказмом, подходя к столу и забирая у нее книгу.

— Я и не подозревала, что от тебя здесь требуется читать такие книги, — начала Холли дразнить меня.

— Смейся, сколько хочешь. Давай, — сказала я, открывая свой контейнер с едой. По крайней мере, если надо мной будут издеваться, я буду жевать чесночный хлеб, чтобы легче это все проглотить.

Холли забрала книгу со стола и уселась на стул, листая страницы. Не имея возможности наблюдать за ней, я сконцентрировалась на еде передо мной, отрезая большой кусок курицы и направляя его в рот.

— Ух ты, — засмеялась она. — Это... — она прочитала еще несколько абзацев, затем хмыкнула. — Внушающий ужас член? Зачем ты читаешь это?

— Ограниченная дееспособность, — сказала с набитым ртом.

— Ты совершила преступление? — Холли выгнула бровь.

— Я ведь читаю это, не так ли? — ответила я, взглянув на книгу.

— Здесь никто закон не нарушил. Такие книги очень популярны. И интересны читателям, — сказала она, насмехаясь надо мной.

Я запихнула еще один большой кусок себе в рот, чтобы жевать, а не говорить. Холли несколько минут в упор смотрела на меня, ожидая объяснений, и я сдалась.

— Это все гормоны, — сказала я, проглатывая еду. — Они сводят меня с ума. Все, о чем я могу думать, это секс. Все, чего я хочу, это секс. Секс, секс, секс. Это чертов ад!

Беременность не примирила меня с моим женским телом, как говорил доктор Оз. Наоборот, она превратила меня в чертового мужика.

— Ну, так займись им, — пожала она плечами, как будто это был такой простой и очевидный ответ.

— Займись им? С кем? На случай, если ты забыла, — я выглянула наружу из кабинета и показала себе на живот.

Мне еще предстояло сказать боссу и всем остальным о беременности. Сначала у меня было оправдание, что надо подождать окончания первого триместра, но этот рубеж приближался слишком быстро. Я была уже почти на двенадцатой неделе. К счастью, живот рос не так быстро, и свободные блузки могли скрыть тот небольшой животик, что уже был. Я знала, что скоро мне придется им об этом сказать. Я просто ждала подходящего момента.

— Ну, для начала, как насчет того парня, который сделал тебя беременной? — предложила Холли.

— Ты в своем уме? — я удивленно ударила рукой по лбу. — И говори тише. Я не хочу, чтобы какой-нибудь стажер подслушал и начал болтать об этом.

— А что? — пожалала она плечами. — Если ты хочешь просто секса, почему нет?

— Почему нет? — повторила я ошеломленно. — Полно причин, почему нет.

— Например?

— Например... — старалась я придумать ответ. Я знала, что была тысяча причин, почему секс с Шейном был плохой идеей. Мне просто надо было вспомнить хотя бы об одной. Ага!!! — Мы только-только вернулись к нормальной жизни. Наша дружба, наконец, снова стала прежней, ну или насколько это вообще могло быть. Я не хочу все это испортить. Во-вторых... — сделала я паузу, — как я уже сказала, есть тысяча причин.

— Хм, — заулыбалась Холли, стараясь сдержать смех.

Я знала, что смогла бы придумать еще аргументы, если бы у меня было время собраться с мыслями. Знала, что смогла бы убедить ее, что это плохая идея. Но появление в дверях моего босса, Кассандры Фэйрфакс, остановило меня.

— Мисс Фэйрфакс, вы рано вернулись из суда, — сказала я, вставая и вытирая рот салфеткой.

По правде сказать, эта женщина меня утешала. Ее присутствие рядом, ее фигура, манера поведения. Все в ней было устрашающим, но только потому, что когда-нибудь я хотела бы быть, как она. Востребованным адвокатом, всеми уважаемым, старшим партнером в фирме и, если честно, вопреки всем ожиданиям, приятной женщиной.

— Извиняюсь, что прерываю ваш ланч. Судья взял перерыв. Ли, мне нужно поговорить с тобой в моем кабинете.

— Конечно, — ответила я, прежде чем она развернулась и вышла. Я быстро начала убирать контейнеры со стола, но Холли убрала мою руку и сказала мне идти.

— Спасибо, — ответила я.

Я пошла за Кассандрой по коридору в ее кабинет. Мимо белых закрытых дверей кабинетов, темно-серых стен, декорированных дорогими произведениями искусства. Мимо стажеров, которые бросали делать то, что они делали, и улыбались при виде Кассандры. Я ускорила шаг и зашла к ней в кабинет, когда она садилась за стол и что-то набирала на ноутбуке.

— Закрой дверь. Садись, — сказала она, все еще глядя в компьютер.

Я видела, как несколько любопытных лиц заглядывали в кабинет через большие стеклянные окна рядом с дверью. Я прошла к бежевому креслу напротив стола, осматривая весь кабинет и восхищаясь его размером. Я была здесь всего несколько раз. Все те разы, когда встречались, мы находились в переговорной вместе с другими партнерами и помощниками. Ее кабинет довольно спокойный в отличие от переговорной, здесь светло-зеленые стены и светлая мебель. Единственное темное пятно в комнате — это деревянные рамки, обрамляющие ее дипломы, висящие на стенах.

Усаживаясь в кресло, я немного нервничала, и вопрос, почему она пригласила меня, проносился у меня в голове. Я что, где-то напортачила? Сделала ошибку в отчетах? Хотела бы я знать.

Черт.

Наверное, это потому, что она узнала, что я беременна. Каким-то образом кто-то узнал, и это дошло до нее. Теперь она искала меня, чтобы подтвердить это.

Не таким образом я хотела ей сказать. Я хотела, чтобы это было тогда, когда я решу, после того, как у меня будет больше времени впечатлить ее и других партнеров моей работой. Чтобы

они в страхе затрепетали, чтобы им было все равно, что мне понадобится некоторое время, чтобы заботиться о ребенке. Все, что их будет волновать, это когда я вернусь, чтобы продолжить свою превосходную практику по праву. И сейчас вместо этого я должна извиниться, что не пришла к ней раньше и позволила слухам разлететься по офису.

Когда Кассандра, наконец, оторвала свой взгляд от компьютера, ее выжидающего взгляда было достаточно, чтобы курица с пармезаном, которую я ела за ланчем, перевернулась у меня в желудке.

— Ли, я позвала тебя сюда, потому что хотела, чтобы ты ассистировала мне по делу Бейкера.

— Понимаю, я должна была сказать вам раньше, — быстро ответила я.

Она прищурилась.

Подождите... Что она только что сказала?

Кассандра, что, только что сказала, что хочет, чтобы я помогала ей в деле, над которым она работает? Большое дело о поглощении одной компании другой, и если мы выиграем, точнее, когда мы выиграем, это принесет невероятное количество денег.

— Должна была сказать мне что? — спросила она. Босс отклонилась назад в своем кресле, ожидая, пока я объясню свой странный ответ. Мой мозг заработал, быстро думая, что же ответить, надеясь, что все те годы в юридической школе научили меня быстро думать.

— Извините меня, — повторила я медленно, как если бы давала себе еще немного времени подумать. — Я просто имела в виду, что мне следовало бы подойти к вам раньше, возможно, показать свой интерес и проявить инициативу.

Я затаила дыхание и смотрела на ее реакцию. Легкая улыбка тронула уголки ее губ.

— Я рада слышать, что ты уже подумала об этом. Мы с партнерами обсуждали это и пришли к выводу, что ты будешь хорошим дополнением в этом деле. Мы все были впечатлены твоей работой над делом Тайсона, — она наклонилась вперед и положила руки на стол, скрестив пальцы. — И, если быть до конца честной, я думаю это большой шаг для фирмы. Иметь двух женщин во главе одного из самых больших дел. Я много работала, чтобы фирма придерживалась равенства среди персонала, гендерное равенство, я имею в виду. К сожалению, все еще остались несколько партнеров, которые, как лучше выразиться, — она помедлила немного, — имеют шовинистские упертые взгляды.

Я не смогла сдержать смеха.

— Я рада, что мы думаем одинаково, — улыбнулась Кассандра. — Мне нужно отправить кое-какие файлы, — она начала перебирать документы на столе, и это послужило знаком, что встреча окончена. Я встала, готовясь уйти.

— Будь готова к загруженным дням и, возможно, ночам, — сказала Кассандра.

— С нетерпением жду этого, — ответила я. И это действительно так и было. Работа над этим делом могла быть огромным скачком в моей карьере. Я открыла дверь, намереваясь выйти, когда следующие слова Кассандры заставили меня остановиться.

— Мы покажем им, что созданы не только для того, чтобы рожать детей.

* * *

— Золотце, я так тобой горжусь, — сказал Шейн, выпуская меня из объятий и ставя обратно на землю.

— Довольно воодушевляюще, — сказала я, поправляя юбку, которая задралась, пока Шейн кружил меня в воздухе.

— Больше, чем воодушевляюще, — засветился он. Я видела, что он был в большом восторге за меня, чем кто бы то ни был.

— Как ты хочешь отпраздновать это? — спросил он.

Я позвонила ему после работы, чтобы сообщить о новостях, и он настоял на том, чтобы прийти, потому что был слишком счастлив, чтобы говорить об этом по телефону. Я пошла за ним, пока он прошел по моей квартире, плюхнулся на диван, протянул одну руку поверх подушки и положил ногу на мой кофейный столик. На нем была надета рубашка, которую я подарила ему год назад, с надписью «Френки сказал, расслабься». Мы посмеялись над этим, потому что не так давно перед этим мы смотрели точно такой же эпизод «Друзей». Но в отличие от Росса, на Шейне эта рубашка смотрелась отлично. Белый хлопок на коже светло-кофейного оттенка облегал во всех нужных местах и немного приподнимался, когда он садился.

Я поерзала, стараясь игнорировать взрыв гормонов.

— Пока без празднования. Я могу все испортить, — сказала я, присаживаясь рядом с ним и отхлебывая воды.

— Без шансов.

— У тебя такая вера в меня, — сказала я, слегка поддразнивая. Я отклонилась на подушки и подняла ноги. Без промедления, Шейн взял мою ногу и начал массировать ее. Я закрыла глаза, и тут же меня накрыло наслаждение, которое начало подниматься от ступней.

— Как хорошо, — практически простонала я.

Я почувствовала, как он засмеялся. А затем двинулся немного выше по моей ноге, и я издала настоящий стон.

— А я хорош, — сказал он.

Открыв глаза, я посмотрела прямо на его лицо и увидела, что он ухмылялся.

— Не зазнавайся. Это не из-за тебя, — сказала я ему. Я попыталась отодвинуть свою ногу от него, но его хватка стала сильнее.

— Что это должно значить? — спросил Шейн весело.

Я выпрямилась, перекинула волосы за плечи и пожала плечами.

— Скажем так, в моей реакции виноваты гормоны. Непроизвольный рефлекс.

— Гормоны, значит, — повторил он. — Ну-ка, расскажи.

Он насмеялся надо мной со своей зазнайской улыбочкой. Это вызвало у меня раздражение и... что-то еще.

— У меня повышаются гормоны, и это заставляет мое тело реагировать определенным образом. Это не я. Это биология. Можешь проверить это сам, если мне не веришь, — предложила я.

Он засмеялся, отпустил мою лодыжку и подвинулся прямо ко мне. Я могла почувствовать легкий аромат его одеколona, от него остался только намек. Он поднял руку и медленно заправил прядь моих волос за ухо. Я затаила дыхание от его мягкого прикосновения.

— Биология, значит? Чем я могу помочь? — спросил он с искренностью в голосе. Он не имел представления, о чем спрашивал. Наши глаза встретились, мой взгляд опустился на его тело, от его адамова яблока и вниз. Я сглотнула и выдохнула. Моргнув несколько раз, я отвернулась, смутившись того, что так откровенно его разглядывала. Спустя минуту я все-таки набралась смелости посмотреть на него, и когда повернулась, то увидела выражение понимания на его лице.

— Золотце, — сказал он тихо. — Ты... просишь заняться с тобой сексом?

Я тут же вспыхнула от смущения.

— Нет! — вскрикнула я. — Конечно, нет! — но даже я услышала, насколько неуверенно это прозвучало. Он продолжал смотреть на меня, удивляясь, насколько его вопрос меня поразил. — Что? — спросила я, раздражаясь от того, насколько неприятным становился вечер. Он наклонил голову и продолжал разглядывать меня. — Это определенная стадия. Гормональная. Это пройдет, — сказала я ему, отворачиваясь.

— Точно. Биология. Ничего не имеющая общего с химией, — сказал Шейн, его голос выражал что-то среднее между удивлением и нахальным восторгом.

Я протестующе закачала головой, но была слишком смущена, чтобы посмотреть на него. Через минуту Шейн встал прямо напротив меня, заполняя все пространство передо мной. Я посмотрела на него, он самодовольно ухмылялся и протягивал одну руку ко мне.

— Что ты делаешь? — спросила я дрожащим голосом.

— Ты сказала мне, как я могу помочь, — ответил он, понижая голос. — Позволь мне помочь.

Сотни причин для отказа пронеслись у меня в голове. Причины, почему это была плохая идея, вертелись у меня на языке, готовые, чтобы я их произнесла, нет, прокричала. Я выстроила их от самых очевидных до самых скучных и однообразных, но все они объясняли, насколько это было безумно. Пока вставала, я уже была готова оттолкнуть его руку и высказать все эти причины. Но в тот момент, как я поднялась и моя грудь столкнулась с его, все эти причины обернулись против меня. Мы стояли друг перед другом, никто из нас не отступал и не делал шаг вперед. Я видела по его глазам, что в его голове также проносились сотни причин, почему это было плохой идеей, но, как и я, он не озвучил ни одну из них. Взгляд Шейна прошелся по моему телу, медленно изучая его.

— Ну так что, — сказал Шейн, и его зеленые глаза потемнели. Я была немного сбита с толку. Я знала, что была возбуждена, но теперь видела, что и он тоже был возбужден. — Ты собираешься что-нибудь делать?

Я сосчитала про себя до пяти, прежде чем развернуться и пойти к себе в спальню. Он пошел за мной и даже не побеспокоился, чтобы закрыть дверь, так как знал, что нас и так никто не побеспокоит. Как только дошла до середины комнаты, я повернулась и посмотрела на него. Он не сделал ни одного шага, чтобы приблизиться ко мне. Вообще не двигался. Он чего-то ждал, ждал, чтобы я сделала первый шаг. Шейн это предложил, и теперь ждал, что я буду играть главную роль. Я не знала почему вместо того, чтобы остановить его, я потянула за нижний край рубашки и сняла ее. Взгляд Шейна задержался на моей голой груди. Его страстный взгляд заставил меня забыть о том моем немного выросшем животом.

Я сделала несколько шагов вперед, снимая с него рубашку. Мы стояли в сантиметре друг от друга, но мои пальцы покалывало от желания прикоснуться к нему. Почувствовать его твердую грудь, провести пальцами по его соскам. Мне пришлось прикусить губу, чтобы удержаться. Я посмотрела на него, наши взгляды встретились, и на короткий момент молчаливое понимание промелькнуло между нами.

Мы не были пьяными в этот раз, мы оба полностью понимали, что делали. Мы полностью осознавали: то, что происходило между нами, нельзя было списать на алкоголь и суматоху после дня рождения. Я ждала, когда Шейн скажет или сделает что-нибудь, когда он потянулся руками к моей талии, притянул меня к себе, и наши тела столкнулись друг с другом еще раз. Это неожиданное движение удивило меня, но когда Шейн начал целовать и покусывать мою шею, я полностью растворилась в этом.

Я обняла его за плечи и вонзила ногти ему в кожу. Я почувствовала, как он опустил руки к моим бедрам, а затем к ягодицам. Подняв меня, он понес меня к кровати и затем положил на спину. Он стоял напротив меня и я видела, как его взгляд опустился от моего лица к груди и

остановился на застёжке моих штанов. Он слегка ухмыльнулся и наклонился, чтобы расстегнуть их.

На каждое его прикосновение, каждый вдох и выдох мое тело реагировало. Жар ощущался везде, где он касался меня, предвкушение становилось невыносимым. Я не могла понять, гормоны это или просто Шейн сводил меня с ума. Холодный воздух тронул мои ноги, как только Шейн стянул с меня штаны, и пока он забирался на кровать, пальцами легонько поглаживал мои ноги. Он продолжал медленно вести пальцами вверх, и это ощущалось практически пыткой. Когда он провел ними по моей груди, я глубоко вдохнула. Когда Шейн покругил пальцами вокруг соска, мне пришлось закусить губу, чтобы не закричать. И он это заметил.

— Они действительно очень чувствительные, — сказала я ему.

Он улыбнулся.

— Приятно слышать, — ответил он, а затем опустил голову и прижался к соску губами, посасывая через лифчик. Да, через тонкое кружево я чувствовала себя так, что вот-вот взорвусь. Пальцами он снова начал блуждать по моему телу, на этот раз спускаясь вниз, играя с краем моих трусиков, поглаживая кожу через мягкую ткань.

— Ты уже мокрая, — сказал он, переключаясь на другой сосок.

Я знала, что была мокрой. Я была такой уже несколько дней.

— Я же говорила тебе. Это все биология.

Я почувствовала, как он улыбнулся напротив моей груди.

— Давай посмотрим, что биология действительно может сделать.

Пальцами Шейн скользнул под ткань трусиков, прямо к моей сердцевине. Он получил ответ очень быстро. Шейн медленно двигал пальцами по кругу и проскальзывал внутрь, затем опять по кругу. Вероятно, я могла кончить так быстро, как никогда прежде. Его прикосновения были неторопливыми, как будто он старался исследовать каждую частичку меня. Он покусывал мои соски, и тут же успокаивал их своим языком.

— Я ценю эту прелюдию, — сказала я, сжимая простынь в кулаках. — Но ты не обязан был это делать. Мы можем приступить сразу к делу.

Его пальцы были все еще внутри меня, когда он поднял голову. Нечитаемое выражение промелькнуло на его лице, а затем он наклонился и прижался своими губами к моим, и потом сказал:

— Может быть, я хочу прикасаться к тебе.

Я молча смотрела на него, так как не знала, что сказать. Часть меня хотела, чтобы он продолжил исследование моего тела. Часы, даже дни. Другая часть была слишком обеспокоена тем, как хорошо это звучало.

Шейн увидел борьбу, происходящую в моей голове, но он не знал настоящую причину этого. Он пытался прочитать мои мысли, и я испугалась, что это может у него получиться.

Наконец, он улыбнулся.

— Хорошо, Золотце. Давай, сделай все, как этого хочешь ты.

Он поднялся с колен, подцепил мои трусики и стянул вниз. Затем также быстро избавился от своих штанов и боксеров. Практически обнаженные, лифчик — единственное, что осталось на мне, мы в течение минуты рассматривали друг друга, а затем он раздвинул мои ноги. Я согнула колени, и его тело идеально устроилось между моих ног. Пальцами Шейн еще раз пробежался по мне, а затем вошел в меня. Мы оба резко застонали. Он опустил голову и прошептал мне на ухо:

— Презервативы кажутся бессмысленными. Что еще может случиться?

Он отстранился от моего уха и начал покусывать мою шею, пока трахал меня так, как я просила. Обернув ноги вокруг его талии, я пятками прижала его ближе. Раньше я никогда не

кончала от одного секса, мне была нужна стимуляция. Но я знала, что этот раз будет первый. Я уже чувствовала это. С каждым его толчком это нарастало и нарастало, пока я не закричала его имя. Я почувствовала, как он напрягся, кончая сразу после меня. Задыхаясь, Шейн упал на меня, его дыхание обжигало мне кожу. Как только его дыхание успокоилось, он легко поцеловал меня в шею.

Я почувствовала, как мое сердце сжалось.

Но я еще раз сказала себе, что это все гормоны.

Шейн поднял голову и улыбнулся мне, прежде чем медленно придвинуться еще ближе. Я ужасно нервничала от того, что он мог меня поцеловать в губы. Нервничала от этого выражения чувств, несмотря на то, что он только что меня трахал. Страх от того, что могло случиться, как бы отреагировало мое сердце, если бы он это сделал.

Но он не сделал этого. Напротив, он легонько провел губами по моему лбу и отодвинулся от меня с такой же нежностью. Он кивнул в сторону ванной.

— Я заскочу в душ. Хорошо?

Я дважды моргнула, только затем кивнула и наблюдала, как он покидает комнату. Как только Шейн скрылся из виду, я закрыла лицо руками и выдохнула. Я даже не заметила, что задержала дыхание. Я была озадачена тем, что только что произошло. Хотела ли я, чтобы Шейн поцеловал меня? Надеялась ли я на это? Я знала, что очень хотела секса. Секса с Шейном... было очевидно, что мне нравилось это. Но это сбивающее с толку чувство? Это было... неожиданно. Слова Шейна крутились у меня в голове, только прибавляя мучений.

Что еще могло случиться?

Очевидно, все. Все могло случиться.

Шейн

— Эта машина не безопасна для ребенка.

Я отвел взгляд от дороги на несколько секунд, и мгновенно был зачарован тем, как ветер развеивал волосы Ли. Солнце светило на нее, создавая золотые блики на ее розовой коже. Она попыталась провести пальцами по своим спутанным волосам, безуспешно стараясь убрать их от лица. Я опустил взгляд вниз на ее юбку и складки, которые образовались на ней под моими руками всего лишь несколько мгновений назад.

Ли совсем не шутила, когда сказала, что ее тело сейчас чересчур сексуально напряжено. За последние несколько недель у меня было больше секса, чем когда-либо в моей жизни. Она была ненасытна. И чем дальше продвигалась беременность, тем сильнее росло ее желание секса. Не то чтобы я жаловался. Секс с Ли был лучше, чем я мог ожидать. Ли полностью отдавалась этому, всегда была готова и, если быть честным, кончала очень легко. Не то чтобы я не был готов поработать над этим, но всегда приятно, когда так происходит.

Единственная неприятность всего происходящего была в том, что это чертовски меня озадачивало. Я знал, что секс с ней не пройдет тихо и спокойно, особенно сейчас, но что-то произошло со мной в ту ночь. Только что мы сидели на диване, а в следующее мгновение она говорит мне, как горит ее тело. У меня не было шансов противостоять воспоминаниям, как я касался ее, как пробовал на вкус, видел ее подо мной. Я мог думать только о том, что хотел пережить это еще раз.

Но я не думал, что это произойдет.

Эти продолжающиеся сексуальные отношения, которые мы начали, казалось, не собирались заканчиваться. И сейчас я страстно желал ее. Хотел ее. Нуждался в ней. Мое одноразовое предложение помочь превратилось во что-то совершенно другое. Что-то, что играло со мной и моими чувствами. Я даже не был уверен в том, что произошло бы, если бы я попытался ее поцеловать. Позволила бы она? Захотела бы она меня также сильно? Я даже не мог объяснить, насколько это было странно, находиться внутри нее и бояться поцеловать. Ли моя лучшая подруга, но то, что происходило в последнее время между нами, то, что я чувствовал по отношению к ней, было совсем не дружбой.

Что больше всего сбивало столку, это как свободно чувствовала себя Ли, как будто это не усложняло и не меняло все между нами. Но ведь я не мог быть единственным, кто так себя чувствовал, так ведь? То, что мы делаем практически каждую ночь, ведь не могло не подействовать на нее, не так ли?

На прошлой неделе, когда мы ходили есть пиццу, я почувствовал ее руку на своем бедре — это было ясным сигналом того, что она хотела. Я извинился перед всеми за то, что нам пришлось уйти, даже не помню, что я им говорил. И десять минут спустя я уже был внутри нее, прижимая ее к столешнице на кухне, так как никто из нас не мог дождаться, пока мы доберемся до спальни.

Однажды она даже пришла ко мне домой посреди ночи. Сказала мне, что не может уснуть и ей нужно освобождение. Тихо, чтобы не разбудить Брайана, я провел Ли к себе в спальню и впервые взял ее сзади.

А сейчас я смотрел, как она поправляет свою блузку и подкрашивает губы помадой, и вспоминал, как двадцать минут назад съехал с дороги на обочину, и как только заглушил двигатель, она отстегнула ремень безопасности, подняла свою юбку и запрыгнула на меня.

Тогда я не слышал, чтобы она жаловалась на отсутствие крыши в машине.

Несмотря на такую короткую остановку, мы опаздывали. Мои родители ждали нас еще полчаса назад. В этот день мы собирались официально объявить им, что они станут дедушкой и бабушкой. Я не сомневался, что они нас очень поддержат. Даже несмотря на то, что они не всегда со мной соглашались, родители меня поддерживали. Но я понятия не имел, какие вопросы будет задавать моя мама. Вопросы, на которые у меня еще не было ответа. Вопросы, которые я сам недавно начал себе задавать.

Мы все еще не знали, как объяснить маме, как это произошло. Мы с Золотцем не были парой, но также мы больше не были просто друзьями. Я не знал, как нас можно было назвать. Мы перешли эту черту несколько месяцев назад, и с тех пор продолжали переходить ее. Но что могла сказать эта черта о нас, где мы сейчас, кто мы сейчас, я понятия не имел. И если Ли знала, она не делилась со мной своими мыслями.

Я продолжал ехать по шоссе, мелкие камушки и пыль оставляли след позади нас. Я взглянул на заднее сиденье, на слой грязи, скопившейся на чехлах. Сломанный ремень безопасности подпрыгивал при каждой ямке, на которую я наезжал. Ли была права. Эта машина не безопасна для ребенка.

— Твоя машина безопасна, — сказал я ей, напоминая о ее маленьком четырехдверном «Мини Купере».

Ли посмотрела на меня, как будто я ничего не понимал.

— Конечно. Но что насчет того, когда ребенок будет с тобой? Он не может ездить на заднем сидении тележки для сафари.

— Эй...

— Ребенку нужна крыша, окна и ремень безопасности, который бы работал...

— Ладно. Я понял. Успокойся, — сказал я, смеясь. Но ее выражение лица не говорило о том, что она успокоилась. На самом деле, она выглядела слегка раздраженной. Так же, как становилась все более и более сексуально возбуждаемой, она становилась все более и более раздражительной. Иногда своими перепадами настроения она доводила меня до припадка.

— Успокойся, — повторил я. — У нас есть еще время разобраться со всем этим.

Она сжала губы.

— Со всем этим? — повторила она медленно, прежде чем отвернуться к окну.

Господи, да что я такого сказал?

* * *

— О, Господи!

Выражение лица моей мамы, когда мы входили в дом, говорило о том, что нам не было необходимости сообщать важную новость. Ее взгляд уже приклеился к животу Ли. Большинство дней Ли скрывала свой небольшой растущий живот, но сегодня ее одежда не скрывала ничего. Блузка едва сходилась на груди, а трикотажная юбка подчеркивала все ее формы. Когда заехал за ней, я осторожно заметил это.

— Мы что, собираемся скрывать это от твоих родителей? — указала она на свой живот. — Что мы собрались им сказать? — сказала она демонстративно. — К тому же, через несколько часов эта одежда на меня уже не налезет, так что я хочу успеть надеть ее.

Глупо, но я надеялся, что, возможно, мама не сразу это заметит. Я предполагал, что мы все

будем сидеть, а эта новость сама выплывет из ниоткуда на синих шариках, но судя по выражению лица мамы, нам не придется нигде сидеть, и не будет шариков.

— Привет, мам, — сказал я, проходя и целуя ее в щеку. Она меня даже не заметила. Ее взгляд оставался прикованным к Ли и ее животу. Мама высвободилась из моих объятий и направилась к Ли.

— Сюрприз, — сказала Ли дрожащим голосом, нервно улыбаясь.

Мама обняла ее и сильно сжала.

— Точно сюрприз. Что случилось с тобой? — спросила она, и ее голос выдал волнение.

Ли посмотрела на меня через мамино плечо.

— Ты будешь бабушкой, — сказал я.

Мама сразу же отпустила Ли и повернулась ко мне.

— Прости, — начала мама, поворачивая голову из стороны в сторону, от Ли, ко мне и обратно. — Так это ты? — спросила она, указывая на живот Ли.

— Я знаю, что это неожиданно, Шарлотта. Мы тоже не ожидали, — начала Ли. — И мне очень жаль, что говорим только сейчас. Мы хотели подождать, пока пройдет первый триместр. Мне очень жаль...

Нервные причитания Ли были прерваны радостным возгласом. Мама еще раз заключила Ли в объятия, ее голос был полон возбуждения.

— Прекрати извиняться! Это фантастическая новость. Я и не знала, что вы двое начали встречаться, — она посмотрела на меня с укором.

Я уже было открыл рот, чтобы поправить ее, но взгляд Ли заставил меня замолчать.

— Абель, иди сюда! — крикнула мама. — Иди сюда и посмотри, что происходит.

Тяжелые шаги моего отца донеслись до нас, когда он входил в холл.

— Смотри, Абель! Смотри! — мама закричала, показывая еще раз на живот Ли. — Мы будем бабушкой и дедушкой! — мама еще раз обняла Ли. Я смотрел на отца, и на его лице появилось выражение понимания происходящего.

— Значит, решено, — тихо сказал он, так, чтобы услышал только я.

— Да, решено, — ответил я.

Он кивнул, поворачиваясь к обнимающимся женщинам. Но я увидел, как эмоции промелькнули у него на лице, эмоции, которые он пытался скрыть.

Гордость.

— Абель, да что с тобой? Подойди сюда и поздравь ее, ради Бога, — мама начала критиковать отца. Намек на улыбку перерос в огромную ухмылку, когда папа подошел к Ли и обнял ее своими длинными руками. Я даже потерял ее из виду за его большой фигурой.

— Ты вся сияешь, — сказал ей отец и поцеловал в щеку.

— Не правда ли? Просто сияет! — вставила мама.

Я стоял и наблюдал, как мои родители суетятся вокруг Ли и моего нерожденного ребенка. Я видел, как Ли вытерла слезинку на щеке, чувствуя облегчение. Я был уверен в том, как отреагируют мои родители. Она выглядела счастливой, и я радовался тому, что был частью этого, что моя семья была частью этого. Что было бы невозможно без меня видеть, насколько она счастлива, счастлива от того, что скоро будет мамой.

Затем понимание совершенно других вещей подкралось ко мне. То, что я совершенно не ожидал, но в то же время ждал. Понимание, которое ощущалось скорее как удар кулаком в сердце.

Я уставился в пол, мне было необходимо отвести от нее взгляд хотя бы на мгновение. Мне необходимо было осознать тот факт, что я хотел быть единственным, кто когда-либо сможет сделать ее счастливой. Единственным мужчиной, кто заставит ее улыбаться.

Пока глаза Ли светились от счастья, мои потемнели от паники. И если раньше я думал, что то, что происходило между нами, было сбивающим с толку, то это не имело ровным счетом ничего общего с тем, что я хотел, чтобы так продолжалось... постоянно.

* * *

Мы сидели все за столом в гостиной, и мама забрасывала нас с Ли вопросами. Они с отцом сидели напротив нас, жареное мясо на гриле и салат стояли на столе. Я потянулся взять еще один кусок курицы, когда следующий мамин вопрос заставил меня остановиться на полпути.

— А ты уже чувствуешь, как ребенок шевелится?

Шевелится?

Она чувствует?

Я посмотрел на Ли, но она покачала головой и вытерла рот салфеткой.

— Нет еще. Мне кажется, пока рано.

Еще рано? А когда она должна это почувствовать? Я сделал себе в голове пометку, начать читать те книги по беременности, которые купил.

— А что насчет имен? Вы думали об этом? О! Вы хотите узнать, мальчик это или девочка?

Имена? Я об этом не думал! Интересно, а она думала? Придумала ли она уже какие-нибудь имена? Мальчик или девочка? Хотел ли я знать? А она?

Ли встретилась со мной взглядом, в ее голове крутились те же самые вопросы. Как такое могло произойти, что мы это еще не обсуждали? Чем, черт возьми, мы занимались все это время? Затем образ обнаженной груди Ли под моими губами предстал перед моими глазами, и я вспомнил, каким образом мы проводили время.

Я прочистил горло.

— Пока никаких имен, — сказал я. — Но, думаю, я хотел бы знать, кто у нас будет.

Стеснительная улыбка появилась на лице Ли.

— Я тоже, — сказала она.

— Как волнующе, — в сотый раз добавила мама.

— Мы сможем выяснить это на следующей неделе, когда у меня будет УЗИ, — уточнила Ли.

Я улыбнулся на долю секунды, прежде чем осознать ее слова.

Подождите. На следующей неделе?

— Когда на следующей неделе? — спросил я.

— В четверг. Я тебе уже говорила, — ответила она, улыбаясь.

Нет, определенно точно она мне об этом не говорила. А я, наоборот, был уверен, что говорил ей о моей поездке в Лос-Анджелес на следующей неделе.

— Я уезжаю в четверг в Лос-Анджелес, помнишь? И не вернусь до воскресенья.

Ли уставилась на меня. Она что, забыла об этом? Я сказал ей на прошлой неделе, как только забронировал съемку. Я знал, что говорил ей, потому что хотел, чтобы она заранее узнала о моей поездке.

— Нет, ты не говорил, — утверждала она, аккуратно положив приборы на тарелку.

— Говорил, — заспорил я. — Сразу, как только забронировал съемку. Я позвонил тебе и сказал.

Я ждал, когда она вспомнит, но этого не произошло. Напротив, она отклонилась спинку стула и скрестила перед собой руки.

— Думаю, я бы запомнила, если бы ты сказал мне что-то такое, — настаивала она.

— Очевидно, нет.

Мы пристально смотрели друг на друга в течение минуты, пока глубокий голос моего отца не прервал нашу маленькую игру «Кто первый моргнет».

— Такова жизнь путешествующего фотографа, — сказал он, прежде чем отпить вино из бокала.

Три пары глаз повернулись к нему; взгляд мамы пронзал, словно кинжал.

— Что? — пожал он плечами. — Они должны к этому привыкнуть.

За столом повисла тишина, и я посмотрел на Ли. Ей определенно было неловко и неудобно от нашей публичной стычки. Я дотронулся до ее ноги коленом.

— Эй, — мягко сказал я. — Ты можешь позвонить мне и сказать после того, как ты узнаешь.

Вся надежда на то, что это вызовет у нее улыбку, испарилась, когда она только кивнула и занялась расправлением салфетки на коленях.

Замерив ранимое настроение Ли, мама пришла на помощь.

— Знаешь что? Мы должны сделать тебе подарок! — сказала она, отходя от стола. — Почему бы мальчикам не убрать со стола, пока мы выбираем что-нибудь в детской секции «Поттери Барн»?

Ли неловко улыбнулась, прежде чем встать и последовать за мамой. Она даже не повернулась взглянуть на меня. Как только их шаги стихли, я отклонился на спинку стула и бросил салфетку на стол.

— Ну, спасибо, пап, — сказал я с сарказмом.

— Ты думаешь, это было плохо? Просто подожди. Ты не знаешь, что будет, — отец встал и показал рукой на стол. — Убери тут все, — сказал он, выходя из комнаты.

Оставшись в одиночестве, я потер руками голову, когда небольшая головная боль начала подступать. Я понял, что даже если Ли и помнит о том, что я ей говорил, она уже это не признает. Я встал, взял тарелки и направился в кухню, где отец расчищал место рядом с раковиной.

— Я на самом деле говорил ей, — сказал я, как обиженный ребенок.

Отец засмеялся.

— На случай, если ты забыл, мальчик, эта девочка беременна. А это значит, что ничто из того, что ты говорил и делал, не было правильным до тех пор, пока она этого не скажет. Так что ты не говорил ей, что у тебя съемка. А еще она думает, что ты забыл, что она говорила тебе об УЗИ. Значит, ты забыл.

Я покачал головой.

— Вряд ли это честно.

Он стоял передо мной, уперев руки в боки, и смотрел на меня, как на идиота.

— Ты головой ударился? Честность вышла за дверь в ту минуту, как у нее выиграли гормоны. И тебе лучше бы это запомнить! Это сделает следующие несколько месяцев намного проще. Честно, — хмыкнул он. — Конечно, это не честно. Но. Это. Так, — он произнес каждое слово отдельно, чтобы я понял смысл.

На следующие несколько месяцев я сдаюсь на милость Ли.

— А теперь о том, что мы сможем исправить, — сказал он, открывая посудомоечную машину. — Ты можешь начать работать после этой твоей поездки. Мы начнем с легкого дела, но если все пойдет хорошо, пройдет немного времени прежде чем...

Я поднял руки, останавливая его.

— Эй, эй. О чем ты говоришь?

Он продолжал загружать посудомоечную машину тарелками.

— Работать в фирме, — сказал он. Кажется, я что-то пропустил, потому что он увидел непонимание на моем лице. — Ты же не думаешь, что сможешь продолжать вести образ жизни фотографа, не так ли? Тебе понадобится стабильная работа поближе к дому. Не та, которая заставляет постоянно мотаться по всему миру. Я помогу тебе начать работать в офисе...

— Я тебе не верю, — прервал я его, злость кипела у меня внутри. — После всего этого времени, ты все еще не веришь в мою карьеру. Ты думаешь, я не смогу их обеспечить.

Отец повернулся и сделал один решительный шаг в мою сторону, вытирая руки о кухонное полотенце, прежде чем направить палец на меня.

— Тебе необходимо вести себя по-взрослому.

Я сильно сжал руками край столешницы. Я все сильнее чувствовал присутствие моего отца, его знакомый запах старого дерева и специй становился все сильнее с каждым шагом, когда он подходил ближе.

— В тот момент, когда вы с Ли решили оставить этого ребенка, вы приняли решение ставить его на первое место, впереди всех и вся. Прежде своих желаний, своих нужд, — резко сказал он. — Я открою тебе один маленький секрет, о котором ты еще, по-видимому, не догадываешься, — он сделал шаг назад, позволяя мне повернуться и посмотреть на него. — Очень скоро, прежде чем ты поймешь, что это произошло, когда ты будешь оставлять своего ребенка одного, на любой промежуток времени, это будет самым тяжелым в твоей жизни. Это будет причинять боль тебе. И этой девочке, — он указал вверх, где мама с Ли занимались онлайн-шопингом. — Я сомневаюсь, что она будет мириться с тем, чтобы быть матерью-одиночкой. Оставаться одной на то время, пока ты путешествуешь по миру.

Он взял мое лицо в ладони, как делал это раньше, когда я был ребенком, а он собирался сказать мне что-то важное. Его голос немного смягчился.

— Отцовство даст тебе чувство гордости, о котором ты даже и не подозревал. Любовь такую сильную, что ты с радостью положишь свою жизнь, если это спасет жизнь твоему ребенку и сделает его счастливым. Ты пожертвуешь всем, даже не моргнув.

Он высвободил мое лицо, и я сглотнул огромный комок, образовавшийся у меня в горле. Я наблюдал, как отец подошел к раковине и начал ополаскивать тарелки.

— Это предложение не имеет ничего общего с тем, что я думаю о твоей карьере, — он все еще смотрел в раковину. — Ты уже доказал и проявил себя в этом.

Отец еще ни разу вслух не говорил о том, как был горд от того, чего я добился в качестве фотографа. Это не значило, что я не видел этого. У него в кабинете висели фотографии, которые я сделал. Но слышать слова...

— Я со всем разберусь, пап. Я сделаю это по-своему, — сказал я, стараясь заверить его, и, возможно, себя самого в том, что смогу справиться с работой и сопутствующим образом жизни, и с ответственностью за Ли и моего ребенка. Путешествия станут частью нашей жизни, и мы придумаем лучший способ справиться с этим.

Папа посмотрел на меня с небольшой грустной улыбкой.

— Шейн, я не думаю, что ты не сможешь это сделать. Я думаю, что ты просто не захочешь это делать.

Шейн

— Что за день, — сквозь головную боль донеслись до меня усталые слова Кэла. Я массажировал виски на протяжении уже десяти минут, но голова все равно пульсировала. Я поднял взгляд и увидел, что он сел рядом со мной. — Могло быть и лучше, — добавил Кэл.

— Да ты что, — ответил я саркастически, прикрыв глаза.

День начался ужасно и продолжался не лучше. Вообще-то, все понеслось к чертям вплоть до моего отъезда в Лос-Анджелес.

После нашего недопонимания в доме моих родителей, настроение Ли начало ухудшаться. Ушла девочка, которая не могла оторвать от меня своих рук, а на ее место пришла та, которая была всем недовольна. Я слышал, что говорят про озлобленных женщин. Но это все детские игры по сравнению с беременными озлобленными женщинами. Мы практически не разговаривали в последние дни. Молчание началось в машине на обратном пути домой и затянулось на всю неделю. Каждый раз, когда я звонил или писал ей, ответ получал очень краткий и сдержанный. Когда я позвонил, чтобы попрощаться перед поездкой, то попал на голосовую почту.

Голосовая почта. Даже не сказала «пока».

Иррациональная и упрямая Ли — это было что-то новенькое. Неужели она так взбесилась из-за конфликта расписания? Как вообще мужчины проходят через это снова и снова? Одной беременности может быть достаточно, чтобы напугать их. Я не мог понять Ли. Все, о чем я мог думать, это что беременность сводит ее с ума и она больше не в состоянии думать разумно и ясно. Но даже со всем этим безумством, я никогда не скучал по ней больше, чем в течение этой поездки.

После последних дерьмовых дней вплоть до моего отъезда, меня не должно было удивить, что и все остальное пошло плохо. Пришлось отложить нашу запланированную съемку на крыше из-за дождя. Дождь! В Лос-Анджелесе! Затем одна из моделей появилась с похмелья, и пришлось делать перерывы каждые пятнадцать минут, так как ее рвало. Затем сильный порыв ветра от дурацкого вентилятора, который мы использовали, прорвал дыру в одной из наших вспышек с зонтиком. И я никак не рассчитывал на два часа, которые потребовались Кэлу, чтобы достать новую вспышку.

Но ничто из этого и рядом не стояло с тем, что Золотце пошла на УЗИ, а я это пропустил. Несколько дней назад я говорил ей, что ничего особенного не произойдет, если меня и не будет, и я действительно так считал. Тогда я не думал, что это будет меня так беспокоить. Это просто встреча с врачом. Их будет еще очень много. Но когда я поймал себя на том, что посматривал на часы каждые двадцать минут, высчитывая разницу во времени и думая, была ли она у доктора, что он мог ей сказать, увидела ли она нашего ребенка на мониторе, я понял, что ошибался. Это имело значение. Понимание того, что она узнает, кто у нас будет, мальчик или девочка, без меня, ударило сильнее, чем пинок в живот.

Непрекращающиеся щелчки клавиатуры на ноутбуке переключили мое внимание на Кэла, который просматривал снимки, сделанные сегодня.

— Неплохо. Все учтено, — сказал он.

Отклонившись на спинку стула, я едва взглянул на снимки, мелькающие на экране.

— Мне сейчас все равно, — ответил я.

Кэл посмотрел на меня, и я знал, что он увидел беспокойство и усталость на моем лице. Не

говоря уже о том, что я выглядел несчастным.

— Мы уже знаем? Мальчик или девочка?

Я взглянул на телефон. Новых уведомлений не было. Ни пропущенных звонков, ни смс.

— Нет.

Кэл продолжил листать дальше.

— Она позвонит. Может быть, она просто сейчас работает над делом. Ты же говорил, что Ли работала как сумасшедшая в последние несколько недель?

— Да, — я кивнул, но попытки Кэла успокоить меня ни к чему не привели. Он знал, что Ли была, мягко говоря, не рада из-за моей поездки. Мне даже показалось, что он начал обо мне думать так же, как и она, но держал свой рот на замке. Кэл отъехал на стуле от стола и повернулся ко мне.

— Ну тогда не парься. Она позвонит.

Несколькими часами позже я был в номере отеля и поставил на зарядку телефон, потому что батарейка уже практически садилась. Я запрыгнул в душ, надеясь, что горячая вода каким-то образом меня расслабит. Все, что я хотел, это просто лежать и есть бургеры, которые заказал в обслуживании номеров, пока ждал звонка от Ли.

Я вышел из ванной только в одном полотенце, повязанном вокруг талии. Поискал чистые боксеры в чемодане и включил телевизор. Я переключал каналы, пока не увидел знакомые лица. Никогда не понимал, почему я не мог переключить канал, когда попадал на «Друзей». Ведь видел все эпизоды по несколько раз. Но каждый раз, когда видел, как Моника совершала что-то невротическое или Джоуи говорил ерунду, я улыбался. Потому что это шоу всегда напоминало мне об одном человеке. Я услышал, как лежащий на столе телефон, просигналил о новом сообщении. Проведя рукой по экрану, я увидел, что Ли отправила мне текстовое и аудио-сообщение:

Ли: Я плакала, как чертова эмоциональная идиотка.

От ее слов я заулыбался еще шире. Интересно! Я нажал на кнопку «воспроизвести», чтобы послушать двадцатисекундный аудиофайл. Поначалу я ничего не слышал. Но через пять секунд понял, что должен был услышать. Как барабан, быстрые и четкие удары — сердцебиение. Сердцебиение нашего ребенка. Я слушал с таким благоговением, что даже не осознавал, что сидел на кровати и проигрывал его пять раз. Что-то сковало мою грудь, как будто мое сердце сжималось и в то же время разрывалось. И сейчас, слушая это маленькое сердцебиение, все, что произошло между мной и Ли, молчание, указывание пальцами друг на друга, все казалось таким незначительным. Этот аудиофайл — самое лучшее, что произошло со мной за этот день. Нет, не только за этот день. Даже не за эту неделю или месяц, или год. Это вообще самое лучшее, что произошло в моей жизни.

Я проиграл запись еще раз, прежде чем нашел номер Ли и нажал кнопку позвонить.

— Ты получил? — ответила она после первого гудка, даже не потрудившись сказать «привет».

Прослушав запись и услышав ее голос, я почувствовал тоску по дому, которого раньше у меня никогда не было. Я бы отдал сейчас все, что угодно, чтобы быть дома с ней.

— Да, получил. Уже десять раз прослушал, — сказал я ей, смеясь.

— Я тоже, — призналась она. — Доктор сказала, что мы могли бы сделать это уже несколько недель назад, но так как я не была рискованным пациентом, она решила подождать до сегодняшнего дня.

Мое сердце пропустило удар после ее слов о рискованном пациенте, но когда Ли

продолжила говорить, ее голос меня немного успокоил.

— Она сказала, что сердцебиение у ребенка сильное. Сто шестьдесят ударов в минуту! С ума сойти, правда? Она также сказала, что скоро я почувствую, как он толкается...

Я выдохнул, пытаюсь осмыслить, все, что было сказано. Ли говорила так быстро, перескакивая с одной детали на другую, было столько информации.

— Ты продолжаешь говорить ребенок. Ты смогла узнать? Мальчик или девочка? — спросил я, и мое сердце забилося в волнении.

— Да... — начала она. — Могла, но я не стала.

Я нахмурился.

— Ты не узнала? Я думал, ты хотела узнать.

Она выждала несколько секунд, чтобы ответить:

— Да, я хотела. И сейчас хочу. Но... — я слышал, как она вздохнула. — Мне казалось неправильно узнавать это без тебя... — я сжал руку в кулак, сминая простынь под пальцами. — Я хотела узнать это с тобой.

Чувство вины от того, что я не находился там, с ней, было такое же сильное, как и ее слова, что она хотела узнать это со мной. Это такие два разных чувства, и я не знал, какое из них лучше выразить.

— Я так сильно по тебе соскучился, — сказал я ей, падая на кровать. Это даже пугало, насколько сильно. — Золотце, вся эта поездка — сплошное недоразумение. Ненавижу, что я не там. Ненавижу, что мы не узнали. Ненавижу, что не могу поговорить с тобой. Я просто... — *что? Что я пытался сказать?* — Не могу дождаться, когда тебя увижу, — закончил я.

Она ответила не сразу, и это породило у меня небольшую панику. Может быть, я сказал слишком много?

— Ты просто скучаешь по сексу, — сказала она, пытаясь казаться беспечной, но у нее не получилось. Не зная, как следует реагировать, она пыталась скрыть то, что сделали с ней мои слова, за юмором.

— Нет, — сказал я серьезно. Я имел в виду, что действительно скучал, но не просто по сексу, а по сексу с ней. Чувствовать ее кожу, вдыхать ее аромат. Просто быть с ней. — Это больше...

Опять оглушающая тишина повисла между нами. Я представил, как она наматывает прядь волос на палец и кусает губы, пытаюсь придумать, что сказать.

— Больше, чем что? — спросила Ли.

Она пыталась предоставить возможность мне определить то, что происходило между нами. Это принесло мне облегчение, зная, что Ли не совсем забыла то, что происходило между нами. Что внутри она тоже что-то чувствует. Что-то больше того, что каждый из нас готов был признать.

До сегодняшнего дня.

— Ты скучаешь по мне, Золотце? — спросил я ее, мне нужно было это услышать прежде, чем я продолжу.

Она глубоко вздохнула перед тем, как ответить.

— Отвратительно, насколько сильно.

Я улыбнулся. Так широко и глупо, так, что, если бы увидел свое отражение, мне было бы стыдно. Но мне было все равно. Прямо сейчас все, что волновало меня, это необходимость сказать Ли то, что, я знал, было правдой, уже много дней. Даже недель.

— Я хочу тебя, Золотце. Я хочу больше того, что уже было между нами. Хочу быть с тобой каждый день и каждую ночь. И не по тому, что у нас невероятный секс, а потому, что хочу быть с тобой. Ничего не делать и делать все, что угодно. Не имеет значения что именно, пока я с тобой.

И я ненавижу скучать по тебе. Ненавижу смотреть «Друзей» без тебя, — я протяжно вздохнул. — Все становится лучше, когда я с тобой.

Я слышал, как она прочистила горло, скорее всего пораженная моим признанием.

— Какую серию ты смотришь? — спросила она дрогнувшим голосом; мои слова повлияли на нее.

Я засмеялся, даже не от того, что она не приняла мое признание. А потому, что ее голос уже выдал то, как это повлияло на нее. Так что, чтобы успокоить Ли, я ответил ей кратко и как можно лучше пародируя Росса Геллера.

— Точка опоры.

Она разразилась смехом. Так же, как и сердцебиение нашего ребенка, это было лучшее, что я слышал за весь день.

— Росс всегда был моим любимчиком, — ответила она.

— Знаю, — я прикрыл глаза рукой. — Я скучал по твоему смеху.

Это заставило ее замолчать, но я решил продолжить и рассказать обо всем, по чему еще я скучал.

— Я скучаю по твоей улыбке, по твоим колким комментариям, по тому, как ты закатываешь глаза каждый раз, когда Брайан открывает свой рот, — Ли все еще молчала, но я знал, что она улыбалась, даже, может быть, покусывая губы.

Мы перешли черту несколько месяцев назад. Но сейчас перед нами была другая черта. Та, что смогла бы привести нас к чему-то новому и совершенно другому. Мне хотелось бы, чтобы мы переступили через нее, и я думал, что первым это должен был сделать я.

— Когда я вернусь домой, — практически рычал я, давая обещание, — то собираюсь наверстать все упущенные дни, когда меня не было. Я собираюсь показать тебе, как сильно скучал по тебе. Собираюсь напоминать тебе снова и снова о том, как хорошо нам может быть.

— Тебе не нужно напоминать мне об этом, — сказала она. — Я это уже знаю.

Ли

Мои руки тряслись, пока я старалась удержаться на одних пальцах, но пот, стекающий по спине и шее, делал это практически невозможным. Мои плечи горели, кричали о том, чтобы сдаться, упасть, дать, наконец, моему телу передышку, о которой оно так молило.

И, более того, мне надо было пописать. Срочно.

— Теперь мы встанем в позу воина, — сказала наш инструктор, ее голос был спокойным и умиротворенным, как будто ей не надо было стараться балансировать, как и мне. Я встала в позу и пробежалась взглядом по комнате. Остальные десять женщин в классе с легкостью балансировали — руки вытянуты в стороны, абсолютно прямые, им было легко.

Я закрыла глаза и вспомнила, что не так давно у меня тоже не было проблем с этими позами. Мое тело было сильным, а ноги крепкие. И провести час, балансируя и вытягиваясь, для меня ничего не стоило. Но сегодня я была абсолютно вымотана, настолько, что это даже негуманно. Мое тело не слушалось так, как я привыкла, а мочевого пузыря был моим злейшим врагом.

К счастью, мы перешли к сидячей позиции, и это был знак, что урок скоро закончится. Глубокий вдох, который нам сказали сделать, только усилил мое желание пописать. Я была в аду.

— Намастэ, — сказала наш инструктор, опустив голову.

— Плевать, — промямлила я, мой голос потерялся среди других, повторяющих уважительное приветствие. Я начала скручивать свой коврик и собирать вещи, засовывая их в огромную сумку.

— Отличная сессия, — сказала Холли, сворачивая свой коврик рядом со мной.

— Где здесь туалет? — спросила я, оглядывая комнату.

— Дальше по коридору, я думаю, — кивнула она в нужную сторону.

Класс опустел, и я направилась к туалету. Я даже не закрыла по-нормальному дверь кабинки перед тем, как спустить свои штаны и сесть на корточки. Теперь я провожу много времени в поисках ближайшего туалета. И если такого не находится, я ухожу. Вот во что превратилась моя жизнь — быть уверенной, что я нахожусь в непосредственной близости к туалету на протяжении всего времени.

Когда я вернулась в студию, Холли разговаривала с нашим инструктором. Я подошла, надеясь, что она готова уйти, потому что умирала с голоду. Я быстро улыбнулась инструктору и повернулась к Холли.

— Готова?

Прежде чем она успела ответить, наш инструктор повернулась ко мне и, широко улыбаясь, вручила мне брошюру.

— Я просто хотела сказать Холли, что есть несколько классов, которые могли бы тебя заинтересовать. Они более подходящие для будущих матерей. Движения не требуют таких усилий, и ты не будешь так напрягаться. Они проходят практически каждый день! — сказала она, указывая на брошюру.

Я посмотрела на буклет. Женщина, которая выглядела так, будто вот-вот взорвется, сидела со скрещенными ногами и закрытыми глазами. Слова «Готовьтесь. Расслабьтесь. Дышите» были написаны наверху брошюры.

— Пока ты не поняла, но живот тебе действительно будет мешать выполнять некоторые упражнения, которые мы делаем в этом классе, — сказала она, смеясь.

Смеясь!

Надо мной и моим очевидно чересчур огромным животом.

Когда я не ответила, то увидела, что ее улыбка начала таять, пока совершенно не исчезла.

— Я просто предложила, — сказала она неловко и ушла.

Я смотрела, как она выходила из комнаты, и повернулась к Холли.

— Что, черт возьми, это было?

Холли поджала губы, пытаясь скрыть свой смех.

— Нет, серьезно, — сказала я. — Зачем она дала мне это?

Уголки губ Холли приподнялись, мое непонимание рассмешило ее.

— Потому что ты беременна.

— Я это знаю. Но как она узнала?

Я посмотрела на свой живот. Моя свободная майка для йоги едва ли что-то показывала! Я специально ее надела. Как она могла узнать? Когда я посмотрела на Холли, она тоже разглядывала мой живот.

— Что?

— Ты ничего не заметила?

— Заметила что? — нахмурилась я.

Еще одна улыбка коснулась губ Холли.

— Ну... это вроде как уже заметно.

Я несколько раз моргнула.

— Заметно?

— Ага, — кивнула она, показывая на мой живот. — У тебя уже видно живот.

Я еще раз посмотрела на свой живот, натягивая на него майку. Я смотрела на него с разных сторон, пыталась по-разному нагнуться. Да, я заметила кое-какие изменения сегодня утром, но думала, что мне показалось. У женщин не может появиться живот из ниоткуда. Он должен расти медленно, практически незаметно, если только ты не высматриваешь эти изменения. Так ведь?

Я подошла к зеркалам, которые составляли одну из стен студии, и встала перед ними. Я повернулась боком и посмотрела, пытаясь осознать то, что видела. Живот, задница и грудь. Изучая себя таким образом, мне стало очевидно, что двое из трех явно стали больше.

Холли подошла и встала рядом со мной, ее стройное тело выглядело как у модели по сравнению с моим.

— Черт.

Я думала, что у меня было больше времени, прежде чем этот ребенок заявит о себе. Больше времени перед тем, как сказать моему боссу.

— Ну, по крайней мере, твоя задница отлично выглядит, — сказала она, глядя на нее.

Я посмотрела на Холли.

— Давай, пошли, — сказала она, потом взяла меня за руку и вывела из комнаты. — Давай покормим этот живот.

* * *

Я сидела на своем стуле, проглатывая последний кусочек бельгийских вафель с клубникой и сливками. На тарелке не осталось ни крошки.

— По крайней мере, моя задница теперь будет пропорциональна телу, — сказала я,

облизывая пальцы.

Холли засмеялась, доедая свой омлет со шпинатом. Только шпинат. Обычно я ела такое на завтрак после йоги... ну перед тем, как стала есть за двоих. Натуральные яйца и овощи. Сегодня мне было наплевать, были ли мои вафли из морозилки, а сливки из консервных банок. Я смотрела, как она допивала свою большую чашку кофе с миндальным молоком. Я бы променяла все вафли в мире на один большой глоток кофе.

Я скучала по кофе. Я скучала по аромату, по вкусу, по тому, как красиво он окрашивается, когда я добавляла немного сливок. Но больше всего я скучала по тому, как действовал на меня кофе. Я могла раньше проработать до шестнадцати часов в день, надеясь только на кофе. Сейчас, без его помощи, уже к ланчу меня клонит в сон. А необходимость закрывать глаза через каждый час не могла появиться в более неподходящее время.

Дело Бейкера должно было вот-вот начаться, а часы, которые я проводила на работе, убивали меня. Кассандра ждала, что в короткое время будет сделано много всего. Исследования, дополнительные работы, наброски отчетов экспертов, предсудебные интервью, и список бескончаемым. Несколько месяцев назад это было бы моей мечтой. Теперь же каждый день на работе казался ночным кошмаром. Я была перегружена всем этим, я быстро выходила из строя, а взгляды, которые ловила на себе, когда то и дело бегала в туалет, меня смущали. Держу пари, они думали, что у меня какая-то болезнь. Это дело должно было быть моим большим прорывом на фирме, показать партнерам, что я могу ходить по воде в юриспруденции. Только я не могла ходить по воде, я тонула в ней.

И как будто специально, Холли спросила, как продвигается дело.

— Превосходно, — ответила я слишком поспешно. — Там много работы и подготовки, но ничего такого, с чем я не могла бы справиться.

Я нацепила улыбку на лицо, надеясь убедить в этом себя так же, как и Холли.

— Я могу помочь, — предложила она, поставив свою кружку на стол. — С исследованиями и набросками, — добавила она.

Я покачала головой, готовая сказать, что мне не нужна никакая помощь, но она продолжила.

— Ли, это моя работа, я могу помочь, — сказала она. Когда Холли наклонилась через стол и понизила голос, я поняла, что у меня не получалось хорошо скрывать то, насколько я устала. — Позволь мне помочь тебе, — настаивала она.

Я улыбнулась, но ее предложение только заставило меня чувствовать себя еще хуже. Потому что я слышала скрытый смысл за ее словами, хотя она и не сказала это вслух.

Это слишком для тебя.

— Я дам тебе знать, — сказала я, обещая подумать над ее предложением и пытаюсь сменить тему. — Когда последняя примерка?

Свадьба должна была быть всего-то через несколько месяцев и скоро ожидалась примерка платья.

— В следующем месяце, — сказала она, но в ответе слышалась заминка.

— Что?

Она выждала мгновение перед тем, как ответить, готовясь к тому, что собиралась сказать. Так обычно делают перед тем, как сообщить плохую новость.

— Что? — спросила я еще раз в нетерпении.

— Ну... — начала она медленно, — когда мы выбирали платья подружек невесты, ты еще не была беременна.

— И что?

— Платье выше колена, с открытой спиной и немного облегающее...

— Я знаю, как оно выглядело, — прервала я Холли. — Я была там.

Она неловко улыбнулась.

— Сейчас у тебя растёт живот и...

— И что?

Холли обрисовала руками круг. Она не сразу сказала это словами, и мне было тяжело понять, что она имела в виду. И, наконец, Холли сказала это — слова, которые ни одна женщина не захотела бы услышать.

— Не думаю, что ты влезешь в него.

У меня отвисла челюсть.

Я посмотрела на свой живот, пытаюсь представить, насколько больше он станет к самой свадьбе. Конечно же, он не будет настолько большим, что они не смогут подогнать платье? Если только она не думает, что все остальные части меня так же не влезут.

— Это все потому, что ты только что видела, как я съела три вафли? — смущенно спросила я.

Легкий смешок слетел с ее губ. Тот, который якобы говорил: «О, дорогуша, это не твоя вина, что ты толстая».

— Конечно нет, не будь смешной, — ее голос был слишком мягким, но я видела все по глазам. Она переживала, что на ее свадебных фотографиях я буду выглядеть, как кит.

— Ты беременная женщина, которую ненавидят все остальные беременные женщины. Просто живот, и ничего больше. Но... портниха не думает, что платье... — она выдержала секунду, подбирая правильные слова, — пойдет тебе. Она думает, что мы могли бы подобрать для тебя что-нибудь получше. Что-то, что хорошо будет смотреться с животиком.

Она сказала это все так сладко, что было практически невозможно не понять, к чему она клонила. Практически.

— Почему бы нам просто не запихнуть меня в мешок из-под картошки? — сказала я, широко улыбаясь, чувствуя, что это была незрелая реакция. Но мне было все равно. Этот день был абсолютно провальным. Каждая женщина мучается такими вот жирными днями. Днями, когда мы просыпаемся и не чувствуем себя на высоте. Но мы скрываемся за свободными блузками и тянущимися леггинсами. Иногда нам становится лучше от того, что мы весь день объедаемся фастфудом, потому что если уж мы и так толсты, то почему бы и нет? Но на самом деле самое замечательное в таких днях, это то, что никто вокруг не замечает, что у нас такие дни. Все воспринимают тебя, как и раньше, и обычно такое чувство проходит на следующий день. Сегодня моя горькая реальность заявила о себе. С сегодняшнего момента, это чувство, что я толстая, не пройдет ни на следующий день, ни через день. Оно будет продолжаться еще долго, и от этого только будет становиться еще хуже. Но что по-настоящему ужасно? Все вокруг не только замечали это, но уже и начали указывать тебе на это.

* * *

В офисе было хорошо и тихо. Только парочка новеньких стажеров работали за своими столами, стараясь добиться того же самого, что и я — продвинуться вперед, приходя на работу по воскресеньям. Они едва меня заметили, когда я вошла, все еще в моем костюме для йоги, с прикрывающей живот большой сумкой. Как только добралась до своего кабинета, я закрыла дверь и приступила к работе. Я включила свой ноутбук и поставила расслабляющую музыку, зная, что это поможет мне настроиться на нужный лад. Я загрузила кучу документов и

приступила к чтению, выделению нужной информации и поиску необходимых аргументов.

Поразительно, сколько работы ты можешь сделать, если тебя не прерывают и не отвлекают. Что еще больше удивительно, насколько продуктивной я могу быть, если не пытаюсь скрыть свою беременность от коллег.

Через пару часов я очутилась посередине своего кабинета, сидя на полу в окружении документов. Но все было рассортировано. Я точно знала, какую кучку документов мне надо было взять. Я должна была так работать каждый день. Я была так погружена в работу, что не услышала легкий стук в дверь и то, как она открылась. Я подняла взгляд только тогда, когда услышала покашливание.

— Кассандра... Миссис Фэйрфакс, — сказала я, неуклюже поднимаясь. — Я... я не ожидала увидеть вас здесь сегодня.

— Я услышала музыку... — но она не закончила мысль, что-то поразило ее, и она стояла молча, шокированная. Только потом до меня дошло, что ее разъяренный взгляд был направлен не на кучки документов, а на то, что в центре их. То, что не скрывал мой костюм для йоги. Взгляд Кассандры был прикован к моему животу.

Инстинктивно, я обхватила живот руками, как бы защищая его.

— Это... неожиданно, — сказала она ровно, закрывая за собой дверь. Я была поражена тем, насколько мне не понравился ее тон.

Я стояла, выпрямившись и распрямив плечи.

— Да, вы правы. Это было... неожиданно, — чувство, что я должна защитить моего ребенка, пронеслось сквозь меня быстрее и сильнее, чем когда-либо. — Я собиралась сказать вам и остальным в конце этой недели, — сказала я настолько уверенно, насколько могла. Даже несмотря на то, что лгала. Ведь я надеялась, что смогла бы скрывать это от них еще несколько недель.

— Ясно.

— Будьте уверены, я не собираюсь позволять этой беременности влиять на качество и количество работы, с которой могу справиться, — продолжала я лгать. — Следовательно, не думаю, что это будет проблемой, — мысленно я молилась, чтобы она не увидела, как дрожали мои ноги.

Ее взгляд блуждал по моему телу.

— Будем считать, что ты проинформировала нас об этой... ситуации, — сказала она, а затем развернулась, чтобы уйти.

И это все? Это все, что она могла сказать? Просто назвать меня ситуацией?

— Кассандра! — крикнула я ей. — Я имела в виду то, что сказала. Я не думаю, что это повлияет на мои способности или станет проблемой. У вас будет все мое внимание с делом Бейкера. Ничего не поменялось.

Она посмотрела на меня в течение нескольких секунд, прежде чем ее губы изогнулись в небольшой сомневающейся улыбке.

— Ли, — сказала она, бросая на меня сочувственный взгляд. — Ты умная девочка. Ты должна была это уже знать, — я удивленно моргнула. — Все теперь поменяется.

* * *

Самолет Шейна из Лос-Анджелеса приземлился некоторое время назад, и он написал мне,

чтобы я пришла к нему домой, как только смогу. После такого дня, секс — это было последнее, о чем я думала. В первый раз мне было некомфортно в своем теле. Я всегда была уверена в себе, но сейчас чувствовала себя, словно пришелец. Я не только стала увеличиваться в размерах, но это также причиняло проблемы весь день. И выражение лица Шейна, когда он увидел меня впервые за неделю, мне не помогло.

Я видела, как его улыбка с легкостью превратилась в удивление, брови приподнялись, а рот приоткрылся. И так же, как у всех остальных, его взгляд сразу же спустился мне на живот.

— Ну... — все, что вылетело из его рта. Как будто он загонял коров на пастбище.

Я прошмыгнула мимо него, сильно задев его плечом. Я слышала, как закрылась дверь, и Шейн поспешил за мной. Я резко повернулась, вскидывая руки и предупреждая, чтобы он не подходил ближе.

— Да. Я знаю, — сказала я раздраженно.

Шейн стоял смиренно, наклонив голову.

— Знаешь что?

— Это, — указала я на живот. — Я знаю, что он вырос.

Его небольшая ухмылка переросла в самодовольную улыбку. Будто он был горд собой.

— Да, — кивнул он. — Вырос, — он сделал еще несколько шагов вперед, подняв руки, чтобы дотронуться до живота. Я быстро отступила назад.

— Что ты собираешься делать? — резко спросила я.

Он остановился на полпути, с руками, замершими в воздухе.

— Я хотел прикоснуться к тебе, — медленно сказал он, проясняя свои намерения.

— Зачем?

— Что? — он слегка засмеялся.

Зачем он хотел прикоснуться ко мне? Он что, не видит того, что все остальные уже видят? Несколько недель назад я бы поняла такое притяжение. Но теперь-то?

— Что ты имеешь в виду зачем? Я не видел и не качался тебя целую неделю, а сейчас ты здесь и выглядишь так... — он замолчал, осматривая меня с ног до головы.

— Как? — спросила я слишком агрессивно, побуждая его прокомментировать мое тело. — Как я выгляжу?

Нежная улыбка промелькнула на его лице, и он сделал два неуверенных шага в мою сторону, двигаясь медленно, чтобы не испугать меня.

— Ты светишься, — сказал Шейн тихо.

Спустя еще один шаг, я почувствовала его руки на своем животе. Они были настолько большими, что пальцы гладили мои бедра.

— Абсолютно сияешь.

— Я не чувствую, что сияю, — сказала я, глядя в его глаза. Сегодня они были темно-зеленые, возможно, от усталости после поездки.

— Но ты на самом деле сияешь, — сказал он, улыбаясь.

— Нет, все, что ты видишь, это что я стала толстой. Это, возможно, от того, что я съела за весь день, — продолжила я. — И я не единственный человек, который видит это. Сегодня мне об этом сказали уже несколько человек. Они все думают, что я похожа на кита, — хорошо, может быть, эта часть была немного преувеличена.

— Что? — спросил он, в его голосе читалась злость. — Кто мог сказать такое?

Я покачала головой, мне не хотелось говорить об этом.

— Неважно. Я просто становлюсь все больше и больше. Больше и круглее. Скоро я своих ног не увижу. Моих собственных ног, Шейн!

Он запрокинул голову, и его плечи затряслись от смеха.

— Ох, Золотце, я так по тебе скучал, — сказал он, целуя мою шею.

Шейн взял меня за руку и подвел к дивану. Я чувствовала, как большим пальцем он гладил мои пальцы. Две недели назад такого прикосновения было бы достаточно, чтобы я захотела сорвать с него одежду. Но сегодня это прикосновение заставило меня почувствовать беспокойство и неуверенность. Как сказать человеку, с которым у тебя был секс в течение нескольких месяцев, что сейчас от одной мысли о сексе с ним тебя тошнит?

— Я сейчас не в настроении, — сказала я, высвобождая свою руку. — Извини.

Он нахмурил брови после моих слов и отстранился от меня.

— Подожди... что? — спросил он.

Я пожала плечами.

— Я просто не чувствую себя сексуальной прямо сейчас.

— Ты думаешь, я за этим тебя позвал? — спросил Шейн.

Я еще раз пожала плечами и услышала, как он издал раздраженный звук.

— Ух ты, — сказал он, отодвигаясь от меня.

Опираясь руками на бедра и переплетя пальцы, Шейн посмотрел прямо перед собой и сказал:

— Я думал, мы обговорили это.

— Это? — повторила я.

Он кивнул.

— Да. Это. По телефону, — он моргнул. — Я сказал тебе, что для меня это не только секс. Я думал, что был предельно ясен. Я сказал тебе, что это значило для меня. Во что я бы хотел, чтобы это переросло. Я думал... что ты чувствовала то же самое.

Он отвернулся от меня, слегка покачивая головой. Он вспоминал наш прежний разговор, думая, что, может быть, что-то неправильно понял.

Думал, что я чувствую то же самое?

Неужели он так плохо меня знал? Я думала о том, как пришла сюда, о предположении, которое сделала. После пяти лет, могла ли я так же недостаточно хорошо его знать?

Нет.

Мы хорошо знали друг друга. Достаточно, я была уверена в этом. И если и было что-то, в чем я была уверена — это был Шейн. Он мое постоянство. И сейчас он все еще сомневался в моих чувствах.

Я не хотела, чтобы он гадал. Я бы очень хотела стереть эти последние минуты и начать все сначала. Я бы хотела войти в эту дверь с радостной улыбкой от того, что увидела его спустя неделю разлуки. Я бы хотела, чтобы мы вернулись туда, где и когда мы разговаривали по телефону. В место, в которое он привел нас. В место, где после пяти лет обдумывания того, что могло бы быть между нами, где мы оба признали, что хотели попытаться. Я хотела принадлежать ему настолько, насколько хотела, чтобы он принадлежал мне.

Без предупреждения, я сделала то же самое, что сделала в ту первую ночь на заднем сидении такси. Я прильнула к нему, обхватила его лицо ладонями и прижалась к нему губами. Когда я целовала Шейна в ту ночь, я хотела удовлетворить свое любопытство. Когда я целовала его сейчас, в первый раз с той ночи, я удовлетворяла его любопытство. Отвечала ему моими губами, языком, дыханием.

Я думал, ты чувствуешь то же самое.

Да, Шейн, я чувствую то же самое.

Ли

Несмотря на то, что этот поцелуй удивил Шейна, и его губы едва шевелились, они подошли моим губам идеально. Я чувствовала, что должна была сказать что-то. Когда два человека так идеально подходят друг другу, что им не надо прикладывать к этому никаких усилий, они должны это признать. Когда два тела могут идеально заполнить друг друга и подстроиться друг под друга, должны ли они это признать? Когда каждый знает, что другой сделает через секунду, должно ли это быть чем-то особенным? Я должна была сказать что-то, но не могла. Потому что теперь его губы начали двигаться, забирая контроль над поцелуем, и это сделало меня не способной на разговоры.

Шейн обернул свою руку вокруг моей шеи и притянул меня к себе на колени, при этом наши губы не разъединились ни на секунду. Если уж на то пошло, они еще больше прижались друг к другу, будто мы хотели запечатлеть наши имена на губах. Мы прижались так тесно, что моя грудь упиралась в его тело. Он провел руками по моим бедрам, пальцами впился в кожу, оставляя следы через джинсы.

Он отстранился, пытаясь перевести дух. Я чувствовала, как щетина на его подбородке царапала мою щеку, и провела пальцами по его практически выбритой голове. Шейн притянул одну мою руку к губам, мягко целуя мои пальцы.

— Мы делаем это? — спросил он.

Я усмехнулась.

— Мы делали это уже несколько месяцев.

Я ожидала, что Шейн засмеется над моим ответом, но он даже не улыбнулся. Его лицо оставалось серьезным, и он переплел наши пальцы.

— Нет, Золотце, — начал он снова. — Мы делаем Это? Потому что я этого хочу. Но ты должна тоже этого хотеть.

Я освободила свои пальцы из его руки и обхватила его лицо ладонями. Когда Шейн повернул лицо, чтобы поцеловать мою руку, я знала, что тоже хотела этого. Может быть, я всегда этого хотела. Может быть, все, что с нами произошло, что подтолкнуло нас друг другу, было таким... предсказуемым.

— Я хочу этого, — сказала я ему.

Это были те единственные слова, которые Шейн хотел услышать, и он снова поцеловал меня. Ладонями обхватив мое лицо, он покусывал мои губы, а затем проводил по ним языком. Он оставлял дорожку из поцелуев, пока двигался по моим губам, и я чувствовала, как кружится моя голова. Мы целовались на протяжении секунд, минут, часов. Мы целовались за все те недели, когда желали друг друга, прикасались друг к другу, но ни разу не целовались. Наши губы должны были быть незнакомы друг другу, но этого не было. Наоборот, казалось, что они обрели друг друга заново. Воссоединение любовников спустя дни, недели, месяцы разлуки. Несколько месяцев мы были вместе физически, но потребовалась всего одна неделя разлуки, чтобы мы стали по-настоящему близки.

Технически это не первый наш поцелуй, но по важности он как раз первый. Этот поцелуй был обещанием, что мы готовы начать все с начала. Что все изменится и в то же время останется прежним. Что мы все те же Шейн и Ли, все еще лучшие друзья, но сегодня мы попытаемся стать чем-то большим. Чем-то другим. Стать всем друг для друга.

Шейн спустился губами к моей шее, целуя и посасывая каждый кусочек кожи, до которого

он дотрагивался.

Я почувствовала его горячее дыхание напротив моей кожи, когда он сказал между покусываниями:

— Я думал, ты была не в настроении.

— Так и было, — сказала я, тяжело дыша. — Но я беременна. Все меняется очень быстро.

Я почувствовала, как его тело затряслось подо мной, когда он мягко засмеялся.

— Я счастливчик, — сказал он, прежде чем вернуться к моей шее.

Я потянулась к его талии, стянув с него футболку через голову. Мне очень хотелось провести руками по его груди, почувствовать его соски под моими пальцами.

Он помог мне, вытянув руки вверх. Я отбросила футболку Шейна, посмотрела на его грудь и почти потерялась в том, какой теплой и мягкой ощущалась его кожа. Я хотела облизать каждую частичку этого тела.

Шейн потянул за низ моей футболки, и ко мне вернулось прежнее беспокойство. Неуверенность в том, как меняется мое тело — уже изменилось — с тех пор как он последний раз видел меня.

Он наполовину снял с меня футболку, когда я натянула ее обратно. Шейн вопросительно уставился на меня, и я покраснела от смущения. Я опустила голову, отказываясь смотреть на него, и сложила руки вместе между ног.

— Я... я выгляжу не так, как раньше. Я стала больше, чем была несколько недель назад.

Мое беспокойство было встречено тишиной, а я была слишком взвинчена, чтобы поднять взгляд. Но Шейн не предоставил мне выбора. Он взял пальцами меня за подбородок и приподнял мое лицо, заставляя посмотреть на него.

— Для меня ты самая сексуальная женщина в мире. Возможно, сейчас даже больше, чем когда-либо, — сказал он мягко.

Я пыталась покачать головой, не соглашаясь с ним, но он крепко держал меня за подбородок.

— Нет, Золотце. Я всегда знал, что ты была шикарной. Красивой. Сексуальной. В течение нескольких лет я думал, что каждый мужчина, который был с тобой, был счастливым сукиным сыном. Но сейчас все намного лучше. Потому что я вижу, как с твоим телом происходят удивительные вещи. И это заводит.

Я закатила глаза, не веря ему.

— Это так, — настаивал он. — Даже больше, потому что я приложил к этому руку. Почувствуй это, — сказал он и поместил мою руку на свою промежность. — Почувствуй, каким твердым ты меня делаешь. Почувствуй, что делает со мной твое тело.

Я обернула пальцы вокруг очевидной толщины, скрывающейся в его джинсах. Я слегка сжала ее и услышала резкий вздох, сорвавшийся с его губ.

— Ты делаешь это, — повторил он.

Чувствуя эту твердую часть его тела, слыша слова, видя страсть, отражающуюся в его глазах, ко мне вернулась уверенность, и я потянула футболку через голову. Самодовольная ухмылка появилась на губах Шейна, и часть меня хотела стереть с его лица эту ухмылку, но другая часть хотела наслаждаться ею всю оставшуюся жизнь.

— Хорошая девочка, — сказал он перед тем, как потянуться к застёжке лифчика.

— Подожди! — сказала я, когда пальцами он оттянул одну чашечку в сторону. — Брайан?

Одно дело позволить Шейну увидеть меня голую и беременную, но нет никаких шансов, что я позволю Брайану увидеть хоть что-то.

— Я отослал его на эту ночь, — сказал Шейн, целуя меня между грудей и расстегивая застёжку у меня на спине. Когда лифчик упал, по груди поползли мурашки, а соски стали еще

более твердыми.

— Твои соски... — начал Шейн.

— Я знаю, — прервала я. — Они огромные.

— Они красивые, — сказал он, игнорируя меня и беря один из них в рот. От бури чувств я запрокинула голову, мое дыхание участилось, а пальцами я впиалась в спину Шейна. Я слышала, как он застонал, когда переключил внимание к другому соску. Я не могла прекратить раскачиваться на его бедрах, мне необходимо было трение.

Шейн понял намек, потому что одной рукой потянулся к пуговице на моих штанах. Скользя пальцами по моим трусикам, он немного отстранился и с полуулыбкой смущенно посмотрел на меня.

— Твои штаны уже расстегнуты.

Я посмотрела вниз.

— Что?

Мы оба рассмеялись.

— Твои штаны. Они расстегнулись. «Молния» практически тоже.

Я опустила руку, чтобы потрогать. Пуговица и «молния» были расстегнуты, пальцами я коснулась его руки и ткани трусиков. Новая волна смущения окрасила мои щеки. Униженная, я закрыла глаза.

Я не могла смотреть на Шейна. Я же надевала свободные брюки, но они, должно быть, расстегнулись, когда мы начали все это.

Мои щеки пылали, а румянец на шее был только из-за унижения. Я закрыла глаза руками, прячась от его взгляда.

— Ох, Золотце, — сказал он тихо. — Что ты со мной делаешь...

Он обернул вокруг меня руки и поднял. Инстинктивно я обернула вокруг него ноги, чтобы не упасть. Шейн быстро пошел в спальню, направляясь прямо к кровати. Положив меня на нее, он подполз ко мне, опираясь на локти и колени.

— Мне нравится, что ты не можешь застегнуть свои штаны, ведь теперь я знаю, какого цвета на тебе трусики. — сказал он, просовывая пальцы под резинку. Когда он добрался до нужного места, то нагнулся и прошептал мне в ухо: — Потому что это сводит меня с ума. Каждый. Гребаный. День.

Пальцами он двигал по кругу, ограничиваясь тканью трусиков, которые все еще были на мне. Но это не имело значения, потому что через секунду я уже чувствовала, что была на грани. Шейн сомкнул губы на моем соске как раз в тот момент, когда я кончила от его пальцев.

— Боже! — выкрикнула я, пытаясь продлить свой оргазм столько, сколько смогу.

Шейн высвободил мой сосок и убрал руки. Сидя на пятках, он захватил край моих штанов и стянул их по моим ногам, захватив заодно и трусики. Он соскочил с кровати только для того, чтобы расстегнуть джинсы и снять их вместе с боксерами.

Шейн провел рукой по члену несколько раз, сфокусировав взгляд у меня между ног.

— Интересно, другая ли ты на вкус, когда беременна, — сказал он прерывистым голосом. — Следует ли мне выяснить это?

— Откуда тебе знать? Это будет первый раз, — ответила я, все еще тяжело дыша.

— Ох, я планирую попробовать и после беременности тоже, — сказал он, ухмыляясь и залезая обратно на кровать. — А ты представляла мое лицо там? — он прикусил кожу на моем бедре. Недостаточно сильно, чтобы было больно, но я знала, что останется след. — Ты думала о моем языке, — я чувствовала его палец в том же месте, где и ранее, — прямо здесь.

Я приподнялась на локтях и посмотрела на него.

— Если ты не прекратишь использовать свой язык для болтовни и не начнешь использовать

его для чего-то другого, я ударю тебя. И не буду переживать об этом, — серьезно предупредила я Шейна.

Уголки его губ приподнялись, и чувство настоящего удовлетворения промелькнуло на его лице. Опустив голову между моих ног, он прошептал:

— Такая сексуальная.

Я запрокинула голову ровно в тот момент, когда его язык коснулся моей чувствительной кожи. Жар окутал все мое тело, покалывающее ощущение страсти, желания и необходимости одновременно. Я смяла простыни над головой, и потянула их в противоположную сторону. Я слышала, как стонала имя Шейна снова и снова, чувствовала, как кусала нижнюю губу, чтобы не закричать. Второй оргазм нахлынул на меня так же быстро, как и первый. Шейн поднялся, облизывая губы и самоуверенно подмигивая мне.

В эту игру могут играть двое.

— Ложись, — скомандовала я.

Шейн удовлетворил меня, и я залезла на него сверху, прижимаясь к нему так, как мне было надо.

— Горд за себя? — спросила я.

Он слегка пожал плечами и самодовольно ответил:

— Немного.

— Да, ты и должен быть довольным, — сказала я. — И в ответ я собираюсь объездить тебя так круто, как никогда в твоей жизни.

Взяв член в руку, я направила его внутрь себя и стала выполнять обещание.

* * *

Я проснулась в кровати Шейна одна. Простыни были скомканы подо мной, но я была аккуратно укрыта его одеялом. Было темно, солнце давно уже село. Только тусклый свет просачивался через проем двери из гостиной. Я села, мне было интересно, как долго я уже спала. Будильник на прикроватной тумбочке показывал два часа ночи. Я оглядела комнату, пытаюсь найти что-то, что могла легко натянуть на свое голое тело. Для мужчины комната Шейна была довольно чистой и без одежды, валявшейся на полу и мебели. Я спрыгнула с кровати, заглянула в один из ящичков для одежды и нашла любимую футболку «Френки сказал, расслабься». Я натянула ее через голову и вышла в гостиную.

Доски пола были холодными, такими же, как и воздух. Шейн сидел за столом с камерой в руке и щелкал по снимкам на маленьком мониторе.

— Привет, — сказала я, немного напугав его. Но удивление на его лице быстро сменилось улыбкой.

— Привет, — ответил он. — Я пытался тебя не разбудить.

— Ты и не разбудил. Я часто просыпаюсь посреди ночи.

Я подошла ближе и села на диван, подтянув к груди ноги и натянув футболку на колени.

Шейн заметил, что на мне надето.

— Вижу, ты нашла, что надеть.

— Моя любимая, — сказала я ему, улыбаясь.

— И моя тоже, — он подмигнул мне. — Хотя я бы сказал, что без нее ты выглядишь лучше.

Я захихикала.

— Точно, — мой взгляд остановился на ноутбуке. — Над чем работаешь? Над снимками из Лос-Анджелеса?

Он повернулся к своему компьютеру и закрыл крышку.

— Ага.

Я прищурилась.

— Могу я посмотреть?

Шейн покачал головой.

— Ничего приличного.

— Это не правда. Есть причины, почему все хотят нанять тебя.

Он слегка рассмеялся.

— Возможно. Но я думаю, что сейчас передо мной модель гораздо лучше.

Он поднял камеру с колен и сфотографировал меня. Яркая вспышка моментально ослепила меня. Затем еще раз. И еще раз. Я закрыла глаза руками, пытаюсь скрыться от ярких вспышек света.

— Ладно, ладно. Все, достаточно. Ты же знаешь, я ненавижу фотографироваться, — пожурела я его.

Шейн опустил камеру и положил ее на стол.

— Нет, не ненавидишь, — ухмыльнулся он.

Он повернул свое кресло так, чтобы быть прямо передо мной, и я смогла полностью его рассмотреть. Без рубашки, только в одних светло-голубых свободных штанах, сидящих низко на бедрах — его тазовая кость виднелась как раз над поясом штанов.

Я встала и сексуально, насколько могла, чтобы не выглядеть глупо, подошла к нему и села на колени. Я обернула одну руку вокруг плеч Шейна, а он провел ладонью по моим голым ногам. Я начала поглаживать его пальцами. По бедрам, по тазовой кости, по небольшой полоске волос прямо над ней. Я захихикала, когда прижала ладонь к его животу.

— Мне нравится твой наряд, — сказала я.

Он посмотрел на мои пальцы, кружащие по его животу.

— Неужели?

— Да. Так же, как и все остальное у тебя. Откровенный и такой не скромный. Даже как в ту первую ночь, когда мы встретились. Ты помнишь? — спросила я его.

Шейн посмотрел на меня, искренняя улыбка появилась на его лице.

— Как будто это было вчера.

— Ты был таким самоуверенным, нахальным... — захихикала я.

— Это было до того, как я узнал, что мне придется бороться за твое внимание, — сказал он.

— Не знала я тогда, кого встретила. Кем ты будешь для меня.

Свободной рукой он погладил меня по волосам.

— Не знал я тогда, кем Ты станешь для меня, — сказал он, смотря мне в глаза.

Мы продолжали смотреть друг на друга, никто из нас не знал, что сказать или сделать. Удивительно, как наши отношения, которым уже несколько лет, могут ощущаться по-новому. Это отношения новых Ли и Шейна. Отношения, где есть ожидания и ответственность, и которые во многом зависят от того, насколько они будут успешными. У нас будет совершенно новый человек, чья жизнь будет зависеть от того, насколько наши отношения будут удачными... или провальными. И я не хочу облажаться. Не в этом.

— Я нервничаю, — призналась я ему. Я не стала объяснять, потому что Шейн и так знал, о чем я говорила. Он также понимал мои чувства. Но он не признал, что тоже боялся или нервничал. Напротив, он сказал то, что я хотела услышать.

— Не надо. Я буду о тебе заботиться. Обо всех нас. Всегда... — он немного наклонился,

чтобы губами накрыть мои губы, скрепляя обещание поцелуем. Я хотела верить, что этого было достаточно. Что его обещание — это все, что нам было нужно.

Я отстранилась; постоянное напоминание о беременности надавило на мой мочевой пузырь.

— Мне надо пописать, — сказала я.

Шейн улыбнулся, спуская меня с колен.

Я встала и пошла в ванную, но остановилась рядом с окном, из которого вдали виднелся океан. Луна была полной и оставляла серебряные блики на воде. Потянула занавески, чтобы лучше видеть. Я собиралась сказать Шейну, как красиво за окном, и что он должен подойти и посмотреть, когда услышала звук затвора, а за ним увидела вспышку света. Я повернулась в тот момент, когда Шейн опустил камеру.

— Я что сказала, — поругала я его.

— Я знаю, — ответил Шейн, закрывая объектив. — Но ты слишком красивая, чтобы не фотографировать тебя.

Шейн

За месяц могло измениться многое. И многое изменилось. Мы с Ли теперь стали парой. Я стал ее парнем, а она моей девушкой. Мы сделали такой шаг, чтобы перевести наши отношения на совершенно другой уровень. Мы больше не приятели, не лучшие друзья и не просто будущие родители. И хотя мы сделали этот шаг всего лишь несколько недель назад, мне казалось, что мы были на пути к этому уже очень давно. Медленно и незаметно, но сейчас для меня это было очевидно. Сейчас я замечал каждую деталь, которая имела отношение к Ли Кессел.

То, как реагировало мое тело на прикосновение ее руки, когда она проходила мимо. То, как ее аромат проникал в меня, когда я прижимался лицом к ее шее. То, как хотел претендовать на нее каждый раз, когда мои губы встречались с ее губами. То, как я хотел быть с ней, когда Ли была рядом, и еще больше хотел, когда она была вдали от меня. Мне всегда нравилось проводить с Ли время, но быть с ней — это совершенно новое ощущение, совершенно другое и более приятное. Когда Ли рядом со мной, мое сердце выпрыгивает из груди, и в то же время я дышу более спокойно.

Кажется, с ней происходило то же самое. Я видел это по тому, как она смотрела на меня, по тому, как улыбалась, по блеску в ее глазах, который предназначался только мне. Между нами была романтика. Не та, которая с цветами и свечами, а интимная, когда встречаются родственные души.

Все, что мы пытались раньше скрыть друг от друга, сейчас делили между собой. Слова, которые замалчивали раньше, теперь произносили вслух. Я прикасался к ней, когда только мог. Ли была права, когда сказала, что это только вопрос времени, когда она станет больше и круглее. Ей все еще было некомфортно, но и не то чтобы она стыдилась этого. Но для меня не было никого более красивой, чем она. Ни от кого у меня не захватывало дух так, как от нее. Она с трудом в это верила. Но я не мог ее винить в том, что она не могла контролировать то, что происходило с ее телом.

Пару дней назад мы лежали на моем диване, я массажировал ее ноги, и она едва могла держать глаза открытыми. Она только что провела четырнадцать часов в офисе, работая над этим проклятым делом. Я говорил ей, как мне не нравилось то, что она так много работает, думая, что Ли со мной согласится. Но она не согласилась. Вообще-то, она разозлилась и не сдержалась, выкладывая мне все причины. Что она была такой же трудоспособной, как и всегда, что быть усталой — это не значит быть слабой, и как это я осмелился намекать ей об этом. Просто упоминание о том, что она сейчас делает все медленнее, это как гулять по минному полю. И я бы ни за что не захотел пройти через это заново, поэтому оставил ее разбираться с этим самой.

Затем вчера. Мы только что закончили есть пиццу, и Ли стала подниматься, чтобы пойти в туалет. В этом не было ничего нового, но то, что произошло после... когда вставала, она пукнула. Громко.

Естественно, я подумал, что это было забавно. За все годы вместе, она ни разу не пукала передо мной. Я думал это весело. Но видел по ее лицу, что Ли не была согласна с этим. Она покраснела, как свекла, а глаза наполнились слезами. Я подумал, что это нелепо — расстраиваться из-за такого пустяка. Это естественная реакция организма. И я сказал ей об этом.

— Золотце, не расстраивайся, — я встал, обнимая ее за плечи. — Это было мило.

Она так ядовито посмотрела на меня, что я даже отступил.

— Это не мило, — выпалила Ли. Она отвернулась от меня, все еще смущаясь.

— Эй, — пытался я успокоить ее. — Не смущайся. Я всегда так делаю.

— И я думаю, что это отвратительно, когда ты так делаешь, — ответила она. Ли повернулась ко мне, и стыд сменился яростью. — Это все твоя вина. Это была твоя идея заказать пиццу. И это была твоя идея положить туда сосиски и бекон. И это ты заказал дополнительный сырный соус. Послушай меня, Шейн. И послушай меня внимательно. Мы больше никогда не будем есть пиццу. Никогда.

Ли громко протопала и закрылась в ванной на двадцать минут. Возможно, она чувствовала, что теряет контроль над своим телом, но для меня становилось все яснее и яснее, что это она и ее тело брали контроль надо мной.

— Итак, делишки парня и девушки... — сказал Брайан, садясь на противоположную сторону дивана. — Ну и как это?

Улыбка на моем лице говорила сама за себя. Эта счастливая, самодовольная улыбка, которая кричала, что ничего нет лучше, чем это.

Брайан закатил глаза.

Это первый вечер за некоторое время, когда мы вдвоем смогли просто посидеть вместе, выпить пива и позависать. Было приятно отдохнуть и посмотреть игру. Наше расписание было таким, что мы могли видаться только вскользь. После моей поездки в Лос-Анджелес, я проводил практически все свое время с Ли, а он, в свою очередь, сходил и расходился с Кендалл. Так было до прошлого вечера, когда он вернулся домой, бросил мне свой телефон и умолял удалить ее номер. Так что не имея Кендалл на горизонте, по крайней мере, на этот вечер, и Ли работала допоздна, у нас обоих не было никаких планов, кроме как остаться дома и посмотреть игру.

Через минуту опять донесся голос Брайана.

— Ну, так как это? — спросил он с любопытством.

Я взглянул на него, на мгновение отвлекаясь от телевизора.

— Что как?

— Ну, все это, ваши отношения. Быть парой. Как это?

Он знал, как это было. Брайан же видел меня дома и слышал, как менялся мой голос, когда я говорил про нее.

— Это чертова фантастика.

— Чертов подкаблучник, — сказал он, отпивая пиво.

— Возможно, — согласился я.

— Надеюсь, ей сейчас лучше, чем было, когда я видел ее в последний раз, — добавил Брайан, возвращаясь к игре.

Я взорвался от смеха. Последний раз, когда Брайан видел Ли, мы сидели и смотрели телевизор, и он имел неосторожность прокомментировать ее волосы.

— Я думал, ты блондинка, — сказал он, когда посмотрел на ее макушку.

— Что? — спросила Ли, повернувшись к нему.

— Твои волосы, — он кивнул в ее сторону. — Я думал, ты говорила, что ты блондинка, но у тебя макушка довольно темная.

Он сказал это так обыденно, не подумав дважды, перед тем как сказать. Не заметив раздражения, которое вызвало его замечание. И все было бы ничего, если бы он на этом и остановился. Но нет. Вместо этого он всю ночь обзывал ее корнями, пока ей это не надоело. Она поднялась и встала перед ним.

— Ты думаешь, что это смешно? Корни? Очень оригинально, Брайан. Я пытаюсь вырастить человека внутри себя, а затем ты открываешь свой рот. Может быть, тебе стоит почитать о том, как вредны химикаты во время беременности, — выпалила она ему в лицо.

— Ух ты, — отпрянул Брайан, поднимая руки в качестве защиты. — Да это же была просто шутка. Остынь.

— Остыть? — повторила Ли. Она отступила и, сжав руки в кулаки, вышла из комнаты. Типичный Росс Геллер.

Наклонившись ко мне, Брайан прошептал.

— Что, черт возьми, — он стукнул кулаками друг о друга, — это значит?

Я просто засмеялся.

— Ты не хочешь этого знать.

— Она что, всегда такая? — исподтишка наблюдая за Ли, пока она ходила на нашей кухне, спросил он.

— Гормоны — жуткая вещь, — сказал я Брайану. — Ты только что научился, как деликатно нужно с ней обращаться.

— Оставляю это тебе, — сказал он. — Интересно, все беременные такие?

— Эй, для нее это тоже не просто, — тут же начал я защищать Ли. — То, что происходит внутри нее, мы никогда не поймем.

Брайан еще раз осторожно посмотрел в сторону кухни.

— Мне нужно извиниться?

Я прислонился к спинке дивана.

— Она скоро это забудет. Ее память немного... поизносилась в последнее время, — я наблюдал, как Ли бродит по кухне, открывая и закрывая ящики. Я наклонился ближе к Брайану. — На днях она вышла из ванной и забыла застегнуть штаны.

Брайан прыснул от смеха.

— Серьезно?

Я кивнул, тоже смеясь.

— Ага. Они называют это «мозги мамочки» или что-то типа того.

— Черт, — сказал он, все еще широко улыбаясь. — Если облажаться, то только сейчас. Она даже этого не вспомнит.

Громкий смех Брайана над рекламой прервал стук в дверь, и это вернуло меня назад в реальность. Открыв дверь, я удивился, увидев человека, стоявшего там.

— Мама, — сказал я, приглашая ее войти. — Что ты делаешь здесь?

Она прошла мимо меня, попутно целуя в щеку.

— Привет, дорогой, — сказала она, прежде чем поздороваться с Брайаном. — Привет, Брайан.

Брайан встал и подошел к моей маме.

— Миссис Карлайл, какой приятный сюрприз, — сказал он. Подойдя поближе, он посмотрел на нее сверху вниз и улыбнулся. — Такая же красивая, как я помню.

Теперь я закатил глаза.

— Достаточно, — сказал я, отталкивая его от нее. Мама была одета в светлые брюки и подходящую блузку. С ушей свисали небольшие золотые сережки, а волосы были стянуты в низкий хвост. — Это сюрприз, — сказал я, закрывая дверь.

— А не должен быть. Я говорила тебе, что буду в городе сегодня, чтобы подготовить все для малыша Ли. Я думала, мы могли бы обговорить детали.

Я услышал, как закашлялся Брайан.

— Я думаю, это отличная идея, — сказал он, улыбаясь. — Почему бы мне не уйти, а вам двоим не обсудить это. Ненавижу встречать.

Брайан поцеловал мою маму в щеку и направился к двери, затем обернулся ко мне.

— Шейн, если понадобится, я буду в баре смотреть игру, — подмигнул он мне.

Я показал ему средний палец, пока мама не видела.

Как только Брайан вышел, мама прошлась по комнате, медленно изучая обстановку.

— Я очень ценю, что ты делаешь для Ли, но не знаю, как могу помочь, — сказал я, садясь рядом с кухонным столом.

Я продолжал смотреть, как она прошла через холл мимо моей и комнаты Брайана, затем вернулась в гостиную и прищурилась.

— Ладно, мама. Что происходит?

Она повернулась ко мне, сверля взглядом.

— Я просто немного удивлена, что вещи Брайана все еще здесь, — сказала она.

Я нахмурил брови.

— Почему? Он живет здесь.

— Да, вижу, но я думала, что он уже съедет к этому моменту.

— Съедет? — спросил я удивленно.

Она ошеломленно посмотрела на меня.

— Да, Шейн, съедет. Ты скоро станешь отцом. Где, ты думаешь, будет спать мой внук?

Я открыл рот, готовый успокоить ее, только вдруг осознавая, что понятия не имел как. Мы не обсуждали это еще с Ли, что сейчас для меня казалось сумасшествием.

Как мы могли не обсудить это? Где будет ребенок спать? Где будет спать Ли? Неужели она будет разрываться между двумя квартирами? Это же будет так сложно.

— Шейн, чем, черт возьми, вы с Ли занимались все это время?

Воспоминания о том, как мы занимались сексом, смотрели фильмы, обнявшись под одеялом на кровати, или заказывали еду на вынос, пронеслись у меня в голове. Мы не занимались ничем, кроме как пытались освоиться в наших новых отношениях.

— Я заказала колыбельку, ее доставят сюда через несколько недель, потому что я думала, что вы с Ли все спланировали. Очевидно, я ошибалась. Ты хоть представляешь, сколько всего необходимо ребенку? И это не только подгузники и бутылочки, — наседала мама. — Дорогой, вся твоя жизнь изменится, а ты не делаешь ничего, чтобы подготовиться.

Беспокойство в ее голосе посеяло панику во мне.

— Я...

Я осмотрел комнату. Здесь было все, что нужно для жизни двух взрослых мужчин. Один диван, одно кресло, один большой плоский телевизор. В холодильнике, как правило, одна просрочка. Китайская еда и пиво. Ничего в этом доме не говорило «Добро пожаловать домой, малыш». Мне было интересно, а Ли об этом думала? Был ли у нее план, о котором я не знал? Насколько она сама была готова к появлению ребенка? Мама видела, как все эти вопросы отразились на моем лице, и с сожалением покачала головой.

— Ты права, — сказал я, соглашаясь. — Мы с ней должны начать все это продумывать.

Мама подошла ко мне и положила одну руку мне на щеку. Такой нежный, ободряющий жест, как может сделать только мама.

— Да, вы должны.

Она убрала руку и села на одну из барных табуреток рядом со мной.

— Ты думал уже о том, что сказал твой отец? О том, чтобы работать на него?

Я поник и покачал головой.

— Я думал, что ты была на моей стороне, — сказал я, слыша обвинение в своем голосе.

Мама наклонила голову, давая мне понять, что ей не нравился мой тон.

— Шейн, я всегда была и буду на твоей стороне. Так же, как и твой отец, веришь ты или нет. Он рассказал мне, что предложил тебе, и как ты... отреагировал.

— Я все еще стою на своем, — ответил я.

Она продолжила.

— Еще он рассказал, как предупреждал тебя, что ты не захочешь быть вдали от своей семьи так же часто, как сейчас. Так, как это требует твоя работа. Когда ребенок родится, ничто не будет иметь такое значение, как быть рядом с ним или с ней, — она уставилась на меня. — Ты так похож на своего отца.

Я фыркнул.

— Это правда, Шейн. И ты это увидишь, когда родится ребенок. Я помню первые несколько недель, после того, как ты родился. До этого я не думала, что что-то может удержать его от офиса, но мне приходилось буквально выпихивать его за дверь, чтобы заставить идти на работу. Он не хотел оставлять тебя. Отец был уверен, что пропустит что-то из того, что ты сделаешь впервые. Ты едва ли мог делать что-то, кроме как плакать и спать, а он уже боялся пропустить твои первые шаги. Я говорила ему что все, что он может пропустить, это будет сон или смена подгузников, — небольшая улыбка тронула ее губы. — И даже тогда мне приходилось выталкивать его.

Мне так захотелось увидеть, как мой отец склонялся надо мной. Я с детства не чувствовал подобного.

— Ты только подожди, Шейн, — сказала она, обещая. — Однажды ты поймешь.

Я ничего не сказал, мама слишком много предоставила мне для размышления. Она встала и взяла свою сумочку, вручая мне одно приглашение на вечеринку по случаю ребенка Ли. В нейтральных тонах с коротеньким, но милым стишком о будущем ребенке, аккуратно вытесненным на карточке.

— Ну, я ожидаю, что ты появишься к концу вечеринки. Поздороваешься и поблагодаришь всех за то, что пришли, — сказала она и направилась к двери. — И не забудь принести Ли букет цветов, — добавила мама.

— Мне что, нужно принести цветы? — спросил я, вставая.

Мама повернулась, держа дверь открытой.

— Дорогой, она носит твоего ребенка. Конечно, ты должен принести цветы, — она оглядела квартиру еще раз и указала пальцем на меня и на комнаты. — Обдумай это все, Шейн, — сказала мама, прежде чем послать мне поцелуй и уйти.

Как только остался один, я сел на табуретку и еще раз огляделся. Очевидно, что нам с Ли нужен план. Идея о том, каким мы хотим видеть наше будущее за пределами спальни.

Остаток вечера я провел, составляя список того, что нам нужно обсудить. Где будет спать ребенок? Должны ли мы съехаться? Планирует ли она уходить в декрет? Что она думает об имени Максимус, в честь гладиатора? Я все это записал, чтобы ничего не забыть, и почувствовал себя лучше, планируя такие вещи.

Позднее вечером, когда Ли ворвалась в квартиру, я был готов начать обсуждение некоторых пунктов из списка, но она проигнорировала листок бумаги, выхватив его у меня из рук и отбрасывая на стол.

— Что бы это ни было, это может подождать, — сказала она.

— Но... — начал я, зная, что обсуждение всего этого — это очень важно.

— Шшш! — зашептала Ли, вставая прямо передо мной. Она взяла мою руку и прижала к своему животу на несколько секунд.

— Что ты... — начал я, но она цыкнула на меня снова.

— Просто подожди, — тихо ответила Ли.

И вдруг я почувствовал это. Причину, почему она ворвалась сюда, причину, почему отбросила список. Движение легким, будто щелчок пальцами. Практически неосязаемым, но таким реальным. Толчок. Мягкие толчки следовали один за другим.

— Ух ты... — сказал я ошеломленно. — Ты это чувствуешь?

Она засмеялась над моим глупым вопросом.

— Да, я все чувствую.

— А ты чувствовала их до этого? — я положил вторую руку ей на живот, практически покрывая половину его.

— Я чувствовала что-то до этого, но думала, что это было просто пищеварение, — засмеялась Ли. — Но эти... сильные. Эти другие.

— Он сильный, — сказал я все еще под впечатлением.

— Он?

Я кивнул.

— Да, у меня предчувствие. Это мальчик.

Она закачала головой и засмеялась.

— А я думаю, ты ошибаешься.

Девочка? Она думала, это девочка?

Нет. Это мальчик. Я знал это.

— Я так не думаю. Думаю, что здесь будет мальчик, — сказал я и почувствовал еще один толчок. — Видишь, он согласился.

— Или она дает тебе понять, что тебя ждет сюрприз.

— Увидим, — сказал я, ухмыляясь.

Остаток вечера мы провели в ожидании следующих толчков. Больше ничего не делая. Особенно ничего из того списка, что я подготовил несколько часов назад.

Шейн

Я открыл дверь машины и предложил руку Ли, чтобы помочь ей забраться в джип. Она проигнорировала меня, слишком злая и разочарованная, чтобы заметить мою помощь. Я закрыл за ней дверь и перевел дух, прежде чем обойти машину. Еще раз посмотрел на нее, но опять натолкнулся на тишину. Ли так и не произнесла ни слова с тех пор, как мы вышли из кабинета врача.

Но день был таким не с самого начала. Утро было наполнено приятным волнением и улыбками на ее лице. Мы собирались на еще одно УЗИ, и теперь я мог пойти вместе с ней. Теперь мы вместе планировали узнать пол ребенка. Ли была так взволнована, что даже не жаловалась по поводу переполненного мочевого пузыря и из-за опоздания врача почти на полчаса. Она даже не дернулась, когда медсестра сообщила ее текущий вес. Все шло по плану. В кабинете доктор измеряла ее живот и какие-то еще показатели. Пока я смотрел в другую сторону, она измерила еще давление. Затем нам сказали, что мы можем идти.

— Подождите, — сказала Ли, садясь на кушетку. — А мое УЗИ?

— Причин для беспокойства нет, поэтому нет необходимости в этом, — сказала доктор Сай, не поднимая глаз.

— Но, — опять начала Ли, уставившись на пустой монитор ультразвуковой машины. — Я выпила литр воды, — раздражение в ее голосе читалось очень явно. — Я уже час, как хочу в туалет.

Она посмотрела в мою сторону, ища поддержки, умоляя меня сделать что-нибудь.

— Мы с Ли надеялись узнать пол ребенка сегодня, — объяснил я.

Доктор посмотрела на Ли с непониманием и пролиставла ее карточку.

— Здесь сказано, что вы не хотели знать пол, — доктор смотрела то на Ли, то на меня.

— Это было до этого, — резко оборвала ее Ли. — А сейчас мы хотим знать.

Ли уже не спрашивала. Она ставила врача в известность, что мы пришли сюда с твердым намерением, узнать кто у нас, мальчик или девочка.

— Ли, мне жаль, — сказала доктор. — Но пока не увидим медицинские показания для УЗИ, мы не назначаем его чаще, чем положено.

Лицо Ли сразу осунулось от разочарования. Я никогда не думал, что чье-то разочарование так может на меня подействовать.

— Может быть, это записано в карточке где-нибудь после прошлого УЗИ? — попытался я, и Ли тут же засветилась в надежде.

Я так хотел быть ее героем, прямо там и в то самое время.

Но мои надежды были разрушены, когда доктор покачала головой.

— Мне жаль. Но, когда Ли сказала, что не хочет знать пол ребенка, это было записано.

Ли метнула на меня взгляд. Я практически мог слышать мысли, которые проносились в ее симпатичной и разозленной голове.

Это твоя вина. Почему тебя не было здесь в прошлый раз?

— Пожалуйста, — попытался я еще раз. — Я заплачу прямо сейчас. Она... мы действительно хотели бы узнать.

Доктор Сай посмотрела на нас еще раз, а затем согласилась. Она погасила свет и проинструктировала Ли раздеться. Головка, две ручки, две ножки, все было довольно различимо в этот раз.

— Похоже, у него есть все конечности. Это хорошо, — улыбнулся я Ли.

Ли засмеялась.

— Скажите ему, что это девочка.

Доктор Сай подвинула курсор еще раз, пытаясь найти ответ. И мы получили его. Только совсем не тот, что ожидали.

— Ребенок прячется, — грустно сказала она.

Эти слова и привели меня в ситуацию, в которой я находился сейчас. Когда Ли была расстроена и зла на меня, снова.

Я завел двигатель и выехал с парковки. Предполагалось, что это будет день празднования. День, когда мы узнаем пол ребенка, а затем мальчишник и девичник Эдди и Холли. Только теперь мы не знаем пол ребенка и, очевидно, в этом винят меня. Чувство предвкушения сегодняшнего вечера быстро сменилось чувством, что это было последнее, что я хотел бы сделать. Ли тоже была не в настроении идти на вечеринку.

— Посмотри на это с другой стороны, — начал я. — У нас не очень много сюрпризов в жизни. Может быть, это и хорошо, — начал спорить я. Когда она не ответила, я продолжил, пытаясь найти что-то положительное в этом. — Я даже рад, что так случилось. Теперь у нас есть еще один стимул тужиться.

Это привлекло ее внимание. Ли мгновенно повернула голову в мою сторону и уставилась на меня.

— У нас? — это звучало так, словно она задавала вопрос, но выражение ее лица говорило, что нет. — Мы не будем тужиться, Шейн. Только я. Это я буду тужиться. Это я буду рожать. Все это буду делать я.

После этого мне пришлось держать свой рот на замке весь оставшийся путь до дома.

Еще до нашего похода к врачу, Ли принесла домой все, что было необходимо для вечера. Мы предполагали, что у нас будет новость, которой мы сможем поделиться с друзьями. Но, когда мы зашли в квартиру, она прошла в ванную комнату и захлопнула дверь — явный знак для меня не следовать за ней.

Я бросил ключи на стол и взял пиво из холодильника. Из спальни вышел Брайан, после того как услышал, что хлопнула дверь моей комнаты. Он прошел мимо меня и взял пиво себе.

— Уже начал? — спросил он, поднимая свое пиво.

— Долгий день, — промямлил я.

Он отхлебнул из бутылки и приподнял брови, тут же вспомнив, где я был.

— Черт, — сказал он, уставившись на меня. — Ну, — спросил Брайан с улыбкой. — Мальчик или девочка?

— Ни то, ни другое.

Он нахмурился.

— Мы не узнали, — пояснил я. — Долго рассказывать.

— А вкратце?

Я посмотрел в сторону своей комнаты.

— Ли злится.

Брайан кивнул, не удивившись.

— А ты?

Я вздохнул, чувствуя, как меня покидает часть напряжения. Я был так поглощен разочарованием Ли, что даже не понял, что чувствую сам.

— Есть немного. Я полагаю.

— Эй, нет ничего нет в хорошем сюрпризе, — сказал он.

— Да, — согласился я, выдыхая.

Брайан толкнул меня в плечо.

— Знаешь что поможет? — спросил он, ухмыляясь.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Стриптиз и виски.

Я засмеялся, молча отдавая должное способностям Брайана посмеяться над моей ситуацией. Да, сегодняшней день не проходил так, как мы планировали, но это не конец света. И все еще есть повод для праздника. Сегодняшний вечер будет вечером Холли и Эдди. По задумке, мы должны были начать вечер с совместного ужина, а затем разойтись по своим группам. Я понятия не имел, что запланировали девчонки, но Брайан приложил руку к планированию нашей вечеринки. И я знал, что она включает в себя алкоголь и голых танцующих девчонок. Возможно, именно такая вечеринка нам и была необходима. Ли могла бы повеселиться после такого дня, который у нас был. Уверен, что она думала точно также. Я собирался поговорить с ней и заставить забыть о сегодняшнем дне. Мы обязательно поговорим, как только она откроет дверь.

* * *

Двумя часами позже я работал за своим столом, редактируя некоторые снимки, когда услышал, как открылась дверь моей комнаты. Я не был уверен, нужно ли мне поднимать свой взгляд, независимо от того, изменилось ли ее настроение или нет, но, как и обычно, когда Ли была рядом, я не мог не смотреть на нее. И когда я встретился с ней взглядом, мое сердце остановилось.

В черном платье без рукавов, которое струилось по ее телу, она вошла в гостиную, будто шла по подиуму. Платье подчеркивало каждый сладкий и прекрасный изгиб ее тела. Ее длинные волосы спадали свободными локонами по превосходной груди. Я никогда еще не видел такой красоты в своей жизни. Ее длинные загорелые ноги выглядели еще длиннее на каблуках, добавляя бесконечные сантиметры к росту. Загорелые руки были в золотых украшениях, а на пальцах обеих рук надеты массивные кольца.

— Ух ты, — все, что я смог произнести.

Выражение ее лица говорило мне, что, наконец-то, я сказал что-то правильное.

— Это новое платье? — спросил я.

Она кивнула.

— Спасибо, Господи, за спандекс, — ответила Ли.

Я все еще был под впечатлением, пока смотрел, как она подходила ближе, покачивая бедрами с каждым шагом. Чем ближе она подходила, тем сильнее сходили с ума мои остальные чувства. От легкого запаха ее увлажняющего лосьона, который я знал слишком хорошо, мне хотелось прижаться лицом к ее шее, от того, как сияла ее кожа, мне хотелось прикоснуться к ней, а мягкий розовый блеск губ манил попробовать ее на вкус.

Я много раз видел, как Ли одевалась для вечеринки. Но сегодня все было по-другому. Сегодня я не просто заметил, как невероятно она выглядела. Сегодня я был тем счастливчиком, с которым она пойдет на эту самую вечеринку. Сегодня все узнают, что эта девчонка моя.

— Выглядишь сексуально, — сказал Брайан, прерывая момент. Он сделал несколько шагов и встал напротив Ли, осматривая ее с ног до головы. — Черт меня дерит, даже с этим баскетбольным мячом вместо живота, — добавил он, ухмыляясь.

И вместо того, чтобы толкнуть его, как я ожидал, Ли улыбнулась.

— От тебя я приму это, как комплимент.

— Так и задумывалось, — подмигнул Брайан.

А затем она засмеялась.

Засмеялась! С Брайаном!

Она едва выносила его комментарии о беременности, а сейчас он заставил ее смеяться? Улыбаться? Без предупреждения, совершенно чуждое мне ощущение появилось где-то в животе. Это чувство разъедало меня и сжигало изнутри, отчего я весь напрягся и сжал ладони в кулаки. Я попытался сделать глубокий вдох, ведь знал, что это нелепо ревновать к Брайану, но моя ревность не поддавалась логике.

— А тебе разве не надо собираться? — спросил я сквозь стиснутые зубы. Брайан кивнул и ухмыльнулся, услышав угрожающий тон в моем голосе.

— Да, надо, — сказал он и отправился переодеваться. — Сиськи, я уже в пути!

Мы оба смотрели, как он направился в свою комнату, затем Ли повернулась ко мне и приподняла брови.

— Сиськи?

Я сжал губы, изображая безразличие.

— Понятия не имею, о чем он говорил.

— Конечно, — ответила она. Ли сделала еще несколько шагов, и фотографии на моем компьютере привлекли ее внимание. Снимки, которые я редактировал в последние несколько часов. Они были из студии в Майами, которые я делал для одного дизайнера нижнего белья. — Это ты снимал на прошлой неделе?

В ее голосе чувствовалась резкость. Посмотрев на экран, я понял почему. Кадр за кадром там были модели в крохотном белье, кружевных трусиках и прозрачных лифчиках. Ли наклонилась и, используя мышку, прокрутила вниз, чтобы посмотреть больше снимков.

— Похоже, полный набор...

Мне не понравилась обеспокоенность в ее голосе. Неужели она думала, что хоть одна из этих женщин могла сравниться с ней? Неужели не видела, как я реагирую на нее? Мои неандертальские рефлексии по отношению к Брайану?

— Вот эта, — начала она, — моя любимая.

Я посмотрел на фотографию. Модель расположилась на кровати, а простынь специально лежала так, чтобы открывать половину ее обнаженного тела. Казалось, будто она только что проснулась и при этом выглядела безупречно в шелковом нижнем белье.

— Твой клиент серьезно думает, — спросила Ли, — что комфортно спать в кружевах? Если он действительно хотел, чтобы это выглядело реалистично, ты должен был снять ее так, как женщина по-настоящему выглядит после сна в таком белье, как это. Одна лямка сползла с плеча, одна грудь вывалилась из лифчика. А надпись должна гласить «*Переживет все ваши вращения в постели*».

Засмеявшись, я почувствовал облегчение, что она снова со мной заговорила, а затем еще раз посмотрел на фотографию.

— Я передам твою мысль, — сказал я Ли и обвил рукой ее за талию.

Ли не отводила взгляда от экрана.

— Она очень симпатичная, — тихо прошептала она.

Я посмотрел вверх, сосредоточиваясь только на ней.

— Я не заметил, — ответил я ей. И я не лгал. В течение нескольких месяцев Ли была единственной девушкой, которую я замечал.

— Конечно, — сказала она, закатив глаза.

Я встал и сократил свободное пространство между нами. Аккуратно, чтобы не растрепать волосы и не испортить макияж, я положил ладонь на ее щеку и заставил посмотреть на меня.

— Это правда, — сказал я ей. — Моя камера могла видеть ее, видеть всех их, но мои глаза? Они видят только тебя.

Ли с трудом сглотнула, она всматривалась в мое лицо, размышляя, верить мне или нет. Я ненавидел то, что она сомневалась. Она вся была в сомнениях. Поэтому я поцеловал ее. Медленно, аккуратно, но со всей страстью, которую мог подарить мой поцелуй. Я целовал Ли так, чтобы она поняла, что она моя, а я принадлежал ей. Когда я услышал стон и почувствовал, что Ли обхватила мои руки, я поверил, что смог справиться с ее сомнениями.

Было невероятно трудно оторваться от нее, но я сделал это.

— Мне нужно принять душ, — прошептал я ей на ухо, прежде чем уйти.

Спустя несколько шагов, я услышал ее шепот:

— Хорошо.

Я улыбнулся про себя, ведь знал, что, наконец, она все поняла.

* * *

Час спустя мы все сидели в «Прайм 112 Стейкхаус». Свет был приглушен, но был комфортный баланс от белых кожаных стульев и штор, обрамляющих окна. Кирпичи цвета слоновой кости и деревянный потолок открывали пространство, и это было хорошо, так как ресторанчик был небольшим. Стеклянные стеллажи для вина возвышались у стены и подсвечивались изнутри. Стулья вокруг бара были полны людей, ожидавших столик. Нас же, напротив, проводили в маленькую комнатку рядом с задней стеной ресторана, специально подготовленную для нашей вечеринки на двадцать человек. На окнах были темные шторы, которые закрывали нас от наблюдателей снаружи. Комната была элегантной и уединенной, как раз, чтобы разместить нас и никого больше.

В середине комнаты стоял большой стол из темного дерева, сервированный и ожидающий заказанную еду. В середине стола сидели почетные гости. Остальные расселись то тут, то там, попивая вино или что-то покрепче.

Здесь был интересный микс людей. Ребята с работы Эдди, несколько парней из нашего колледжа. Некоторые были с девушками. Здесь была сестра Холли, друзья из ее колледжа и с работы. Было порядочное количество людей, которых я хотел увидеть, но так как один человек монополизировал мое внимание, я едва обмолвился с ними словами. А она даже не подозревала, что делала это со мной.

Мы с Ли не сидели рядом за столом. Наоборот, мы сидели друг напротив друга. С этого места я легко видел, как она заправляла волосы за уши или как запрокидывала голову, когда смеялась над чем-то, что говорила сестра Холли. Я мог видеть, как светились ее глаза, улыбка становилась все шире, а щеки розовели. Я пытался сконцентрироваться на том, что говорил Нейт, друг Эдди из городка, где он вырос, но мое внимание каждый раз возвращалось к Ли. Мне нравилось слышать ее смех или видеть выражение восторга на ее лице, когда кто-то спрашивал о ребенке. И я не мог не ухмыляться каждый раз, когда кто-то удивлялся ее сроку. Клянусь, любимой фразой Ли в тот вечер была: «Но ты такая крошечная!».

И только после того, как коктейли и еда была принесены и унесены, я понял, что провел весь вечер, наблюдая, как веселилась Ли. И когда Брайан сказал всем, что пора разъединиться и

пришло время для настоящей вечеринки, я понял, что не смогу увидеть ее до конца ночи. Перед тем как уйти, я подошел к Ли, взял за руку и притянул к себе.

— Веди себя хорошо, — сказал я ей с улыбкой.

Она слегка улыбнулась, но эта улыбка не затронула ее глаз. Я мог сказать, что этот вечер уже вымотал ее, а он едва начался.

— Честно говоря, я не уверена, что продержусь долго, — вина и разочарование промелькнули на ее лице. Ли погладила живот и подавила зевоту.

— Хочешь пойти домой? — спросил я, абсолютно готовый пойти с ней, если она захочет.

— Да, — тихо сказала она. — Но я постараюсь продержаться еще чуть-чуть. Не хочу разочаровывать Холли. К тому же, Брайан убьет тебя, если ты их бросишь.

И как по мановению волшебной палочки, подошел Брайан и обхватил меня за плечи.

— Пришло время для Эдди.

— Ты уверена? — я еще раз спросил Ли.

Она поцеловала меня в губы.

— Веди себя хорошо, — сказала она и ушла с остальными девочками.

Брайан потряс меня за плечи, он был в предвкушении.

— Давай напьемся!

* * *

Я понятия не имел, сколько было времени. И едва ли знал, где находился. Наша ночь развивалась очень быстро. Я помнил выпивку с ребятами до того, как мы покинули ресторан, много выпитого рома в баре только для того, чтобы потом выпить еще больше в стрип-клубе. Пока я, молча, ехал на заднем сидении такси, в голове, словно вспышки, проносились воспоминания того, как Эдди забрался на сцену и танцовщицы танцевали для него.

— Извините, сэр, — промямлил я. — Который час?

— Четыре, — ответил таксист.

Я кивнул, пытаюсь подсчитать, сколько часов назад я получил последнее смс от Ли.

Еду домой. Мое тело больше не выдержит.

Время смс подсказало мне, что она отправила его в 23:27. Много часов назад. Я представил, как она устроилась под одеялом, а на ней надета одна из моих футболок. Ее волосы рассыпались по подушке, а лицо мягкое и розовое.

Я захотел быть с ней и спать рядом. Моя пьяная логика говорила мне, что, возможно, она хотела того же и не возражала быть разбуженной, когда я приду и заберусь к ней в постель.

Я сказал водителю, что передумал, и дал ему адрес Ли. С каждым километром, что мы приближались к ее дому, эта идея казалась мне все лучше.

Протянув водителю наличные, я практически выпал из машины. Ноги меня еле держали, но я прошел к ней в дом и поднялся на лифте на ее этаж. Я засунул руку в карман, ища ключи. Один из них был от этой двери. И я был до нелепости горд собой, когда нашел его. У меня заняло минуту или две, чтобы попасть ключом в замок, но когда я это сделал, то возгордился еще сильнее. Я прошел в квартиру, натываясь на мебель. Не распакованные коробки с вещами для ребенка, кучи с детской одеждой, аккуратно сложенные и убранные в каждом углу. Я споткнулся

обо что-то и упал на диван, задев какую-то кучу, и она упала.

— Это место слишком маленькое, — пробормотал я.

Я прошел в спальню и увидел Ли, лежащую там именно так, как я представлял в такси. Ее волосы разметались по подушке, и на ней была одна из моих футболок.

Быстро и определенно не грациозно я разделся и залез к ней. Она начала ерзать, напуганная тем, что кто-то был у нее в кровати. И если бы я не был так пьян, я бы, возможно, разозлился, что у нее это заняло так много времени. И это помогло мне понять, как мне не нравилось, что она оставалась здесь одна, незащищенная.

— Не волнуйся, — успокоил я Ли, — это всего лишь я.

Она повернулась, ее уставшие глаза открылись, привыкая к темноте.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она мягким и сонным голосом.

— Я скучал по тебе, — честно ответил я.

Я почувствовал, как она расслабилась на моей груди.

— Ты повеселился? — спросила Ли, зевая.

Поцеловав ее в щеку, я ответил:

— Да. А ты?

Я почувствовал, как она пожала плечами.

— Немного. Я уже не могу гулять так, как раньше, — грустно ответила она.

Но по какой-то причине это сделало меня счастливым.

— Это хорошо. Я останусь с тобой, — сказал я, вдыхая ее аромат. Но это только затуманило мою голову еще сильнее, становилось все труднее оставлять мои глаза открытыми.

Я почувствовал, как она слегка засмеялась.

— Хорошо, — сказала Ли довольным тоном.

Моя рука покоилась на ее бедре, пальцами я чувствовал голую кожу. Она была такой мягкой. Я удовлетворенно вздохнул, понимая, что решение приехать сюда, а не домой, было правильным. Потому что вот, где я хотел быть. Каждую ночь быть с ней.

Я хотел сказать ей это, но слова смешались, и мозг отключился до того, как я успел произнести слова. Возможно, это было к лучшему. Эти слова я хотел произнести, когда буду смотреть в глаза. В правильное время, а не тогда, когда я пьян и не в состоянии произнести их так, чтобы она видела, как я серьезен. Лучше подожду. Найду идеальный момент, чтобы сказать ей то, о чем уже кричит мое сердце. Потому что она заслуживает этого. Ли заслуживает больше, чем пьяное признание, о котором я даже не вспомню на утро.

Ли

Я тебя люблю.

Я открывала файлы один за другим. Я искала документ, который делала сегодня утром почти час. Как так могло получиться, что документ, который я сохранила не так давно, исчез?

Я тебя люблю.

Во мне закипало негодование. Я не только была раздражена, что не могла продолжить свою работу, так еще и ребенок не мог оставить мой мочевого пузырь в покое. Было ощущение, что внутри у меня плавают шар с водой, все более и более расширяясь и угрожая взорваться в любую минуту. От такого давления у меня выступило пару капелек.

Я тебя люблю.

К тому же, моя грудь сегодня просто горела. Я не могла перестать оттягивать лифчик, чесать и тереть свою грудь. Если бы кто-нибудь зашел и увидел, как я играю со своей грудью, он попал бы на настоящее шоу. Что мне действительно было нужно, так это два пакета замороженного горошка. Я видела, как Снуки прикладывала их к груди, когда была беременна. И, очевидно, все, что делала Снуки...

Я тебя люблю.

Я почесала живот. Еще один симптом, который, видимо, не собирался прекращаться. Это было непрекращающееся напоминание, что кожа натягивалась, растягивалась, росла все больше и больше.

Я тебя люблю.

Я всегда была уставшей, но засыпала с трудом. Я не могла держать свои глаза открытыми после восьми вечера, но ворочалась всю ночь. Даже эта глупая подушка для беременных не помогала поддерживать мой когда-то загорелый, плоский живот, который теперь был просто гигантским.

Шейн.

Обычно я могла рассчитывать на него, когда мне надо было почувствовать себя лучше. Но не сегодня. Сегодня только одно его имя раздражало меня еще больше.

Я тебя люблю.

Прошло уже два дня и две ночи с тех пор, как я услышала, как он промямлил те три слова, пока засыпал. Два дня и две ночи с тех пор, как те три слова начали прокручиваться у меня в голове, с тех пор, как он начал вести себя так, будто ничего не говорил. Но он сказал, и я их слышала, громко и отчетливо. Ладно, может быть, тихо и промямлил, но я все равно их слышала. И теперь он имел наглость вести себя так, будто ничего не произошло? Притворяться, что не помнил о сказанном? Ничего такого не имел в виду?

Остаток той ночи я провела, готовясь услышать их снова утром, а также готовила ответ. Я даже проснулась первая, провела десять минут, укладывая волосы так, чтобы выглядеть, будто я ничего с ними не делала, почистила зубы, нанесла немного блеска для губ, аккуратно вернулась в постель и стала ждать, пока он проснется. Ждала, что он увидит, что я выгляжу, как одна из тех моделей, которых он фотографирует.

Я все это сделала для него!

И что сделал он?

Он проснулся, ничего не сказал о том, как ангельски я выглядела, и ушел в ванную. Несколькими минутами позже он прокричал, что собирался воспользоваться моей зубной

щетки. Моей зубной щеткой. Затем вышел из ванной, улыбнулся и сказал, что пойдет и сделает себе кофе. И совсем не упоминал о сказанных ночью словах, даже намека не сделал, ничего. Как мог кто-то сказать «я тебя люблю», а затем игнорировать это?

Он что, смутился? Может быть, он чувствовал себя плохо оттого, что у него это так вырвалось? Или он волновался, что я не чувствовала того же? Но он должен был знать. Как он мог?

Я проглотила комок в горле.

А что, если он не это имел в виду? Что, если он помнил о том, что сказал и чувствовал себя ужасно от того, что сделал это? Пьяная болтовня? Два человека, которые встречались только из-за непредвиденных обстоятельств. Два человека, которые заботились друг о друге, как лучшие друзья, у которых будет ребенок, но и только.

Но Шейн же пришел ко мне домой той ночью. Он сказал, что скучал по мне. Сказал, что находился там, где и хотел. Арх!

Два дня и две ночи.

Так он любит меня или нет?

Я подняла руки и потерла лицо.

Глаза начало жечь. Я сморгнула слезы, отказываясь расклеиться на работе. Я же была профессионалом. Я могла пройти через этот день и подумать об этом позже. Я знала, что могла.

Двумя секундами позднее я разрыдалась.

— Ли, ты до сих пор не отправила мне те файлы, — сказала Холли, зайдя в мой кабинет без стука.

— Я знаю, — ответила я между всхлипываниями. — Я не могу их найти.

Холли увидела мои слезы и быстро закрыла дверь, села рядом со мной и обняла.

— Не волнуйся. Мы их найдем, — сказала она, смеясь.

Я не старалась ее поправлять. Я позволила ей думать, что плачу из-за дурацких файлов Бейкера. На прошлой неделе у меня не было выбора, и я попросила ее о помощи. Я не могла справиться со всеми проверками и сверками. Это было моей обязанностью, как помощника юриста, но с возрастающей частотой посещений врача, моей неспособностью нормально спать по ночам и постоянному ощущению неудобства, я была сама не своя.

— Я их найду. Просто дай мне минуту, — сказала я ей, вытирая глаза.

— С тобой все в порядке? — спросила Холли и подошла к одному из пустых кресел.

Я посмотрела поверх монитора и кивнула.

— Я просто устала. И хочу есть. Как только я достану еду, мне сразу станет лучше.

— Как только достанешь еду? — спросила она.

Я посмотрела туда, куда указывала Холли.

На углу стола уже был разложен мой ланч. Небольшой куриный рулет с овощами, баночка йогурта с ложкой внутри и яблочный пирог, уже наполовину съеденный.

— Господи, это катастрофа.

— Нет, — сказала Холли своим самым убедительным тоном. — Ты беременна.

— Забывчивость и глупость идут рука об руку с этим, — сказала я, взяла кусочек яблока и засунула его в рот.

Холли засмеялась.

— Тебе просто нужно немного отдохнуть, вот и все, — сказала она и взяла кусочек яблока для себя. — Кстати, об отдыхе, — сказала она, пока жевала. — Как Шейн себя чувствовал после мальчишника? Все, что Эдди мог делать, придя домой, это настаивать на принятии душа. Что означало только одно... стриптиз.

Я действительно не хотела говорить о Шейне. Я чувствовала себя подавленно.

— Вроде нормально, — сказала я, не вдаваясь в подробности.

Холли улыбнулась.

— Он не мог отвести от тебя взгляда весь вечер.

Я улыбнулась, но натянуто, и это показало, скольких усилий мне это стоило.

— Может быть, сегодня нам стоит поискать для тебя платье? — сказала она, ухмыляясь. — Обычно все начинается с влюбленности, затем свадьба, ребенок в коляске. Но, так как вы двое поторопились...

Я уставилась на нее.

— Ты ведь не забыла, не так ли? Сегодня вечером? Последняя примерка.

Несколько раз моргнув, я посмотрела на свой календарь и увидела звездочку, нарисованную красным маркером рядом с сегодняшней датой. Слова «Мешок для картошки» были написаны рядом с датой.

— Конечно, нет. Это написано у меня здесь, — сказала я и указала на календарь. Я абсолютно забыла.

— Хорошо, — улыбнулась Холли, вставая. — Встретимся там, — сказала она, выходя из моего кабинета. — И отправь мне те файлы, когда найдешь.

Я отклонилась на спинку кресла, слова Холли вертелись у меня в голове. *Сначала приходит любовь, затем свадьба, а затем ребенок в коляске.*

Мы с Шейном не влюблялись сначала. Свадьба? Вы что, смеетесь? Единственное, что у нас было, это ребенок в коляске. И даже это не вся правда. Мы еще не купили коляску. Мы с Шейном все сделали неправильно. Мы даже не обсуждали, что будем делать, когда ребенок родится. Я продолжала игнорировать факт, что у меня горы детской одежды по всей квартире, и детская кроватка, которая все еще лежала несобранная в коробке в квартире Шейна. Я так боялась облажаться, и пока что мы не сделали ничего, чтобы чего-то достичь.

Я думала, что иметь ребенка с Шейном — это самое легкое во всей ситуации. То, за что я могу держаться. Знать, что мы вместе и можем поддерживать друг друга. Но если это все правда, почему я чувствую себя такой потерянной?

* * *

Я перестала стучаться в квартиру Шейна некоторое время назад, просто приходила к нему, когда мне было удобно. Сегодняшний день не был исключением. Я прошла прямо внутрь, проскользнув мимо Брайана, сидевшего на диване, и направилась напрямик в комнату Шейна. И если я думала, что день был плохим, то вечер добавил вишенку на торте.

Я нашла его в кровати, прислонившегося к спинке — ноги скрещены, красная футболка обтягивает грудь, а сам он читает книгу «*Что ожидать, когда вы ждете малыша*». И судя по всему, он практически ее закончил. Я же едва начала ее читать. Еще один камень в мой огород. Он взглянул на меня, загнул кончик страницы и закрыл книгу.

— Привет, — сказал Шейн, его голос выдавал удивление от того, что я была здесь.

Мой взгляд все еще был прикован к книге.

— Ты почти закончил?

Он положил книгу и посмотрел на обложку.

— Я подумал, что хотя бы один из нас должен знать, что, черт возьми, происходит, — сказал он, поддразнивая меня.

Я подошла ближе к кровати и встала прямо напротив него, а он пододвинул ноги к краю кровати. Когда он снова посмотрел на меня, выражение его лица изменилось. В глазах промелькнуло беспокойство.

— Что случилось? — спросил Шейн, поглаживая мои ноги.

— Я буду ужасной матерью, — сказала я, и слезы градом покатались из глаз.

— Что? С чего ты это взяла? — спросил он, потирая мои бедра.

— Я еще только на четвертой главе в этой книге, Шейн. Четвертой! Я читаю про то, что происходило со мной шесть месяцев назад. Я должна читать про кормление и срыгивание, расписание, а вместо этого изучаю утреннюю тошноту.

— Эй, остановись, — сказал он. — Ты будешь замечательной матерью. Самой лучшей. Я это знаю.

А что, если нет? И хотя я приближаюсь к концу своей беременности, на самом деле это лишь начало. После всего этого будет настоящий малыш, о котором надо будет заботиться. Кормить, купать, воспитывать. Что, если я не смогу этого сделать? Я уже нахожу все это чрезмерным, а ребенок еще даже не родился.

— Нет совершенных людей, — сказала я, вытирая слезы с лица.

— Ты совершенна, — сказал он с улыбкой.

— Неужели? Тогда что это? — спросила я, резко приподнимая край своей футболки, обнажая кожу и показывая на бедро. — Посмотри!

Я наблюдала, как Шейн осматривал мою кожу.

— Что я должен увидеть?

— Ты что, слепой? — спросила я. — Вот здесь, — указала я на кусочек кожи.

— Что это? Сыпь? — спросил Шейн.

Я вздохнула.

— Это не сыпь. Это растяжка!

Его плечи затряслись от смеха.

— И что?

— И что? — повторила я. — А что, если их станет больше? Что, если к моменту рождения ребенка я превращусь в карту дорог!

Шейн встал и обхватил ладонями мое лицо.

— Золотце, у миллиона женщин такие же. Даже у мужчин.

Я закачала головой, высвобождаясь из его рук.

— Ты не понял, — тихо сказала я, отходя на шаг назад.

— Так объясни мне, — попросил он.

Я посмотрела на свой живот. Я даже больше не могла так его назвать. Арбуз, а не живот. Настоящий холм.

— Я постоянно вымотана, — начала я. — Большинство моей одежды на меня не налезает. Я ничего не могу запомнить и постоянно плачу. Прошлой ночью была реклама кофе, и там дедушка взял внука на рыбалку. Я рыдала десять минут. Я не могу контролировать свои гормоны, свои чувства. Я устала быть беременной, а мне еще два месяца осталось, — я посмотрела на пол, почти стыдясь того, что собиралась сказать. — Я устала быть беременной. Что, если я устану быть мамой?

— Ох, Золотце, — сказал Шейн, подходя ко мне и убирая пряди моих волос за уши. — Как ты только можешь так думать?

Я попыталась посмотреть в сторону, но он удержал мое лицо пальцами.

— Каждый день, — начал он. — Каждый день ты поражаешь меня. Каждый день я все больше и больше восхищаюсь тобой. Каждый божий день я так благодарен, что прохожу через

все это с тобой. Ты самая сильная и храбрая женщина из всех, кого я знаю. В тот день, когда ты сказала, что беременна, я был в ужасе. Я не знал, что делать. Но ты приняла на себя ответственность. Ты приняла решение, и с тех пор все на своих местах. И мы на своих местах.

Он сделал один шаг вперед, сокращая расстояние между нами.

— Не надо волноваться о том, какой мамой ты станешь, потому что я уже это вижу. Я вижу это в том, как ты заботишься о себе, в жертве, которые ты приносишь, — он приподнял мой подбородок пальцами. — Я знаю, как трудно для тебя было отказаться от кофе, — поддразнил он. Затем он опустился на колени и приподнял мою футболку. — А это, — сказал он, целуя прямо в то место, — это не растяжка. Это шрам после борьбы. Как напоминание мне и всем остальным: то, что ты делаешь, это самое прекрасное, — он оставил еще один поцелуй. — Самое храброе, — еще поцелуй. — И самое сильное, что кто-либо может сделать, — он задержал свои губы на моих бедрах еще на секунду. А когда он посмотрел на меня, улыбка озаряла его лицо. — Я преклоняюсь перед тобой, — закончил он.

Я почувствовала, как слезинка скатилась по щеке, только теперь не от страха, вины или грусти. Эта единственная слезинка была полна чего-то другого, очень позитивного. Она была полна счастья, храбрости, веры.

Полна любви.

В этот момент я поняла, насколько была влюблена в Шейна. Как у меня могло занять столько лет, чтобы понять это?

— Шейн, — прошептала я.

— Шшш, — сказал он, медленно стягивая мои штаны вниз по ногам, позволяя им упасть. Пальцами он нежно поглаживал меня через тонкий слой хлопка.

— Позволь мне показать, как я преклоняюсь перед тобой, — сказал он, снимая оставшуюся одежду.

Шейн взял меня за руку, помог переступить через одежду и уложил на кровать, оставив ноги свисать через край. Он ухмыльнулся, и опустил голову между моих бедер. В ту же секунду, когда языком он коснулся сладкого местечка, я запрокинула голову, уплывая туда, где ничего, кроме этого, не было важно. Я позволила себе расслабиться, впустила в себя это ощущение. Отпустила переживания. И хотя Шейн и не сказал снова те три слова, но преклоняться передо мной — это тоже не так уж и плохо.

Ли

Сама по себе открытая терраса в «Баоли» — одно из самых красивых мест в городе. Яркие и сочные небольшие деревца были посажены по всему патио, папоротники, размещенные на верху стен, создавали впечатление, что вы попали в какой-то секретный сад, а не в ресторан недалеко от Сауф Бич. Однажды я была уже здесь вечером, когда были включены фонари, а скатерти были темные и изысканные.

Сегодня, в полдень, терраса выглядела совсем по-другому. Столы были покрыты кремовыми скатертями, и на каждом стоял букетик с гортензиями. Фонари еще не были включены, но с веток деревьев свисали желтые матерчатые помпоны. На стульях были белые чехлы с контрастными зелеными или желтыми бантами. Терраса была рассчитана на двести гостей, а мой список гостей содержал только тридцать имен. Несмотря на это, все цветы, еда, восхитительный торт и подарки..., это все было для меня.

Терраса была и так очень утонченной и без дополнительного декора, но в «Баоли» не представляли, во что они ввязались, когда дали свободу действий Шарлотте Карлайл. Ресторан выглядел теперь, как один из тех, которые печатают на фото в журналах. Те, где знаменитости проводят детские вечеринки.

— Ух ты, — услышала я возглас Холли позади себя. — Она проделала огромную работу.

Я еще раз огляделась вокруг. Здесь даже был фонтан, из которого бил фруктовый сок.

— Да, это так.

Как только я зашла на террасу, Шарлотта заметила меня и бросилась в мою сторону.

— Дорогая, ты прекрасно выглядишь! — сказала она мне, целуя в щеку.

Я улыбнулась, посмотрев на свое длинное серое платье. Верх был связан крючком, что помогало в такую жару. Я посмотрела на деревья посреди террасы, к счастью, они создавали прекрасную тень.

— А это, — она указала на мою повязку на голове. — Восхитительно.

Я дотронулась до лепестков маргариток на голове, улыбаясь тому, как мой внешний вид соответствовал всему декору.

— Спасибо, — ответила я. — Шарлотта, это все... — начала я, но была не в состоянии найти нужные слова, чтобы описать то, что эта женщина сделала для меня сегодня.

Я всегда думала, что Шейн был счастливым с такой мамой, как Шарлотта. Которая бы сделала все для своего ребенка, любила бы его без памяти. Я росла в других условиях. После того, как мы выложили эту новость родителям Шейна, Шарлотта во всем поддерживала меня и была очень добра. Она звонила и проверяла меня, покупала больше вещей для ребенка, чем я могла унести, чем могло уместиться в моей квартире, и звала меня на ужин несколько раз за последние месяцы.

— О, дорогая, ты этого заслуживаешь. И мой внук тоже, — сказала она, похлопывая мой живот.

— Все выглядит потрясающе, — появилась Холли позади меня. — Мне определенно становится стыдно за свои вечеринки, — сказала она, оглядываясь.

— Эй, — сказала я оскорбленно. — Я тоже помогала планировать вечеринку.

Холли засмеялась, пихнув меня в плечо, давая понять, что она пошутила.

— Ну же, давай, посмотри. Остальные гости стали прибывать. И попробуй сок манго-папая из фонтана. О, и открытые пирожки! Я специально убедилась, что все меню подходит для

беременных. Козий сыр пастеризован! — сказала Шарлотта серьезно.

Я засмеялась.

— Я непременно все попробую, — пообещала я.

Она пожала мне руку и направилась побеседовать с двумя дамами, которые только что подошли. Должно быть, это были ее подруги, потому что я их не узнала.

— Она просто великолепна, — сказала Холли.

Я кивнула, улыбнувшись.

— Да, она такая.

— Смотри, — указала подруга на стол. — Там пирожки, пошли, — сказала она, потянув меня через всю комнату к столу.

Были такие моменты в моей жизни, когда отсутствие собственной семьи ощущалось наиболее остро. Такие моменты, как окончание колледжа или юридической школы. Или когда я сдавала экзамены. Праздники, свадьбы, годовщины. Я представляла, что буду чувствовать на вечеринке своего собственного ребенка. Счастливая и взволнованная, но как будто чего-то не хватает. Помогло то, что у меня было много практики за эти годы, но, как и всегда, я говорила себе: *«К черту, я не позволю этому испортить мой день»*. У меня были хорошие друзья, коллеги. У меня был Шейн и его семья. Я готовилась встретить сегодняшний день со стаканом, который был наполовину полон. Что я действительно не ожидала, так это чувства нехватки чего-то, кого-то, кто никогда не придет.

Сегодня я чувствовала, что являюсь частью семьи. И все благодаря Шарлотте. Все, о чем я могла попросить, мечтать, сегодня стало явью. Даже то, чего я не ожидала.

* * *

— Ну что, — сказала Шарлотта, подходя и садясь за стол рядом со мной. — Было не так уж и плохо, не правда ли?

Я засмеялась, отпивая свой безалкогольный мохито.

— Да, не плохо.

Я осмотрелась и увидела разных женщин, они смеялись, пили и вообще прекрасно проводили время. Я даже увидела несколько женщин, склонившихся над кольцом Холли и расспрашивающих ее о свадьбе.

— Шарлотта, это намного больше, чем я могла просить, — сказала я ей, пока меня переполняли чувства от того, сколько всего она сделала. Я повернулась к ней и обратила на нее все свое внимание. — Я даже не знаю, как отблагодарить вас за сегодняшний вечер. Правда. Я... не... Вы не обязаны были делать все это.

— Конечно, я должна была, — сказала она, улыбаясь. — Но я сделала это не потому, что была обязана. Я сделала это, потому что хотела. Ты мать моего внука. И это делает тебя такой же ценной, как и ребенка.

Мои губы растянулись в улыбке так, что заболели щеки. Я делала все возможное, чтобы сдержать эмоции и не расплакаться. И стало еще труднее, когда я увидела, что Шарлотта пытается сделать также.

— Я знала это, — сказала она, накрывая мою руку своей. — Много лет назад я знала. Я видела это.

— Что?

— Что ты была единственная. Та, в которую Шейн влюбится. Создаст семью. Ты должна была перевернуть его мир с ног на голову. Тогда, много лет назад, когда он привел тебя в дом. Я это знала.

Я покачала головой, напоминая ей, что тогда мы с Шейном были только друзьями.

— Да, да. Просто друзья, — отмахнулась она, не обращая внимания на мои слова. — Не имеет значения, — сказала она. — А знаешь ли ты, что ты единственная девушка, которую он приводил домой?

Удивленно я откинулась на спинку стула.

— Нет. Не знала.

Шарлотта улыбнулась, будто этот кусочек информации только подтвердил ее точку зрения.

— Да. Первая и единственная. Я помню, что сказала Абель, когда вы оба ушли. Посмотрим, что будет у этих двоих, — засмеялась она. — Конечно, это заняло немного больше времени, чем я предполагала, но все случается по определенной причине. Даже самое неожиданное, — добавила она, взглянув на мой живот.

Я положила руку на живот.

— Это определенно было самым неожиданным, — согласилась я.

— Иногда самое лучшее случается неожиданно.

Вера Шарлотты повлияла на меня. Возможно, она была права. Возможно, мы с Шейном всегда были предназначены для чего-то большего, чем просто дружба.

— Может быть, вы правы, — согласилась я. — Может быть, все это должно было произойти.

— Да, я так думаю, — она что-то заметила позади меня и прищурилась. — Говоря о том, что должно было произойти.

Я повернулась, чтобы посмотреть, что привлекло внимание Шарлотты. Сзади меня кучка дам окружила Шейна, который держал самый большой букет белых роз, что я когда-либо видела. Я смотрела, как он вежливо улыбался, приветствуя всех, мимо кого проходил. Руки пятидесятилетних женщин тянулись к его лицу, чтобы расцеловать. Он медленно проходил сквозь толпу, взглядом умоляя меня о помощи.

Но я просто сидела, ожидая и смеясь. Теперь была его очередь отвечать на сотни вопросов.

Шейн уставился на меня, когда понял, что я отказываюсь вставать, но это не остановило его. И уверенными шагами он направился в мою сторону.

Как только он подошел ко мне, я встала, целуя его и принимая цветы.

— Не уверен, что теперь ты их заслуживаешь, когда позволила мне пройти таким образом, — сказал он в мое ухо.

— Ты прекрасно справился. Забудь двадцатилетних моделей, с которыми ты работаешь. Я думаю, дамы среднего возраста — то, что надо, — ответила я, подмигивая.

Я почувствовала и услышала его смех, его грудь тряслась напротив меня, затем он приподнял мое лицо и поцеловал в губы.

Это должно было случиться.

— Дорогой, цветы прекрасны! — прервал нас одобрительный возглас Шарлотты.

— Мне кажется, раньше ты не дарил мне цветы, — сказала я, положив букет на стол.

— Шейн, это правда? — пожурела его Шарлотта.

— Есть много других способов выразить свои чувства, — начал защищаться Шейн.

— Так, значит, цветы — это не твоя идея? — спросила я.

Шейн взглянул в сторону Шарлотты, но ничего не сказал.

— Иногда розы — это прекрасный способ выразить свои чувства, — сказала Шарлотта укоризненно. — Они прекрасны, дорогой, — похвалила она его, похлопав по груди, прежде чем

ее позвали друзья.

— Она права, знаешь ли, — сказала я, касаясь лепесточков из букета.

Медленная хитрая улыбка появилась на губах Шейна, а затем он наклонился и прошептал прямо в мое ухо:

— Тот способ выразить свои чувства, который нравится мне, не для публики.

Я пыталась сохранить свое самообладание, но когда он был так близко, его горячее дыхание напротив моей кожи и аромат его туалетной воды окутывал меня, это было очень сложно.

— А ты в себе уверен, — сказала я, стараясь дышать ровно.

Приподняв уголки губ, он кивнул.

— То, как ты выкрикиваешь мое имя снова и снова, это доказывает.

— Не мог бы ты быть тише? — отругала я его, оглядываясь вокруг.

— Зачем? Они должны знать. Ты уже беременна, — сказал он, ухмыльнувшись.

Рядом с Шейном появилась Холли, слегка толкнув его в бок.

— Хороший жест, — сказала она, посмотрев на букет. — Понятия не имею, куда вы все это поставите.

Вместе с Шейном мы оглядели террасу, здесь было больше подарков, чем я видела в своей жизни. Когда Шарлотта сказала мне составить список детских вещей, я не ожидала получить их все и еще много чего в придачу. Я чувствовала себя очень везучей и в то же время мне казалась, что это чересчур. Холли была права. Куда мы все это поставим?

Я посмотрела на Шейна, он казался равнодушным.

— Меня проинструктировали начать загружать подарки в нашу машину, — сообщила Холли, вручая ему ключи.

— Насчет этого, — сказал он, кивнув головой в сторону подарков. — Когда приедем домой, нам надо поговорить об этом.

Я увидела, как изменился его взгляд, став ярче и счастливее. Взволнованнее даже. Он хотел поговорить. Он тоже этого ждал. Наконец-то мы собрались это обсудить. Все, что должны были уже сказать, мы скажем сегодня вечером. И у меня было хорошее предчувствие насчет нашего будущего. А как могло быть иначе, если он так на меня смотрел?

Я кивнула.

— Да, хорошо.

Шейн улыбнулся и поцеловал меня в щеку, а затем пошел контролировать загрузку подарков.

Гости бродили вокруг, прощались, желали мне удачи и уходили. Я всех их поблагодарила, но мой мозг был уже в другом месте. Все, о чем я могла думать — это разговор с Шейном. Я приберегла последние слова прощания для Шарлотты, которая захотела остаться, чтобы поговорить с хозяином ресторана и лично поблагодарить его за сегодняшний день. Я уже поблагодарила ее, по крайней мере, сотню раз, но сказала бы ей это еще миллион раз, обнимая и признавая, что хоть моя собственная мама и не была здесь, но у меня была Шарлотта, а это намного лучше.

— Готова? — спросила Холли, хватая обе наши сумки.

Я кивнула.

Мы вышли из ресторана на улицу, позднее солнце все еще ярко светило и слепило мне глаза. Я подняла руку к глазам, чтобы защитить их от света, и все снова появилось в фокусе. Обращая внимание на Шейна, который стоял в нескольких метрах от нас. Одна его рука была на дверце джипа, другая на бедре; он был слишком занят, чтобы заметить меня, потому что разговаривал с кем-то. С женщиной.

С высокой, худой и красивой женщиной.

С моделью.

— Кто это? — спросила Холли.

— Я не знаю, — ответила я.

Я сделала еще шаг от Холли, приближаясь ближе к Шейну. Как только увидел нас, я заметила, каким напряженным он стал.

— Привет, — поздоровалась Холли и вздернула голову, изучая женщину, а затем посмотрела на Шейна.

— Привет, — улыбаясь, ответила женщина.

Между нами повисла неловкая тишина.

— Ты коллега Шейна? — спросила Холли.

— Не совсем... — ответила она и посмотрела на Шейна, ожидая, что тот скажет что-нибудь, но он как будто замер, не в состоянии говорить. Я видела, как она легонечко пихнула его в плечо и слегка вывела его из равновесия.

— У нас была съемка несколько месяцев назад, — ответила она. У нее был акцент, но ее английский был великолепен. Шейн все еще пытался восстановиться, пока она все это говорила, но ее следующие слова вывели меня из равновесия. — Он был моим Валентином.

Шейн

Он был моим Валентином.

Эти слова меня парализовали. Я почувствовал, как стянуло в груди и сжало ребра, выталкивая из меня весь оставшийся воздух. Потребовалась вся сила, чтобы не посмотреть на Ли, потому что я знал, что от этого будет только хуже. Но я не мог помешать ей увидеть то, что пытался спрятать. Страх. Вину. Много страха. Я моргнул, пытаюсь стряхнуть ужас, тошноту, пытаюсь изо всех сил показать, что слова Наталии на меня не подействовали. Я сглотнул огромный комок в горле и постарался выглядеть безразличным к этой засаде, в которой только что оказался.

Я легко улыбнулся, но во рту у меня все пересохло, и мне практически пришлось разлеплять губы. Я сжимал и разжимал кулаки в карманах своих брюк, надеясь, что это поможет расслабить все тело. Я боролся с инстинктом схватить Ли и убежать прочь. Буквально поднять ее, посадить в свою машину и умчаться прочь от этого места, от этого момента, от Наталии. Но если бы я это сделал, она бы все поняла. Она бы поняла, что я сделал кое-что в своей жизни, что хотел бы исправить. Ли увидела бы это по моему лицу, если только уже не заметила. А это изменило бы все.

Воспоминания о той ночи в Нью-Йорке проносились у меня в голове, как бы я ни старался забыть. Смущение от того, что произошло между нами в мой день рождения. Мой разговор с Брайаном. То, как мне сказали, что Ли собиралась на свидание в чертов день Валентина. Я чувствовал боль, злость и ревность, хотя и не понимал их до конца. Съёмки. Воспоминания о том, как я повел себя, скрутили живот в тугий узел. Кислота и желчь прожигали дыру во мне. Я начал крутить головой, у меня было эгоистичное желание убраться отсюда, а более важно было убраться отсюда Ли. Защитить ее, себя, нас от всего, что могло причинить боль. Потому что наши отношения сейчас — это для меня самое важное. Более важно, чем признать правду, чем соврать ей, чем кто бы то ни был, кто может забрать ее у меня. Я не позволю чему-нибудь или кому-нибудь испортить это.

Соберись, Шейн!

Я должен был выйти из этого полупарализованного состояния и начать двигаться. Двигаться дальше и дальше от этого тупика, в который мог превратиться этот день.

— Я в городе на съёмках, — продолжала Наталия, улыбаясь и абсолютно не представляя, как может разрушить мой мир. Мир, который мы строили годами. — Я расстроилась, когда услышала, что не ты будешь фотографом.

Она игриво надула губы и пальцами обхватила меня за локоть. Я чувствовал, как огонь прожигает мою кожу, уничтожая, заставляя вырвать свою руку из ее хватки. Это не могло остаться незамеченным ни для кого из нас, но все мои мысли были о Ли, что она видит, как ко мне прикасается другая женщина.

— Было приятно увидеться снова, — смог произнести я, улыбаясь настолько обыденно, насколько мог. Я повернулся, открыл пассажирскую дверь машины и протянул руку Ли, мысленно умоляя принять ее, чтобы мы могли наконец уехать. Я повернул голову и взглянул на Наталию, надеясь, что она поймет, что ей надо уйти.

Негодование и боль промелькнули у нее на лице от того, как я отмахнулся от нее. Я знал, что должен был почувствовать себя плохо от моей такой грубой реакции. Но я не мог думать о ее чувствах, даже если она и не заслуживала этого. Была только одна женщина, чьи чувства имели

для меня значение, и это была не Наталия.

Я переключил свое внимание на Ли, ее глаза изучали Наталию, но выражение лица не отражало никаких эмоций. Я не мог понять, о чем она думала, куда завели ее мысли, и ненавидел это. Я только знал, что должен был убедиться в том, что они не завели ее куда-нибудь в ужасное место. Это правда.

— Золотце, — сказал я, поманив пальцами протянутой руки. Она немного встряхнулась от моего голоса, несколько раз моргнула и протянула руку ко мне, переплетая пальцы с моими. Я притянул Ли к себе, обернув рукой за плечи, держа ближе к своему телу. Она прильнула ко мне всем телом, но я чувствовал в ней напряжение.

Наталия молча следила за каждым нашим движением. Она слегка опустила взгляд на живот Ли, и у нее заняло секунду, чтобы все понять. Ее глаза тут же округлились, а затем легкая и неловкая улыбка тронула губы. Она приоткрыла рот, будто хотела что-то сказать, но быстро передумала и закрыла его. Я напоминал себе снова и снова, что ни каким образом не должен выказать собственный дискомфорт. Не впиться пальцами в плечи Ли или не прижать ее голову к своей груди, чтобы избавиться от всего этого.

— Конечно, — наконец выговорила Наталия, выпрямляясь. — Было приятно повидаться.

Оглядев всех нас еще раз, она кивнула на прощание и прошла мимо нас; к счастью, нашла в себе силы не оглянуться. Не посмотреть на меня и Ли, или на живот Ли.

— Ладно, — сказала Холли, уставившись прямо на меня. Взглядом она молчаливо обвиняла меня. Она уже сопоставила дважды два. Она уже все знала, как только Наталия открыла свой рот и заговорила о дне Валентина. Молить Наталию о молчании это одно, но Холли? Она лучшая подруга Ли. Как я мог заставить ее не сомневаться и позволить мне все объяснить, прежде чем она наорет на меня прямо перед Ли?

— Холли, принеси оставшиеся вещи в машину, — сказал я, моля оставить вопросы хотя бы на время, и повернулся к Ли. — Залезай, — кивнул я на машину.

Ли кивнула, и я помог ей забраться внутрь. Я хотел остаться рядом с ней, не позволяя даже миллиметру встать между нами, но мне надо было поговорить с Холли. Я подождал, пока Ли застегнет свой ремень безопасности, а затем мягко поцеловал ее в губы. И с облегчением вздохнул, когда она поцеловала меня в ответ.

— Еще несколько коробок, — сказал я.

— Хорошо, — тихо ответила она.

Я взял еще несколько коробок и сумок с подарками с тротуара и загрузил их в машину, затем взял еще пару, чтобы положить их в машину Холли.

Я обошел машину Холли и подошел к открытому багажнику, загораживая нас от взгляда Ли. Прносящиеся машины заглушили ее голос, но я услышал все отчетливо.

— Что за черт? — прошипела она сквозь зубы.

— Это не то, о чем ты подумала, — сказал я ей, почти рыча. — Ты знаешь, что я чувствую к Ли. Я бы никогда не сделал ничего подобного, чтобы причинить ей боль, — я замолчал и сделал вдох, чтобы успокоиться, думая о том, как бы лучше защитить себя. Если бы мне пришлось защищаться. — Поверь мне, когда я говорю, что ни о чем так не жалею, как о той ночи, — сказал я, наклонившись и пальцами хватаясь за багажник. На секунду закрыл глаза и повернулся, чтобы посмотреть на нее. — Это было до всего этого. До того, как мы с Ли стали... теми, кем являемся сейчас.

Холли закатила глаза, но все еще позволяла мне говорить.

— Пожалуйста, Холли, — умолял я. — Ты же меня знаешь. Ты знаешь нас, — я быстро взглянул в сторону Ли. — Она все для меня, — сказал я, вкладывая всю правду в ответ. — Она для меня все.

Я смотрел, как Холли глубоко вдохнула и тоже посмотрела в сторону Ли. Я видел, как расслабилось ее лицо, и закрыл глаза от облегчения.

— Будь очень осторожен, Шейн, — начала слегка угрожать мне Холли.

— Обещаю, — ответил я очень яростно. — Я не позволю ничему и никому причинить ей боль.

Мы оба выпрямились, и Холли захлопнула багажник.

— Включая тебя.

Холли прошла мимо меня и крикнула Ли:

— Я позвоню тебе позже, — она помахала рукой, натянуто улыбаясь.

Холли забралась в машину и укатила, оставив меня недалеко от Ли. Я видел, как ее золотистые волосы развевались на ветру, она была практически полностью скрыта из виду за всеми сумками и подарками, нагроможденными на заднем сидении.

Прежде чем вернуться к джипу, я мысленно взмолился, чтобы никто не испортил оставшийся день. Молился, чтобы все, что я запланировал на сегодняшний вечер, сбылось.

Сегодняшний вечер должен был быть посвящен нашему будущему, а не моему прошлому.

Обогнув машину, я направился к месту водителя, продолжая убеждать себя, что если смогу доставить Ли домой, если смогу сказать ей все, что запланировал, то все будет в порядке. Более того, все будет просто идеально.

— Готова? — спросил я, заводя машину.

Ли продолжала сидеть, не двигаясь, едва замечая меня.

Я сжал губы, еще раз убеждая себя, что все будет хорошо, и выехал на дорогу.

Как только мы приехали домой, я еще раз вспомнил все те слова, которые хотел ей сказать. Ничего не изменилось. Если уж на то пошло, то мне стало еще важнее поговорить с ней. Я боялся, что кто-нибудь или что-нибудь испортит это. Нельзя было больше ждать. Больше ничего нас не прервет. Ли Кессел должна услышать то, что я скажу. Мне просто надо было доставить ее домой, чтобы я смог ей все сказать.

Домой.

Это было первое, что я хотел обсудить с ней. Мы должны были стать семьей, и я хотел, чтобы мы жили вместе. Каждый раз, когда я проходил мимо той гигантской коробки с детской колыбелькой, я думал об этом. Я думал о нас, чтобы мы были вместе, делили одно пространство. Когда я бывал в крошечной квартирке Ли и видел горы детской одежды, памперсов, одеялец, прислоненных к стене в углу, я ненавидел себя за то, что не сделал этого раньше. Я не понимал, почему ждал так долго, чтобы поговорить с ней. Почему так долго ждал, чтобы сказать, что я чувствую. Насколько глубоки мои чувства к ней.

Так много и в то же время так мало изменилось между нами за прошедшие несколько месяцев. Она все еще была моей лучшей подругой, но и в то же время она стала кем-то намного большим. Больше, чем я мог надеяться. Больше, чем я мог желать. Эта девочка изменила все, и я не собирался допустить, чтобы еще один день прошел, а Ли об этом не знала. Я ждал почти шесть лет. Я ждал этого момента шесть долгих лет. И не позволю последним пяти минутам все испортить.

Я посмотрел на Ли, ее взгляд блуждал по машине. Повсюду, от окон до подарков, сваленных на заднем сидении. Ее глаза не останавливались, постоянно оглядывая машину, но ни разу ее взгляд не остановился на мне.

— Куча вещей, — сказал я, нарушая тишину.

Она оглянулась, наконец, сфокусировав взгляд на мне. Наши глаза встретились на несколько секунд, затем я отвернулся и вернул внимание к дороге.

— Ага, — сказала Ли, уставившись вперед. — Не представляю, куда все это положу.

Я похлопал Ли по ноге несколько раз, прежде чем положить руку ей на бедро.

— Мы разберемся, — сказал я с уверенностью. Я уже со всем разобрался. Это должно было сработать. Я чувствовал, как быстро билось мое сердце, но не от нервов, а потому, что еще никогда в жизни я ни в чем не был так уверен.

* * *

Как только мы прибыли ко мне домой, я сказал Ли подниматься наверх, пока писал Брайану сообщение спуститься и помочь разгрузить машину. Даже он удивился количеству вещей, что мы привезли.

— Черт, — сказал он, оглядывая гору подарков. — Ребенку это все нужно?

— Сомневаюсь, — ответил я.

Мы начали разгружать машину, сваливая коробки на тротуар, затем Брайан остановился и скрестил руки на груди.

— Так значит, сегодня тот день.

Я кивнул.

— Сегодня тот самый день.

— Уверен?

Я сделал глубокий и прерывистый вдох.

— Чувак, ты собираешься сказать этой девчонке, что хочешь, чтобы вы были семьей или чем-то вроде этого. Тебе нужно быть уверенным, — сказал Брайан мне.

Я повел плечами и посмотрел вверх, на окна нашей квартиры на третьем этаже, представляя Ли там, как она там ходит, устраивалась удобнее, как всегда делала. Я хотел этого с ней. Место, где мы оба могли бы чувствовать себя как дома друг с другом, место, которое было бы нашим домом.

— Эй, — Брайан качнул головой. — Ты ее любишь?

— Конечно, — сказал я без промедления.

— Нет, я имею в виду, ты ЕЕ ЛЮБИШЬ? Здесь большая разница.

Я приподнял бровь.

— А ты видишь разницу? — скептически спросил я.

— Да, я знаю, — выпалил он, и его лицо приняло серьезное выражение. — Люди либо чертовски влюблены, либо чертовски жалки, — сказал он с большей честностью, чем я мог от него ожидать. Меня это немного потрясло. Он не из тех, кто часто говорит о чувствах, так что его комментарий удивил меня. Это также дало мне понять, что мы не так часто в последнее время говорили обо мне и Ли. И, несмотря на всю критику в отношении Брайана и Кендалл и их странных отношений, я, наконец, понял причину, почему они постоянно возвращались друг к другу. Причину, по которой никто из них не мог отпустить другого.

Чертовски влюблен или чертовски жалок.

Я думал, а к какой из этих категорий подхожу я. Под какую категорию попадаю я, когда дело касается Ли.

— Я влюблен, — ответил я. — Бесповоротно.

На его губах расплылась улыбка, и я понял, что он уже был в курсе.

— Хорошо. Тогда давай поднимем все это барахло наверх, и ты сможешь ей это сказать.

После того, как Брайан помог мне поднять коробки, он ушел, чтобы оставить нас с Ли

наедине. Я прошел в спальню, моя уверенность росла с каждым шагом, уверенность и в чувствах, и в том, что я хочу сказать Ли. Сегодня я хотел еще раз изменить наши отношения. Повернуть их в направлении, в котором они должны были двигаться с самого начала. Я устал ждать подходящего времени или какого-то знака. Мои чувства и были чертовым знаком.

Я чувствовал, что ничто не могло меня остановить, ничто, кроме того, как я ее нашел. Она сидела на кровати и ждала меня. Ее спина была выпрямлена, взгляд устремлен вперед, а руки сложены на коленях. Когда я вошел в комнату, она без эмоций посмотрела вверх. Ее единственным движением было только медленное моргание.

— Все в порядке? — спросил я, замедляя шаги.

Ли продолжала смотреть на меня еще несколько секунд, затем опустила взгляд и отвела глаза в сторону.

— Я тут думала... — сказала она.

— Ладно, — кивнул я, делая еще один осторожный шаг. — Я тоже думал. Много...

Но, похоже, она не слышала, потому что продолжала говорить, будто я ничего не сказал:

— Я сидела здесь и думала об одном и том же снова и снова. У тебя так когда-нибудь было? — спросила она, еще раз взглянув на меня. — Когда ты не можешь избавиться от чертовых мыслей, неважно, как бы ни старался?

Ее лицо застыло, как стеклянная маска. И как всякое стекло, оно казалось очень хрупким, готовым разбиться на тысячи осколков, если не обращаться с ним очень бережно.

— Иногда, — осторожно сказал я.

Быстрый и короткий смешок слетел с ее губ.

— Когда поняла, что беременна, я была очень напугана. Знаю, ты думал, что я сильная, храбрая и у меня все под контролем. Но это не так, — она покачала головой, вспоминая. — Я ничего не чувствовала. Я буквально была парализована. Я понятия не имела, что мне делать, как реагировать, что чувствовать. Тысяча эмоций и страх пронеслись сквозь меня одновременно, разрывая меня изнутри.

Ли посмотрела на меня, и от выражения ее лица у меня все внутри похолодело. Я сделал шаг ближе, мне хотелось успокоить Ли, чтобы как-то компенсировать то, что меня не было рядом в тот момент. Но она мне не позволила. Она подняла руки вверх, давая понять, чтобы я оставался на месте.

— Но больше всего я переживала о том, как отреагируешь ты. Как глупо! Это я была беременна. Это я должна была делать выбор, но самое большое мое переживание было о том, что скажешь ты.

Вся уверенность, которая была у меня, когда я входил в эту комнату, исчезла. И это напугало меня до чертиков.

— Золотце... — начал я, но она продолжила.

— Несколько дней я жила с этой болезненной обеспокоенностью внутри. В ужасе от того, что мы сделали, от того, с чем нам придется столкнуться, что это нас разрушит. Разрушит нашу дружбу.

— Ничто не разрушит нас, — прервал я.

— Потому что ты был моим лучшим другом, Шейн, — сказала она, все еще не обращая внимания на мои слова.

— А ты моей лучшей подругой, — сказал я, делая шаг к ней, игнорируя ее приказ остановиться. Но следующие слова Ли заставили меня замереть на полпути.

— День Валентина, — сказала она почти шепотом. — Вот о чем я думала, сидя здесь. Снова и снова. Я продолжала говорить себе, что спутала даты. Возможно... она перепутала даты. Я снова и снова спорила с собой. Говорила себе, что не могло быть такого, что пока я делала здесь

тесты на беременность, ты был где-то там и трахал других женщин. Ведь так? — своим тоном она умоляла меня подтвердить это. — Этого не могло произойти?

Этот надломленный, умоляющий тон голоса я не слышал до этого никогда. И я понял, что не хочу слышать его снова. Мысль о том, что я могу солгать, пронеслась у меня в голове. Но так же быстро, как и появилась, эта мысль исчезла. Я не мог лгать ей. Если солгу, она потом уже не поверит ничему, что я буду говорить в свою защиту. Я закрыл глаза и сказал ей правду.

— Это было всего один раз, — признался я. — И я больше всего на свете хочу все это исправить. Я хотел бы, чтобы этого не было, но...

— О, Господи! — ее голос дрогнул. Я смотрел, как она встала и вышла из спальни. Я последовал за ней в гостиную, наблюдая за ем, как она ходит кругами.

— Подожди! Пожалуйста, послушай меня, — умолял я. В этот раз мой голос слегка надломился. — После дня рождения я был смущен. То, что случилось той ночью, было... невероятно. И это единственное слово, которое я могу придумать, чтобы описать это. И пока я был в Австралии и Нью-Йорке, я мог думать только о тебе. Я думал о той ночи.

Она перестала ходить и повернулась ко мне, от нее исходили боль и злость. Это было в том, как она смотрела на меня, как поднималась и опускалась грудь и плечи, как она пыталась сдержать слезы. Это убивало меня. Ничего я не хотел больше, чем притянуть ее к себе и прижать ближе. Заставить боль и злость уйти.

— Когда Брайан сказал мне, что у тебя свидание, я... я не знал... — помедлил я секунду, пытаясь понять, как мне лучше объяснить свои действия. — Я ревновал и... был зол. Это не оправдание, но я позволил случиться тому, что случилось с Наталией, только потому, что был зол. На тебя.

— Зол на меня? — резко спросила она.

— Да, — ответил я. — Потому что ты так быстро это забыла.

— Так что, самый лучший способ пережить то, что случилось между нами, это лечь в постель с другой? — спросила она разочарованно. Это ощущалось, как нож в сердце.

— В то время да, я так думал, — признался я ей.

— Ух ты. Не могу дождаться, чтобы увидеть, что же ты сделаешь в следующий раз, когда я разозлюсь на тебя, — выплюнула она.

— Это не честно! — сказал я Ли. — Постарайся посмотреть на это с моей точки зрения. Я с ума сходил, думая о тебе. Когда я уезжал, между нами оставалось нечто незавершенное. Я знаю, что ты тоже это чувствовала, но никто из нас не сделал ничего, чтобы это прояснить. И это было ошибкой. Я должен был сказать что-то еще тогда. И ты тоже должна была! Мы оба не справились. Но мы уже давно не там, мы вышли за пределы этого.

— Почему? — пожалала она плечами. — Потому что у нас будет ребенок?

Я попытался не закатить глаза и игнорировать резкость в ее голосе.

— Ты знаешь, что это не так, — сказал я, делая маленький и медленный шаг в ее сторону. Мне нужно было направить нас туда, где мы могли бы поговорить рационально. Где она была бы достаточно спокойной, чтобы выслушать то, что я говорил. В то место, которое будет напоминать ей о том, через что мы прошли в последние месяцы. Кем стали друг другу. О чувствах, которые питали друг к другу и которые все изменили между нами. Место, где действия всего лишь одной ночи не влияли на то, что мы теперь стали парой.

— Мы все равно были бы вместе.

— Я так не уверена, — сказала она, скрещивая руки на груди.

— Да, ты уверена, — заспорил я. — Мы с тобой оба знали, что рано или поздно это произойдет, — я указал пальцем на нее и себя. — Я уверен в этом. Это было просто вопросом времени. И это просто ускорило из-за беременности.

— Ясно, это все из-за ребенка, — сказала она, повысив голос.

— Это не то, что я сказал! Прекрати переворачивать мои слова, — сказал я, повышая свой голос. Я быстро вздохнул и медленно выдохнул, зная, что необходимо оставаться спокойным, чтобы был хотя бы один шанс обсудить это сегодня вечером.

— Знаешь, насчет чего я уверена? — спросила она. — Я уверена, что если бы не беременность, наши жизни бы не изменились. Ты бы так же путешествовал по миру, иногда уезжая на несколько дней или недель. А я бы продолжала карабкаться по карьерной лестнице, пробивая себе путь к крупным делам, которые, знала, что получу, — небольшая улыбка появилась на ее губах. — Но случилось то, что я забеременела. И я вижу, что только моя жизнь изменилась. Ты все так же живешь своей жизнью, а я... — она коротко засмеялась. — Я пытаюсь справиться с этим каждый день.

Ее слова укололи меня.

— Как ты можешь так думать? Как ты можешь думать, что моя жизнь не изменилась?

— Не знаю... — сказала она, пожав плечами. — Может быть, потому, что колыбелька все еще в коробке. Несобранная, даже не раскрытая. Ты ее игнорируешь...

— Я не игнорирую ее, — начал защищаться я.

— Или, может быть, потому, что ты все еще продолжаешь путешествовать по миру, неизвестно как долго...

— Это моя работа...

Но, похоже, она была на коне и продолжала наступать.

— Может быть, потому, что мы вернулись домой на твоём джипе. Той самой машине, где нет окон, а двери тонкие, как бумага, — сказала она со злостью. — Я помню, как сказала тебе еще несколько месяцев назад, что машина не безопасная для ребенка. Но вот она, припаркована внизу.

Я покачал головой, пытаюсь побороть собственную злость. Я не бесчувственный. Я знал, что вместо Ли говорила злость. Ее ранил Нью-Йорк, и сейчас она пыталась компенсировать это. Но это не та игра, в которую мы с Ли играли. Мы никогда не обвиняли друг друга только для того, чтобы почувствовать себя лучше. Но также у нас никогда не было такого, чтобы наши действия причиняли столько боли. Но кого обвинять для меня было неважно. Было важным все исправить. И если бы мне пришлось вынести еще несколько ударов, чтобы она меня выслушала, я выдержал бы это. Я бы позволил ей нанести мне раны своей злостью, если бы это означало, что потом мы залечим их вместе.

— Ты не готов к этому, — сказала она, будто бы пришла к определенному решению. Абсолютно неверному чертову решению.

— Что?

— Ты не хочешь этого. Ты к этому не готов, — сказала Ли.

— Ты неправа, — настаивал я. — Золотце, я действительно этого хочу. Я хочу тебя. Больше, чем кого-либо.

— Меня возможно, — сказала она. — Но это больше, чем просто я, — она опустила скрещенные руки на живот, прикрывая его, почти защищая. От меня.

— Я знаю это, — сказал я ей. — Я хочу всех нас троих. Вместе. Вот об этом я хотел поговорить с тобой. О нашем будущем. Ли...

Я замолчал и с трудом сглотнул. Не так я планировал сказать эти слова, но если так нужно, чтобы доказать Ли, что она и ребенок — это все, чего я хочу, я сделаю это.

— Я люблю тебя, — сказал я ей.

Она моргнула, а затем отвела взгляд.

— Это такие простые слова для тебя, — сказала она.

Теперь пришла моя очередь моргать.

— Что это должно значить?

Она просто покачала головой.

— Ли, — сказал я, делая еще один шаг к ней.

— Мне кажется, тебе нужно время. Обдумать, чего ты действительно хочешь.

Я остановился прямо перед ней.

— Мне не нужно время, — заспорил я. — Я говорю тебе прямо сейчас. Я говорю тебе все. Я люблю тебя! Почему ты не слушаешь, что я говорю тебе?

— Я слушаю, — сказала Ли. — Я просто думаю, что ты не полностью понимаешь, что говоришь.

Если бы она меня ударила, не думаю, что был бы поражен больше.

— Как ты можешь говорить такое?

— Как я могу? — спросила она удивленно. — Я просто пытаюсь действовать обдуманно.

— Нет! Ты пытаешься сделать мне больно, потому-то думаешь, что я причинил тебе боль. И я это понял. Я даже могу это понять. Но не надо говорить, что мне нужно. Не говори мне, что ты лучше меня знаешь, чего я хочу. Потому что я говорю тебе. Я готов к этому. Это жизнь, которую я хочу.

— Тогда почему все еще в коробках, Шейн? Почему ты уезжаешь каждые несколько недель? Почему только я чем-то жертвую? — закричала она.

— Я тоже жертвую! — закричал я в ответ. — Я жертвую. Я отказался от работы, чтобы быть рядом с тобой. Чтобы пойти к доктору. Я оставался дома и массажировал твои ноги каждый вечер, чтобы тебе было легче. Я все делал, чтобы подстроить свое расписание под твое! — я знал, что мне необходимо сбавить тон, но я не мог сдержать себя. Не думаю, что когда-либо раньше я был так расстроен и раздражен. — Я делал все, что мог, чтобы облегчить тебе жизнь. Все, что ты хотела, я пытался тебе предоставить. Я даже трахал тебя, когда ты этого хотела!

В ту секунду, когда эти слова слетели с моих губ, я пожалел об этом. Я захотел забрать их, стереть. Я не то имел в виду, она должна была это знать. Но выражение ее лица после того, как я это сказал, я забуду нескоро. В уголках ее глаз зародились слезы, а затем скатились по щеке.

— Золотце, — начал я, чувствуя себя полным дерьмом после тех слов. Я поднял руку, чтобы дотронуться до нее, стереть слезы, но она быстро сделала шаг назад, будто с отвращением.

— Ну, — начала она, — по крайней мере, теперь я знаю, как ты себя чувствуешь на самом деле.

— Я не это имел в виду, — мягко сказал я, снова пытаюсь дотронуться до нее. Она еще дальше отошла от меня, направившись к двери. Я понял, что Ли собиралась уйти, прежде чем у нас появился бы шанс все исправить. Прежде, чем у меня появился бы шанс все исправить. — Не уходи, — начал умолять я. — Останься. Давай поговорим.

Она посмотрела на меня, но продолжила двигаться к двери.

— Думаю, мы достаточно наговорились.

— Нет, это не так, — сказал я, следуя за ней.

Я настиг ее и схватил за руку, пытаюсь остановить, но она меня оттолкнула.

Подняв руки, я уступил, принимая, что она не хотела, чтобы я к ней прикасался.

Медленно и спокойно я начал умолять:

— Пожалуйста, останься.

— Нет, — ответила Ли.

— Нет?

— Нет, — снова сказала она. — Я не могу быть здесь прямо сейчас, Шейн. Я не могу быть рядом с тобой прямо сейчас. Возможно, ты думаешь, что тебе не нужно время, но мне оно

нужно.

По моей спине пополз страх.

— Время для чего? — спросил я. — Ты... мы что, расстаемся?

Взгляд ли, наконец, остановился на мне, и печальное выражение ее глаз просто убило меня. Я потянулся рукой к двери, мне нужна была опора, чтобы остаться на ногах. Как мы могли расстаться, если были влюблены друг в друга?

— Золотце, — выдохнул я.

— Я... я не знаю, — сказала она. — Мне просто... нужно время.

— Сколько?

Она не ответила. Мы просто стояли и смотрели друг на друга, это мгновение показалось мне вечностью, а затем она повернулась и вышла за дверь. Я смотрел ей вслед и наблюдал за тем, как она шла по коридору и нажала кнопку лифта.

Я говорил себе, что это неправда, этого просто не могло быть. Я говорил себе, что если бы Ли повернулась, просто посмотрела на меня, она бы прибежала назад. Потому что она бы увидела, как я люблю ее, как хочу ее, насколько она мне важна. Что значит для меня эта семья из трех человек, которой мы собираемся стать. Она бы увидела, что я не имел в виду ничего из того, что слетело с моих губ. И я увидел бы то же самое. Я бы понял, что она не имела в виду ничего из того, что сказала. Что ей не нужно было время. Что она не хотела уходить прямо сейчас.

Что она тоже меня любила.

Пожалуйста, Ли. Пожалуйста, повернись и посмотри на меня.

Двери лифта открылись. Она немного помедлила, но этого было недостаточно. Ли сделала один шаг, затем другой, и скрылась в лифте. Двери закрылись, и она уехала, не оглянувшись.

Не знаю, сколько времени я стоял в дверях, не в состоянии понять, как так мог обернуться этот день. Этот день должен был закончиться тем, что мы бы двинулись дальше вместе. Вместо этого я остался один. Я не мог пошевелиться, а расстояние между нами росло все больше и больше с каждым ее шагом.

Я закрыл дверь после того, как понял, что она не вернется, и упал на диван, откинув голову на подушки. Я сидел и проигрывал в голове все, что только что произошло. Слова, которые мы использовали, нашу злость. Я пытался осмыслить то, что привело нас к этому, но, казалось, мой мозг не мог справиться с этим прямо сейчас. Как могли пять минут изменить все? Изменить все минуты в моей жизни?

Не знаю, как долго я так просидел, но даже не заметил, как прошло время и село солнце.

Через некоторое время передо мной появилась бутылка пива. Прежде чем открыть ее, я посмотрел на руку, которая мне ее предлагала; Брайан сел рядом со мной.

Свет в квартире все еще был выключен, в комнате было темно. Я понятия не имел, сколько было времени, но, должно быть, прошло несколько часов с тех пор, как Ли ушла. Я сделал большой глоток, даже не понимая, насколько хотел пить.

— Все пошло не так, как было запланировано? — осторожно спросил Брайан.

Я почти подавился.

— Нет, — сказал я, почти смеясь над тем, как неожиданно все обернулось. Я сделал еще один глоток из своей бутылки. — Даже близко не так, как хотелось.

Шейн

Я никогда не был парнем, который заикливался на разрыве. Отношения начинались и заканчивались. Я никогда не чувствовал страха от того, что мог дать ускользнуть той самой девчонке. Никогда не переживал из-за того, что проснусь в один день и буду страдать от потери. Я никогда не испытывал такого, потому что знал, что еще не нашел свою вторую половинку. Конечно, мы хорошо проводили время, и я оглядывался назад с улыбкой, но не с сожалением.

И если ничего не получалось, то это было к лучшему. Я верил, что для этого должна была быть причина. Что где-то был человек, предназначенный для меня в совсем другое время. И если честно, я не особо торопился найти ее. Мне нравилось путешествие. Мне нравилось идти этой дорогой, которая, в конце концов, привела бы меня к ней.

Но вот все изменилось, и я остался впервые... с разбитым сердцем. Я не только нашел эту самую девушку, но, оказывается, я был настолько слеп, чтобы заметить, что все это время она была рядом со мной и шла той же дорогой.

Прошло уже три дня с тех пор, как Ли ушла от меня и не оглянулась. Три дня я вынужден был жить в таком кошмаре, что представить трудно. Сожаления, боль, полнейшая агония. Жалость, что ничего не мог изменить, стереть, избавиться от боли.

Когда Брайан сказал, что люди либо влюблены, либо жалки, он ошибался. Потому что я и влюблен, и жалок. Так влюблен в Ли, что это причиняет боль; по уши влюблен и жалок.

Каким наивным я был все это время. Думать, что это было в моей власти, контролировать как и когда влюбиться. Я никогда это не контролировал. В течение шести лет, с того момента, как я встретил Ли на той вечеринке, я ничего не контролировал. Хотел бы я понять это тогда. Я бы не стал попусту тратить время. Я бы сильнее боролся за нее, оттолкнул бы в сторону любого, чтобы только быть с ней. Я бы не позволил нашему времени пропасть, особенно, если оно такое короткое.

Мы не разговаривали с тех пор, как она ушла. Я боролся с собой каждую секунду, только чтобы не побежать за ней, не позвонить ей, не умолять выслушать меня. Я хотел убедить ее, пообещать ей. Не оставить никакого места для сомнений, недоверия. Я бы убедил Ли в том, что нет никаких сомнений насчет меня, моих чувств, желаний.

Я никогда не знал и не был готов к тому, насколько может уменьшиться сердце после того, как оно так возросло. Мое сердце увеличилось не только из-за Ли, но также из-за человека, которого я еще даже не видел. Маленький незнакомец, который изменит меня до конца жизни. Из-за этих двух людей мое сердце выросло так сильно, что для меня это было удивительно, как оно вообще умещалось в моей груди.

Я не из тех парней, которые заикливались из-за разрыва. Отношения начинались и заканчивались. Но сейчас это были не просто отношения, и это был не просто разрыв. Моя жизнь разрывалась на три части, оставляя меня сломленным.

— Привет, — кивнул Брайан, проходя через входную с двумя чашками кофе и газетой в руках. Он вручил мне чашку, и я поблагодарил его с горькой улыбкой.

Я вернулся к своему компьютеру, к снимкам, которые редактировал последние два дня. Обычно у меня бы это заняло всего пару часов, но уровень моей концентрации был равен нулю.

Брайан подошел сзади, оценивая изображение на экране. К его сожалению, это не были фотографии женщин в нижнем белье. Это были закаты над водой и лодки, пришвартованные у пирса. Небольшой заказ для туристического сайта Майами.

— Что это? — спросил он, схватив инструкцию и усевшись на угол стола.

— Новая машина, — ответил я, едва удостоив его взглядом.

— «Ауди Q5», — сказал он удивленно. — Где ты это взял?

Я откинулся на спинку стула и посмотрел, как Брайан листал страницы.

— Забрал ее вчера, но купил несколько недель назад. Исследования показали, что это одна из самых безопасных машин. Предполагалось, что это будет сюрприз для Ли.

Покупая машину, я думал, что Ли будет в восторге. Отличный способ показать ей, насколько мне хотелось, чтобы мы были семьей. Что я готовился. Я просмотрел больше десятка различных машин, их гарантии безопасности, уровень комфорта, пространство. Я думал, что все будет важно для растущей семьи. Я даже погуглил, что надо искать, чтобы ничего не забыть. У меня было много требований, так что они были вынуждены специально заказывать мне машину. Продавец позвонил мне на следующий день после того, как ушла Ли, и сказал, что машина готова. Как они там говорили? Время решает все?

— Мило, — сказал Брайан. — Ну, можешь бросить ей это в лицо.

— Я не хочу ничего бросать ей в лицо, — сказал я, выхватывая инструкцию из его рук. — Оно не для этого.

Я знал, что Брайан хотел помочь по-своему. Защищая меня, как и любой друг защищал бы. Он был единственным, кто видел меня в последние несколько дней. Единственный, кто был свидетелем того, через что я проходил. Ему было просто переложить всю вину на Ли.

— Ну, может быть, и следовало бы, — заспорил он. — Пора бы ей уже дать тебе возможность все рассказать. У нее был шанс! И если ты меня спросишь...

— Я тебя не спрашиваю, — сказал я, потирая глаза от усталости.

Брайан направился к дивану и сел.

— Я все еще не понял, почему она разозлилась. Вы не были вместе в то время, когда ты трахнул ту девчонку, — сказал он, качая головой. — И что? У тебя был секс с кем-то другим. Или ее беременный мозг не позволяет ей оценить, когда это произошло? Ты не обманывал ее. Она просто наказывает тебя, потому что может. Все женщины думают, что могут так делать.

Я повернул свое офисное кресло к нему, отклоняясь на спинку и выгибая бровь.

— Все женщины?

— Все, — повторил Брайан, прежде чем отпить кофе.

— Точно, — сказал я, складывая руки на животе. — Включая Кендалл?

Брайан фыркнул.

— Эта уж точно, — сказал он. — Она наказывает меня за любую мелочь. Если я скажу что-нибудь не то или сделаю что-нибудь не так. Минуту назад она хочет этого, а в следующую — уже нет. Как я должен поспевать за ней? Она чертова сумасшедшая.

Я знал, как и сам Брайан, что она не была сумасшедшей. Мне на самом деле нравилась Кендалл. Она милая девушка с головой на плечах. За исключением того, когда это касалось Брайана.

— Вот, например, прошлой ночью, — начал он, садясь напротив меня, — она вышвырнула меня из своей квартиры за то, что я сделал то, что она просила.

Я выгнул бровь, ожидая услышать больше, прежде чем смогу судить.

— Мы были в середине потрясающего секса, когда я шлепнул ее. Почему? Потому что на протяжении многих лет я слышал: «Кристиан чертов Грей это, Кристиан чертов Грей то». Эти идиотские книги стоят у нее на прикроватной тумбочке. Так что я сделал то, о чем она меня просила. Но получил ли я минет в благодарность? Черт, нет. Наоборот, она спихнула меня с себя и сказала, что я не понимаю ее и не уважаю. Она просто вышвырнула меня, — закончил Брайан.

Я прикусил внутреннюю сторону щеки.

— Ты читал «Пятьдесят оттенков»?

— Я смотрел фильм, — сказал он, закатив глаза. — Вся штука в том, что женщины говорят одно, а ожидают совсем другое.

Я изучал его, пока он все это говорил. Я никогда не спрашивал Брайана, почему он продолжает все это с Кендалл, отчасти из-за того, что за этим забавно наблюдать. Но сейчас, после того, как я прошел через то, что, возможно, стало самыми ужасными днями моей жизни, мне было интересно, почему он выбирал проходить через что-то подобное снова и снова. Он был влюблен в Кендалл — это было очевидно для всех. Никто бы не стал это продолжать, если бы не был влюблен. Даже если он и не признавался в этом ей или себе.

— А ты когда-нибудь думал, что она хочет от тебя не... — я сделал паузу, опустив голову на мгновение, подбирая правильное слово, — ...физическое? Может быть, она ждет от тебя что-то большее на эмоциональном уровне?

Наши взгляды встретились.

— Я не чертов придурок, — сказал Брайан, опустив голову, прежде чем сделать еще один глоток кофе. — Я знаю, что она хочет.

— Тогда почему ты продолжаешь делать все это? — спросил я. — Почему бы не дать ей то, что она хочет? Сказать ей. Ты бы не продолжал возвращаться к ней, если бы сам не хотел.

— Потому что я не должен был встретить ее так рано! Мне было двадцать, когда я встретил Кенни, — сказал он. — Я должен был ходить на вечеринки, снимать цыпочек до тех пор, пока мне не исполнится тридцать, а затем, возможно, я задумался бы о том, чтобы остепениться. После подумал бы о том, чтобы влюбиться и все такое. Эти годы должны были быть только для меня. Но она всему этому помешала. И иногда... — он посмотрел на меня, немного ошеломленно от того, что, наконец, признал это, — ...я виню ее в этом.

Брайан никогда еще не говорил так откровенно о Кендалл и своих чувствах к ней. Мы с Ли совсем немного были вместе, а меня уже убивало то, что я находился вдали от нее. Как Брайан терпел все это на протяжении многих лет?

— Значит, это не только у меня, — сказал я.

Он выгнул бровь, не понимая.

— Чертовски влюблен или чертовски жалок, — напомнил я ему. — Ты — и то, и другое.

Брайан усмехнулся.

— Ну кто находит свою родственную душу, когда тебе только двадцать? — спросил он.

Я скопировал его смех.

— Думаю, что мы, — сказал я. — А сейчас мы наказаны за то, что не осознали это так, как должны были.

— И ты считаешь это нормальным? — спросил Брайан.

— Конечно, нет, — подтвердил я. — Каждая минута, что проходит, а она не пытается связаться со мной, как пытка. Каждую минуту, что держит нас на расстоянии и не позволяет нам решить все это, мне приходится сдерживать свою злость. Мне нужно напоминать себе, что ей больно из-за меня, независимо от того, что я не согласен. Каждую минуту я борюсь с желанием пойти к ней, привязать к стулу и заставить выслушать меня. Но я знаю ее. И знаю, что если пойду туда сейчас, она не будет слушать. Она только будет бороться со мной еще сильнее. Так что вместо этого я вынужден сидеть здесь. Ожидая, пока она не будет готова. Хотя это и убивает меня. Так что нет, я не считаю это нормальным.

Брайан поднял свою чашку кофе и улыбнулся.

— Ну, за то, чтобы быть чертовски влюбленным и чертовски жалким, — сказал он, прежде чем сделать глоток.

Я улыбнулся ему в ответ.

— И за женщин, которые подталкивают нас к этому.

* * *

Тем вечером, после того, как я все еще не услышал от Ли ни слова, я направился в центральную часть города к зданию, с которым у меня были связаны разные воспоминания. Счастливые воспоминания, как я ребенком ходил проверить папу на работе, как бежал к лифтам, потому что хотел нажать на кнопку. Как выглядывал из окна его кабинета, прислонив голову к стеклу, чтобы разглядеть людей внизу. Только благодаря этому зданию и тому, что происходило внутри него, у меня было такое детство.

Тот образ жизни, что я вел, то, что смогли дать мне мои родители.

Но это здание также представляло конфликт, который произошел между мной и моим отцом. То, что нам никак не удавалось взглянуть на вещи с точки зрения другого. В течение долгого времени это здание было символом того, чего я не хотел видеть в своей жизни. Это здание заставило меня в равной степени добиться чего-то в жизни самому, а также сделало меня высокомерным засранцем. И заставило думать, что я смогу.

Я поднялся на лифте на двенадцатый этаж, где «Карлайл Корпорейшн» вела свой небольшой бизнес в мире маркетинга. Сегодня вместо того, чтобы чувствовать себя пойманным в ловушку и ограниченными этими стенами, они давали мне утешение. Новую надежду. Еще один шаг к новому будущему, которого я так хочу, если мой план не провалится.

Я прошел мимо ресепшена, помахав администратору, который видел меня здесь достаточно, чтобы не спрашивать удостоверение личности или к кому я здесь пришел. Я прошел по коридору, наблюдая, как остальные рьяно работали. «Карлайл Корпорейшн» — одна из самых востребованных в городе фирм в сфере маркетинга и ворочает большими деньгами. Чтобы остаться в этой фирме, от тебя ожидается две вещи: всегда продвигать свою лучшую работу и никогда не позволять другим присваивать ее себе. Это может показаться беспощадным, но все эти люди живут в мире маркетинга и рекламы. Это очень конкурентная сфера, и если ты хорош в ней, то небольшая доля здоровой конкуренции сделает тебя только сильнее. До меня доносились слухи, что если ты продержался год в «Карлайл Корпорейшн», значит зарекомендовал себя в мире рекламы.

Перед кабинетом отца за столом сидела его секретарша Морин. Она была рядом с ним с самого начала. Ее волосы, возможно, и были немного седые, а морщинки на лице глубокие, но не позволяйте этому себя одурачить. Проскочить мимо нее, чтобы увидеть моего отца, было сложно. Только если вы не были мной.

— Малыш, дай-ка я на тебя посмотрю, — воскликнула она, выходя из-за стола. Морин называла меня «малышом» с тех пор, как я себя помню. Когда был подростком, я умолял отца сказать ей прекратить так меня звать, так как я боялся, что кто-нибудь мог услышать. Но сегодня это заставило меня улыбнуться. Учитывая, в какой хаос превратилась моя жизнь, было приятно слышать что-то знакомое и постоянное. Даже если это всего лишь прозвище.

Обежав вокруг стола, в своей строгой юбке, пиджаке и с очками, висевшими на длинной цепочке, она заключила меня в теплые объятия. Насколько я помню, Морин всегда пахла, как печенье. И сегодня не исключение. Как только она высвободила меня, я заметил, что она все еще носила жемчужное ожерелье, которое подарила ей моя мама на двенадцатую годовщину работы с моим отцом. Кому-то могло показаться это странным, что мама подарила секретарю отца

такой подарок, но только не тем, кто по-настоящему знал мою семью.

Ни для кого не секрет, как отец успевал вовремя на мои школьные выступления, кто организовывал обеды на годовщину свадьбы, кто напоминал ему о днях рождениях и прочих событиях. Мама и Морин создали что-то типа товарищества много лет назад и стали одной командой.

— Привет, Морин, — сказал я, в то время как она обхватила мое лицо ладонями, изучая меня.

— Как ты, дорогой? О, и ребенок! Как ты мог не прийти и не сказать мне сам? — отругала она меня. — Ну, и когда этот комочек придет поздороваться с тетушкой Морин?

Я засмеялся.

— Как только он родится, — пообещал я.

— Он?

Я покачал головой.

— Просто предчувствие.

Морин засмеялась, делая шаг назад и возвращаясь к себе на место.

— Он тебя не ждал, — сказала она, указав на кабинет отца.

— Я знаю, — кивнул я. — Я просто надеялся, что отец смог бы уделить мне несколько минут. Он занят?

— Как и всегда. Но для тебя... — она кивнула в сторону двери. — Заходи. Не стучи! Всегда забавно удивлять его чем-то незапланированным, — сказала она, посмеиваясь.

— Как только ты не потеряла еще свою работу, — поддразнил я.

— О, я тебя умоляю. Он бы развалился на части без меня, — сказала Морин, отмахнувшись от моего комментария.

Я улыбнулся и направился к двери, удержав себя от того, чтобы не постучать, прежде чем войти.

— Морин, сколько раз... — начал мой отец, а затем поднял взгляд. — Шейн, — сказал он удивленно.

— Она сказала мне войти, — ответил я, как нашкодивший ребенок.

— Конечно, она так сказала, — ответил отец, качая головой. Он махнул рукой, приглашая меня в кабинет.

Я прошел в середину комнаты, осознавая каждый свой шаг. Я видел, что отец наблюдал за мной, ожидая, что я подойду ближе. Он не тот человек, который встретит тебя на полпути. Он будет ждать, пока ты не подойдешь к нему, и не важно, сколько это может занять времени. Я медленно подошел к одному из двух кресел напротив его стола и сел. Он уже знал, что я был здесь, чтобы попросить о помощи. Это было написано у меня на лице. Но для меня это было совсем не просто.

— Я слышал, ты опять попал в ситуацию с Ли. На этот раз ситуация другого характера, — сказал он, отклоняясь на спинку кресла.

— Что-то типа того, — ответил я, положив ногу на ногу. Меня не удивило, что он уже знал об этом. Мама, должно быть, ему сказала, а ей сказала Ли. За последние несколько месяцев мама и Ли стали очень близки.

Я не знаю, что конкретно Ли сказала ей, но точно, что мы немного повздорили и нам нужно немного пространства. Мне пришлось отправлять мамы звонки на голосовую почту до неприличия много раз. Беспокойство в ее голосе только увеличивало мою собственную обеспокоенность, так что мне пришлось прекратить слушать ее сообщения.

Я оглядел кабинет отца, и почти так же, как и дома, он был обставлен темной мебелью и бесконечным числом книг на полках. Окно, к которому я прислонялся лбом в детстве,

пропускало солнечные лучи и предоставляло невероятный вид на центр города.

Отец снял очки, положил их на стол перед собой и снова посмотрел на меня — это был знак для меня продолжать. Но я лишь молчал. Я продолжал сидеть в его коричневом кожаном кресле, играя ниточкой от моих джинсов.

— Я предполагаю, что ты пришел за чем-то, — спустя некоторое время сказал отец.

Я кивнул, потому что это было правдой. Я действительно пришел к нему за кое-чем. Возможно, за больше, чем одной вещью. Совет? Его компания?

— Ли довольно сильно разозлилась на меня.

— Я знаю.

— Я не знаю, как это исправить.

— И ты пришел сюда, думая, что, возможно, я знаю ответ? — спросил он, насмехаясь надо мной.

— У тебя обычно есть что сказать, — ответил я, натянуто улыбаясь.

Я смотрел, как отец покачал головой, его усмешка стала еще шире. Он встал с кресла и обошел свой большой, махагонового цвета стол, усаживаясь в пустое кресло рядом со мной.

— Ты обычно не любил это слушать, — сказал он.

— Возможно, и сейчас не люблю.

— Тогда зачем ты здесь?

Я тяжело выдохнул.

— Потому что, отец, ты знаешь, как исправить многое.

— Не всегда, — сказал он, постукивая рукой по ноге. — Твоя мать однажды меня бросила.

Я резко повернул голову в его сторону.

— Нет, она не могла, — сказал я, не веря его словам.

— О, да, уверяю тебя, — ответил он, улыбаясь воспоминаниям. — Это было до твоего рождения. Даже до того, как она забеременела. Твоя мать говорит, что «бросила» слишком сильное слово, но, поверь мне, именно это она и сделала, — он указал на меня. — Это было тогда, когда «Карлайл Корпорейшн» арендовала небольшой офис на другой стороне города. Обычно я проводил там много времени. С раннего утра и до позднего вечера. Работал, не переставая, чтобы построить эту компанию, сделать ее такой, какой, я знал, она будет в конце концов. Такая, как сейчас. Временами я думал, что ничего не было таким важным, как начать этот бизнес. Сделать имя Карлайлов известным каждому! Это должно было быть нашим будущим. Твоим будущим, — сказал он непреклонно. — Все, за что еще был ответственен, я отодвигал, потому что верил — то, что я строил, стоило жертв. Стоило видеть твою маму все меньше и меньше. Стоило долгих дней и бессонных ночей. Потому что эти мои жертвы должны были построить что-то для нашей семьи.

Он сказал это все с убеждением и гордостью. Это напомнило мне, почему я ищу одобрения отца даже тогда, когда мы с ним проводим столько времени, ругаясь.

— И ты сделал это, — сказал я. — Ты построил нечто грандиозное.

Он улыбнулся и оглядел кабинет.

— Да, я сделал это. Но за цену, которую не ожидал заплатить.

Я посмотрел на него с непониманием.

— Было слишком поздно, когда я осознал, что не только я один приносил что-то в жертву. Все те ночи, когда я не спал, все те часы, которые проводил в том маленьком офисе, все то время, что я пожертвовал твоей мамой, мне никогда в голову не приходило, что ей не понравится та жертва, о которой я ее попрошу, — отец выпрямился и наклонился ко мне. — Я никогда не думал о том, чем стала ее жизнь в те месяцы, в первый год. Я оставил ее в одиночестве и думал, что она будет меня ждать, когда я закончу. В один день она перестала.

— Не могу представить, что такое было, — сказал я шокировано.

— Это было, — ответил отец.

Я наблюдал, как он думает о тех временах, проигрывая в голове сцены из воспоминаний.

— Однажды у меня был первый крупный клиент. Как только контракт был подписан, я не мог дождаться, чтобы сказать твоей маме. Показать ей, что все это того стоило. Что компания справится.

— Что она сказала?

Отец засмеялся.

— Ничего. Ее не было дома. Она уже ушла к своей сестре, тете Абби. Она ушла за две недели до этого, а я... забыл. Ты можешь в это поверить? Я забыл, что твоя мама съехала. И тогда я понял, что все, для чего работал, не имело значения, если рядом не было твоей мамы.

— Что ты сделал?

— А как ты думаешь? — сказал он, пожав плечами, прежде чем взглянуть на меня. — Я поехал за ней.

Я коротко рассмеялся.

— Перебросил ее через плечо и потащил домой?

Ухмылка появилась на его лице.

— Не совсем, но недалеко от истины, — он поерзал в своем кресле и скрестил ноги. — Я поехал к Абби и отказался уходить до тех пор, пока твоя мама не поедет домой со мной. Сидел прямо там, на диване, пока они обедали, а мне ничего не предлагали. Затем смотрели сериал «Даллас». Два часа. Я знал, что они пытались избавиться от меня, но я стоял на своем до тех пор, пока она не сдалась. Она позволила мне все объяснить и поняла, что уходить я не собирался. И тогда я сказал ей, что ничто из того, чего я достиг, не имеет значения без нее. Что успех был только благодаря тому, что она была рядом, и я мог его с ней разделить. Что у меня заняло слишком много времени, чтобы понять, что это не только мой успех. Он наш общий. Вместе. Я спросил ее, что должен сделать, чтобы доказать, что наконец-то понял это. И она дала мне список, — засмеялся он. — Бумага, которая была у нее уже в кармане. Список требований.

— Что было в списке?

Отец посмотрел на меня, выражение его лица стало серьезным.

— Только одно. Всегда ставить друг друга на первое место.

— И все?

— А что еще нужно? — тут же спросил он.

— Я не знаю. Я не знаю, все ли так просто сейчас, — ответил я.

— Все всегда просто, Шейн. Ставить друг друга на первое место — вот что держит людей вместе.

— Ли не верит мне, когда я говорю ей, что готов поставить ее и ребенка на первое место. Или просто не хочет мне поверить.

Отец опять пожал плечами.

— Тогда, может быть, тебе нужно показать ей это действиями, а не говорить.

— И как мне это сделать? — спросил я, повернув голову к нему. — Пойти к ней домой и усесться на ее диван?

— Ты думаешь, это сработает? — спросил он, ухмыляясь.

— Я не уверен, что она даже откроет дверь, — сказал я. — Думаю, мне надо сделать нечто большее, чем просто прийти и сесть.

— Ну так подумай над этим. Подумай, что ей надо увидеть, чтобы поверить тебе, — сказал он. — Когда мужчина достаточно отчаётся, он способен на многое.

Я слегка засмеялся.

— Буду знать, потому что я довольно отчаялся. Прямо сейчас, кажется, что я перед огромной чертовой преградой.

— Преграда на дороге также может быть и трамплином, — ответил он.

Я улыбнулся, думая над тем, кто же мне это раньше говорил.

— Мама так говорит.

— А она всегда права, — добавил он.

Я кивнул.

— Спасибо, пап.

Он улыбнулся, встал с кресла и пошел назад к своему месту. Он поднял очки и надел их, прежде чем взяться за документы. Когда отец заметил, что я еще не встал, он вопросительно посмотрел на меня.

— Что-то еще?

Пришло время для настоящей причины, почему я здесь. И после этого разговора с отцом, я чувствовал себя лучше. Я устал от борьбы, объяснений, заверений. Устал от того, что делал все по-своему, чтобы доказать что-то. Но проблема в том, что это бы сработало, если бы я был один.

Это бы сработало, если быть с Ли и строить с ней семью было бы для меня на втором месте. А я не хотел, чтобы наши отношения были на втором месте. Я хотел, чтобы они находились на первом месте. Мне было нужно, чтобы они были на первом месте. И если Ли не хотела меня слушать, то, возможно, отец был прав, мне нужно ей это показать.

— Да, есть, — сказал я, вставая. — Я хотел бы поговорить с тобой о предложении о работе.

* * *

Когда я приехал домой, мне уже было немного лучше. Я начал разрабатывать план. План, как показать Ли, что она и наш ребенок у меня на первом месте. План, как показать ей, что когда я представлял свое будущее, все, что я видел, это она и наш ребенок. И не потому, что у меня не было выбора, а потому, что они мой выбор. Я также должен был напомнить ей, что до беременности мы уже были вместе. Возможно, тогда это выглядело по-другому, но это было правдой.

Брайан сидел за столом на кухне и просматривал какие-то бумаги.

— Привет, — сказал я, проходя на кухню и доставая пиво из холодильника.

— Как ты? — спросил он, кивнув мне.

— Просто уладил кое-какое дело. А ты?

Он показал на бумаги перед ним.

— То же самое.

Я начал осматривать квартиру, мысленно передвигая некоторую мебель. Создавая у себя в голове безопасное пространство для ребенка. Сделал в уме пометку, поискать в интернете защитные шгуки для ребенка. Это привело меня к тому, что нужно поговорить с Брайаном.

— Послушай... — начал я.

Он поднял голову от бумаг, которые читал, и мое внимание привлекла красная ручка, которую он перекачивал между пальцами.

— Я тут думал. Для меня все скоро поменяется. По-крупному. И мне нужно начать готовиться к этому. Подготовить это место для этих перемен.

Брайан вопросительно приподнял брови и выпрямился на стуле.

— Слушай...

Он поднял руки вверх, прерывая меня.

— Шейн, я понял, — сказал он, улыбаясь. Он пододвинул пачку бумаги ко мне и повернул так, чтобы я смог прочитать. Это был список риэлторов. И квартир в аренду.

— Ты не злишься? — спросил я, просматривая бумаги.

— Не будь идиотом, — сказал он, забирая у меня бумаги. — Правда в том, что я сам искал причину, чтобы уехать из этого печального места. Ты на самом деле сделал мне одолжение, связавшись с Ли.

Я увидел искорки в его глазах, но и что-то еще. Я понял: то что у меня будет ребенок, поменяло все и для него. Потому что если бы не ребенок, мы бы оставались соседями намного дольше. Как Берт и Эрни. Нет, подождите, плохой пример. Больше, как Джоуи и Чендлер.

— Конец эры, — сказал Брайан.

Я улыбнулся.

— Спасибо за... ну ты знаешь, — сказал я, указывая на стопку бумаг.

Он отмахнулся от этого, будто это ничего не значило, но мы оба знали, что это было не так.

— Так, когда мне нужно съехать?

— В скором времени, — честно сказал я ему. — И мне также понадобится твоя помощь кое в чем еще.

Он кивнул, ожидая услышать, что же мне от него нужно. Мне было не по себе от того, о чем я собирался его попросить, но, как сказал мой отец, отчаявшийся мужчина...

Ли

Я читала и перечитывала одно и то же предложение снова и снова. За последний час я смогла осилить только эти восемь слов. Первые восемь слов из документа длиной почти в пять тысяч слов. Вы, возможно, думаете, что спустя час чтения этих слов, я их запомнила? Понимаю, что они означают? Что смогу не только повторить все предложение, но и повторить его по буквам? Но если бы кто-нибудь пришел сейчас в мой кабинет и спросил, какое первое слово в предложении, я бы не назвала его.

Вот такая у меня была неделя.

С тех пор, как я ушла от Шейна, каждый день был одинаковым. А я — полностью потерянная, но усердно пытающаяся притворяться.

Я приходила на работу рано, надеясь заставить свой мозг думать над чем-то еще, и оставалась до позднего вечера, потому что весь день был потерян от того, что я думала только о нем. Я сидела за столом часами, уставившись в компьютер и ничего не делая.

И дома было не лучше. Мои глаза слипались, но я не могла заснуть. Я все время была голодна, но не могла есть. Я скучала по Шейну так, что это причиняло боль. А из-за того, что было больно, я в итоге злилась. За одно, за другое, за все. Я обвиняла Шейна в том, как проходили мои недели. Я обвиняла его в том, что он не покидал мои мысли и не выходил из головы. Я обвиняла его за одиночество. Я обвиняла его в том, как болело мое сердце из-за этого. Я обвиняла его за то, что вообще болело мое сердце. Я всегда могла справиться со всем сама, потому что я так жила. Возможно, за это я его больше всего обвиняла. Что он превратил меня в кого-то, кто нуждается в другом человеке.

Я никогда не была такой. Никогда не хотела быть такой. Я была сильнее такой девчонки.

А теперь стала именно такой девчонкой.

Я не знала, произошло ли это медленно или сразу, но так случилось. Шейн не просто был частью моей жизни, теперь он полностью завладел ею. А я по глупости позволила этому произойти.

Я позволила, потому что он дал мне почувствовать то, что я никогда не ожидала. Это произошло, потому что настолько же, насколько было странным вначале, это стало таким естественным для меня. Это произошло, потому что я по глупости влюбилась в своего лучшего друга.

А затем кое-что произошло за пределами «Баоли». Правда начала выходить наружу. То, что я пыталась игнорировать, но оно неизбежно показывало свою уродливую голову на том тротуаре. Отстой встретиться лицом к лицу с женщиной, с которой он спал, пока я писала на палочки, но она не была той правдой, с которой я не хотела встречаться. Наша правда уходила куда глубже. Колыбелька была все еще упакована, его квартира была совершенно не подготовлена к тому, что должно было произойти, и я поняла, что жизнь Шейна не изменилась. И не менялась. Он продолжал жить той же жизнью, за исключением маленькой детали — причины, которая свела нас вместе. Мы были вместе не потому, что так должно было произойти. Мы были вместе потому, что были вынуждены. Я вынудила нас быть вместе. Принудила его к отношениям длиной в жизнь из-за решения, которое приняла несколько месяцев назад в кабинете у врача. Я не дала Шейну шанс влюбиться в меня. У него никогда не было шанса. Осознание этого злило меня, но я срывалась на нем.

Я никогда не сомневалась, что Шейн заботится обо мне. Никогда не сомневалась, что Шейн

будет хорошим отцом для своего ребенка, как только тот родится. И мы можем быть семьей, просто не в традиционном смысле.

И этот ребенок заслуживает такой семьи больше, чем вынужденной традиционной. Как бы ни было это трудно, я должна отступить, потому что ни ребенок, ни я не могли быть частью плана Шейна — его будущего из-за обстоятельств. Так что буду держать дистанцию. Дам нам время все обдумать. Дам ему время все обдумать. Я отказывалась загонять нас в ловушку традиций, потому что был велик шанс, что мы для этого не подходили. Я знала, что не могла продолжать винить Шейна за то, где я — мы — находились сейчас. Это я привела нас к этому.

На мгновение я закрыла глаза, повторяя себе, что когда открою их, перечитаю эти восемь слов в последний раз и, наконец, пойму их смысл. Дам отдых сердцу и начну использовать мозг.

Живот заурчал, еще раз напоминая мне, что я пропустила завтрак. И не прошло и секунды, как ребенок пнул меня несколько раз по ребрам, давая понять, насколько он или она был недоволен тем, что его не покормили. Я сказала себе, что мне следует пойти в кафе, взять что-нибудь поесть и покормить нас обоих, но мои ноги не слушались. Волна сильной усталости накатила на меня так, что я была не в состоянии двигаться. Так что вместо этого я осталась сидеть в кресле с закрытыми глазами, мысленно повторяя себе, что мне нужно только еще несколько минут, и я смогу встать.

Стук в кабинет заставил меня открыть глаза. Как обычно без разрешения Холли прошла внутрь, держа в руках несколько папок.

— Быстрый вопрос о тех файлах, что ты мне отправила, — начала она, но остановилась, как только наши глаза встретились. — Ох, ты неважно выглядишь.

— Спасибо, — тихо сказала я, слегка обидевшись.

— Ты нормально себя чувствуешь? Выглядишь немного бледной.

— Вот что случается, когда блеск беременности уходит. Ты выглядишь вот так, — сказала я, помахав рукой перед лицом.

Холли прошла дальше в мой кабинет и встала прямо напротив стола, на ее лице промелькнула обеспокоенность.

— Я в порядке. Правда, — заверила я ее. — Мне просто нужно поесть.

— Давай я принесу тебе что-нибудь, — предложила она. — Что бы ты хотела?

— Все равно что, — ответила я.

Холли кивнула и повернулась, чтобы уйти.

— Подожди, — остановила я ее. — У тебя был вопрос?

Холли обернулась, вспоминая причину, по которой пришла ко мне.

— Да, — сказала она, показывая на папки в руках. — Я стала проверять файлы по делу, которые ты мне отправила по почте, но я не поняла. Я не понимаю, как они связаны с...

Она не закончила свою мысль, потому что Кассандра появилась у меня в дверях. Она быстро кивнула Холли и повернулась ко мне:

— Ли, я все еще жду тот краткий отчет. Я хотела бы его просмотреть перед судом завтра.

Я быстро поднялась с кресла, слишком быстро, потому что внезапно у меня закружилась голова.

— Да. Мы с Холли как раз это обсуждали. Мы закончим в течение часа, — пообещала я, держась руками за стол, чтобы не упасть. Я знала, что тянуть время нежелательно, но все равно улыбнулась, игнорируя беспокойство о том, что мне не хватит времени.

Всего лишь на мгновение я перевела взгляд на Холли, но этого было достаточно, чтобы увидеть и ее обеспокоенность. Определенно была какая-то проблема, о которой я еще не знала. И теперь у меня не только кружилась голова, но еще и шея начала потеть.

— Хорошо, — сказала Кассандра и коротко кивнула. — Один час, — она повернулась,

чтобы уйти.

Я посмотрела на Холли. Мы обе проводили Кассандру взглядами, затем я села обратно в кресло, пальцами массируя виски, надеясь избавиться хотя бы от одной проблемы.

— Один час — это сложно, — сказала Холли.

Я кивнула, даже не посмотрев на нее.

— Я знаю. Будет хорошо, если мы сделаем это в течение двух часов.

— Это тоже будет проблематично.

Я удивленно посмотрела на Холли.

— Почему?

— Поэтому я и пришла к тебе. Документы, что ты отправила мне, — сказала она, держа папки перед собой. — Я прочитала их все. И не могу понять, как они связаны с делом Бейкера.

— Что ты имеешь в виду? Все прецеденты там. Ллойд, Гримшо, Фонтейна. Я потратила несколько недель, исследуя эти дела. Все там. Они все сработают нам на руку, — сказала я ей.

— Кто? — спросила Холли в замешательстве.

— Что? — ответила я так же в замешательстве. — Дела, которые я отправила тебе вчера, — я указала на папки в ее руках.

— Да, эти дела, — она взглянула на папки. — Но это не Ллойд, Гримшо и как там его. Это Бентон, Гарсон и Полсон.

Мгновение мы просто смотрели друг на друга, наши взгляды перемещались с папок друг на друга. Мое сердце бешено забилося, паника стала пробираться по позвоночнику. Пот, который начинал образовываться на шее, теперь стекал по спине. Я никак не могла собраться с мыслями достаточно быстро, чтобы понять, что же не так.

Холли прошептала:

— А ты... выделила неверные документы?

Выделить неверные документы? Я не могла. Только не после того, как потратила столько времени над этим делом. Не тогда, когда завтра мы должны были идти в суд. Не тогда, когда я отвечала за аргументы по этому делу, что заняло у меня несколько месяцев поисков. Когда я провела недели, выделяя абзац за абзацем. Абзацы, которые сейчас даже не подходили нашему делу.

— Я не могла... — сказала я, мой голос начал дрожать. — Я не...

Бросившись к компьютеру, я с бешеной скоростью набрала пароль на клавиатуре. Открыла свою почту, отправленные документы, папку для Холли. Я быстро нашла почту, которую искала, нажала на «Открыть», едва прочитав тему письма «Срочно», и нашла вложение. Единственный раз за сегодня я осознала прочитанное с первого раза. Прямо там, на первой странице, прямо над выделенными заметками, которые я писала, жирным было указано Бентон, Карсон и Полсон.

Неправильные дела.

— Черт, — в панике выдохнула я, резко вставая. Мои руки тряслись, хотя я их не чувствовала. — Черт.

Я посмотрела на Холли и увидела, что у нее в голове все завертелось. Она уже пыталась разработать план действий, чтобы все решить, пока я была слишком занята, разваливаясь на части. Невозможно все это решить даже за полтора дня работы, когда у нас в запасе меньше двух часов. Моя голова начала кружиться с огромной скоростью, и я почувствовала, что я вот-вот упаду.

— Мы сможем, — сказала Холли, шагая назад и вперед. — Заново отправь мне названия дел. Я возьму несколько стажеров. Никто не узнает.

Я слышала ее слова, но мой ответ был прежним.

— Черт.

Как я могла допустить такую серьезную ошибку? Это дело было моим шансом проявить себя. Показать, что я могла играть в высшей лиге. Могла взять на себя большие дела. А теперь я облажалась. Потратила чужое время, заставляя их работать над неверным делом! Что такое со мной?

Я схватилась за край стола, мне нужно было что-то, что удержит меня на месте, потому что голова не переставала кружиться. Я пыталась замедлить свое дыхание, сделала глубокий вдох, но, казалось, это только усугубило головокружение.

— Ты не облажалась. Нам просто надо... — Холли сделала паузу. — Ли?

Я попробовала поднять голову, пытаюсь сфокусироваться на Холли, но все, что я видела — были маленькие черные звездочки. Я хотела попросить воды, но во рту настолько пересохло, что я не могла произнести ни слова. Мои глаза закатились, и я почувствовала, как ноги заскользили по полу. Сразу перед тем, как все потемнело, я услышала, как Холли закричала кому-то вызвать скорую.

* * *

Пиканье, доносившееся от кардиомашин, сильно отличалось от скорости, с которой мои пальцы барабанили по грубой ткани больничной простыни. С каждым ударом моего сердца, который фиксировал монитор, пальцы двигались с удвоенной скоростью. Медсестра зашла, чтобы проверить мое давление, казалось, в сотый раз — чтобы посмотреть, насколько оно изменилось в последние пять минут.

— Это нелепо, — еще раз сказала я ей. — Я в порядке. Как уже сказала, я забыла позавтракать и почувствовала головокружение. Нет никакой необходимости в этом.

— Ты упала в обморок, — подала голос Холли из угла, где сидела. — Это серьезнее, чем просто «почувствовала легкое головокружение».

Я грозно посмотрела на нее.

— Не могу поверить, что ты вызвала скорую, — пробормотала я. Но, казалось, что ей было все равно.

— Ваше давление стабилизировалось, — с улыбкой сказала медсестра, снимая повязку с моей руки. — Доктор хочет поговорить с вами, прежде чем отпустит вас домой. Но с вами все в порядке. И с ребенком тоже.

Я кивнула, прежде чем посмотреть на монитор, отслеживающий сердцебиение малыша. От слов медсестры я почувствовала комок в горле, который, казалось, я не смогу проглотить.

И ребенок тоже в порядке.

Я сделала все возможное, чтобы избавиться от вины за то, что оказалась здесь, в больнице, что могла сделать что-то, что причинило вред ребенку, но чувствовала себя так, будто мое сердце ранили изнутри. Монитор показывал, что все нормально, но все тело было неподвижно, а под кожей формировалось напряжение.

Все, что я хотела сделать, это показать себя. Доказать, что я могла все это сделать. Справиться с этим. Что беременность не мешает моей карьере и не будет осложнением для фирмы. Я собиралась показать всем, что ничто не сможет затормозить меня.

После того, как медсестра написала что-то еще в моей карточке, она ушла, оставив меня и Холли одних.

— Мне нужно выбираться отсюда. Дело...

— Об этом позаботятся, — прервала меня Холли. — Четыре ассистента уже работают над делом, и они отправят документы к пяти. Я уже говорила с Кассандрой. Учитывая обстоятельства...

— О, Боже, — сказала я, прикрывая глаза. — Она знает, что я здесь?
Холли нахмурила брови.

— Тебя привезли сюда на скорой. Вся фирма знает, что ты здесь.

— Правда? — в ужасе я взглянула на нее сквозь пальцы.

— Все не так уж плохо, — сказала она, кусая щеку изнутри. — Просто представь, что это могло случиться, когда ты была в туалете со спущенными штанами. Напротив, ты упала прямо в свое кресло, словно диснеевская принцесса.

Я посмотрела на нее из-под ресниц.

— От этого я не чувствую себя лучше.

— Ты же хотела, чтобы партнеры тебя заметили, — поддразнила Холли.

— Но не так же, — сказала я, опуская руки.

Холли встала и подошла к моей кровати.

— Давай будем беспокоиться только о тебе и об этом маленьком создании внутри тебя, — сказала она, прикасаясь к моему животу.

Я посмотрела вниз, накрывая живот руками.

— Мне надо было поесть, — прошептала я, тихо разговаривая со своим животом. — Прости меня.

Небольшой переполох снаружи, в холле, привлек наше внимание. Я услышала, как кто-то несколько раз громко выкрикивал мое имя. Звук шагов по плитке становился все громче с каждой секундой, а затем остановился у входа в мою палату.

Как только Шейн меня нашел, схватился за край двери так, что его пальцы побелели. Свет от большого окна отражался на его лице, делая заметным небольшую полоску пота у него на лбу. С облегчением от того, что, наконец, нашел меня, он глубоко выдохнул.

Я посмотрела на Холли.

— Ты позвонила ему? — спросила я с обвинением.

— Очевидно, — ответила подруга, скривившись.

Шейн медленно шагнул в палату, остановившись в метре от кровати. Взглядом он быстро просканировал аппаратуру вокруг меня: пикающие мониторы, провода, протянутые к моей руке. Он медленно сглотнул и закрыл глаза, выказывая уже другую эмоцию. Панику.

— Ты в порядке? — наконец, спросил он, встречаясь со мной взглядом.

Было ужасно видеть его здесь, напуганного, с поникшими плечами и дрожащим голосом. Это только усилило мою вину.

Я просто кивнула в ответ на его вопрос.

— Что, черт возьми, произошло? — спросил он, и его голос надломился.

Я сделала глубокий вдох, прежде чем ответить.

— Ничего. Все в порядке, — сказала я самым уверенным голосом, на который была способна.

— Если бы все было в порядке, ты не была бы здесь, — заспорил он. Паника, которую я видела минуту назад, сменилась чем-то другим. Чем-то наполненным обвинениями и недовольством. Против меня. Я выпрямилась в кровати, мне не нравилось, какой беспомощной я была, лежа здесь.

— Я забыла позавтракать, и у меня немного закружилась голова. Вот и все. А это... — сказала я, показывая на палату, аппаратуру и кровать, — ...всего лишь меры предосторожности, которые мне не нужны.

Я посмотрела на Холли, взглядом заставляя ее молчать. Давая ей понять, что Шейну абсолютно не нужно знать, насколько у меня закружилась голова. Когда я снова посмотрела на него, он прищурился, обдумывая то, что я только что сказала. Я надеялась, что мои слова немного успокоили его. Я не хотела снова бороться с ним. Особенно тогда, когда последняя наша стычка все еще болезненно жалила.

Шейн смотрел в пол в течение минуты, затем кивнул несколько раз, и мне стало лучше, когда я подумала, что он оставит это.

— Как ты могла забыть поесть? — начал он ругаться, снова взглянув на меня.

Его резкий тон ударил меня, словно пощечина, и на коже как будто остался жалающий след. Только это не причинило боли, как я думала. Это разозлило меня. Но не потому, что он был прав, а потому, что я уже и так чувствовала себя ужасно и без того, что он бросал мою небрежность мне в лицо.

— Это было не специально, — сказала я сквозь зубы. — Такое случается.

— Такое случается? — повторил он ошарашенно. — Нет, Золотце, такое просто так не случается. Не должно случаться. Не тогда, когда на первом месте у тебя должна быть забота о себе и ребенке.

Он что, серьезно? Он пришел сюда, чтобы кричать на меня? Оскорблять мои материнские чувства? Чего он ожидал? Что я останусь дома с поднятыми лапками и буду ждать неизвестно чего? Что позволю своей карьере пройти мимо, пока он строит свою, путешествуя по всему миру? Трахая чертовых моделей на каждом шагу? Где-то в глубине души я знала, что последняя мысль звучала довольно горько, но я была слишком оскорблена, чтобы волноваться об этом.

— Забавно, что ты говоришь о приоритетах. А где твои модели в этом списке?

Его голова дернулась, как от удара, а в глазах вспыхнула боль от моих слов. Я ненавидела то, что это не принесло мне удовлетворения, которое я искала. Ненавидела то, что мне было больно видеть его таким, хотя считала, что вправе так ему отвечать.

— Я дам вам, ребята, несколько минут, — сказала Холли, и я резко повернула голову в ее сторону. Я совершенно забыла, что она была в палате. Мы оба посмотрели, как Холли вышла, оставив нас одних.

Я отказывалась смотреть на Шейна, слишком жалея о словах, которые выбрала, и также не могла показать ему, насколько ранимой была рядом с ним. Какой напуганной была от того, что причина, которая свела нас вместе, также отталкивала нас друг от друга.

Я слышала его легкие шаги, когда он шел к кровати, пододвигая небольшой стул, чтобы сесть рядом. Он был так близко, что я могла чувствовать аромат его одеколona, смешанный с запахом дезинфицирующего очистителя, который наполнял воздух больницы. Я бы хотела выбрать этот аромат, который делает Шейна таким уникальным, и окутать им себя. Напомнить себе, что до того, как мы пришли ко всему этому, мы были просто Шейн и Ли, которые никогда не ссорились, никогда не злились, никогда не причиняли друг другу боль. Те Шейн и Ли казались далекими воспоминаниями. Воспоминаниями, которые я пыталась не отпускать, не потерять в том хаосе, что создала для нас.

— Звонок Холли, — начал он, — напугал меня до чертиков, — мягко сказал он.

Мои глаза начало жечь от непролитых слез.

— Я не хотела тебя напугать, — сказала я таким же мягким голосом. — Мне очень жаль.

Я хотела сказать ему, что сожалела обо всем этом. О том, что напугала его. Сожалела о резких словах, которые использовала ранее. О том, что поставила нас в такую ситуацию.

Шейн поднял руку и положил ее на вершину моего живота, нежно поглаживая его.

— Я не знаю, сколько раз мне придется это повторять, но я продолжу до тех пор, пока ты не услышишь меня. Ты и этот ребенок — в наивысшем приоритете.

Я с трудом сглотнула.

— Я в приоритете из-за ребенка.

Я услышала, как он обессиленно застонал.

— Почему ты просто не можешь поверить в то, что я говорю? Почему продолжаешь сомневаться в моих словах? Я не знаю, как быть более ясным. Я говорил тебе, что люблю тебя. И сейчас говорю, что влюблен в тебя. Я хочу будущего с тобой. Почему ты борешься со мной?

— Потому что тебе нужно быть уверенным, — сказала я ему так же обессиленно. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы успокоиться и выровнять дыхание. — Я могу жить с тем, что этот ребенок является одной из причин, почему ты хочешь будущего со мной, Шейн. Я могу. Но это не может быть причиной.

Он раздраженно покачал головой.

— Я знаю, беременность может перепутать все в голове у женщины, но ты абсолютно невозможна прямо сейчас.

— Это не сумасшествие хотеть для себя лучшего. Для тебя лучшего! — заспорила я.

— Нет, конечно, — заспорил он в ответ. — Но то, что лучше для нас — это вот это, — он показал на меня и себя. — И это прямо здесь, перед нами. Я здесь, перед тобой. Как ты можешь не верить в это так же, как и я? — он отвернулся от меня. — Достаточно сводить меня с ума.

— Если я свожу тебя с ума, тогда зачем ты здесь?

Шейн слегка засмеялся, качая головой, затем наклонился ко мне и посмотрел прямо мне в глаза.

— Потому, Золотце, что неважно, насколько сумасшедшая ты сейчас, или насколько сводишь меня с ума, — он замолчал и нежно убрал волосы с моего лица. — Это не сравнится с тем, как я схожу с ума по тебе.

Кожа на моем лице пылала от его прикосновений. Сердце начало шумно биться, да так, что мониторы словно сошли с ума. Потребовались все силы, чтобы не выползти из этой кровати и не устроиться у него на коленях. Но я не могла избавиться от этого гложащего чувства. Что-то подсказывало мне, что нам обоим нужно время, чтобы понять, каким мы хотим видеть наше будущее. Что бы мы хотели, если бы не беременность. Было так просто поверить в то, что мы все равно были бы вместе, когда Шейн так верил в это сам. Но эта идея, это видение, было совершенно отличным от реальности, с которой мы столкнулись.

— Пожалуйста, просто постарайся поверить мне, — умолял он. — Ты никогда раньше во мне не сомневалась, не начинай сомневаться сейчас.

Прежде чем я смогла ответить, в палату зашел врач. Я не была уверена, благодарность я ощущала или раздражение от того, что нас прервали.

— Как мы себя чувствуем? — спросил доктор, просматривая мою карточку.

— Намного лучше, — ответила я. — Готова идти домой.

Доктор улыбнулся.

— Глюкоза в крови была довольно низкой, как и давление, — сказал он, перелистывая страницы. — Здесь написано, что вы забыли поесть сегодня?

Я чувствовала осуждение, но проглотила раздражение.

— Да, — я кивнула. — Я проглядела. Я была очень занята на работе, и это как-то вылетело из головы.

— Думаю, мне следует напомнить вам, что это не должно произойти снова, — медленно сказал он, как будто я была идиоткой.

Я кивнула, соглашаясь и отказываясь смотреть на Шейна и видеть выражение удовлетворения на его лице, что меня поучали еще раз.

— Меня волнует, что ваша работа создает такой стресс и заставляет вас позабыть о еде. На

этой стадии беременности вы должны за этим следить.

— Я — юрист, и работаю над очень большим делом. В данный момент отдых недоступен, — сказала я, вымучив улыбку. — Но я обещаю лучше следить за питанием.

Однако это, казалось, не сработало.

— Мисс Кессел, дата ваших родов не за горами. Вам необходимо отдыхать. Ребенку необходимо, чтобы вы отдыхали. Я не могу сказать это более убедительней.

— И я буду, — начала я. — Как только закончится дело.

— Я действительно должен настаивать...

— Не волнуйтесь, док, — прервал нас Шейн. — Я удостоверюсь, что она получает достаточно отдыха, начиная с сегодняшнего дня.

Я повернулась к Шейну, раздраженная от того, что он может попытаться управлять моей карьерой. Но мой тяжелый взгляд не возымел на него никакого действия. Он только отвернулся от меня с раздражающей и привлекательной ухмылкой.

— Мы оба собираемся пересмотреть приоритеты.

Ли

Сразу после того, как выписали из больницы, меня заставили взять несколько выходных дней. И врач, и мой босс настаивали на этом. Некоторым людям нравится оставаться дома, весь день смотреть сериалы «Эллен» и «Доктор Фил». Я же ненавидела каждое мгновение дома. Я ненавидела рекламу жвачки, которая заставляла меня рыдать на протяжении часа. Ненавидела сидеть дома на диване вместо того, чтобы сидеть в кресле в зале суда, ненавидела, что проводила время, бесцельно щелкая пультом, а не за исследованиями по делам. Я ненавидела, что мне не нужно было просыпаться и одеваться по утрам, хотя не так уж сильно я и ненавидела это. Носить пижаму весь день было довольно приятно. Но я ненавидела то, что у меня не было причины переодеваться. Мне было скучно, и я не знала, что делать.

Холли сказала, что это будет хорошей тренировкой перед грядущими неделями и месяцами. Как только ребенок родится, я все равно уйду в декрет. На пару месяцев. Но, по крайней мере, у меня тогда будет ребенок, чтобы отвлечься. Ребенок, из-за которого я буду отвлекаться. Ребенок, который составит мне компанию.

А так как у меня не было того, на что можно отвлечься, то мой мозг был открыт для всего. Мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы не думать. О моем будущем. О будущем Шейна. Действительно ли у нас был шанс быть вместе.

Каждый уголок моей квартиры был пугающим напоминанием того, что время на обдумывание этого подходит к концу. Плетеная колыбелька в спальне, небольшой пеленальный столик рядом с кроватью, кучи детской одежды и одеял в шкафу. Ничто из этого не принадлежало Шейну, но каждая вещь напоминала мне о нем и гигантском вопросительном знаке, что навис над нами.

Перед тем, как я ушла из больницы, он взял мою руку, поцеловал пальцы и сказал следующие слова:

— Я уверен в нас. И это не изменится. Но, кажется, тебе сложно меня услышать, так что, полагаю, я должен тебе это показать.

У меня не было шанса спросить, что он имел в виду, потому что вошла медсестра с моей карточкой, и все мое внимание было сконцентрировано на том, как бы оттуда побыстрее выбраться. Это было несколько дней назад. С тех пор я его не видела, но он звонил несколько раз. Он говорил, что просто отмечался, но кажется Шейн просто проверял меня, что я сижу дома и ничего не делаю. Как мне и было сказано.

Слава Богу, что скоро должна приехать Холли. Мне нужно было с кем-нибудь поговорить и подумать о чем-нибудь другом, а не о своей жизни. А из-за того, что в эти выходные должна была состояться свадьба Холли и Эдди, ей будет много о чем сказать, помимо чего-то, связанного со мной и Шейном.

После того, как сложила еще одну корзину детской одежды, я с облегчением услышала стук в дверь. Но облегчение сменилось удивлением сразу же, как только я открыла дверь.

— Кассандра, — пробормотала я, абсолютно сбитая с толку от того, что увидела своего босса у себя в коридоре.

— Привет, Ли, — ответила она. После нескольких секунд молчания она приподняла брови в ожидании. — Я могу войти?

— Да, да. Конечно, — сказала я, открывая дверь шире, чтобы она вошла. Я быстро осмотрела свою квартиру, почувствовав облегчение, что она нормально выглядела. Я не увидела

грязной одежды, а только кружку с чаем на кофейном столике. — Пожалуйста, присаживайтесь, — пригласила я ее к дивану.

Она села, осматривая мою крошечную квартирку, а затем опустила взгляд на кучу детской одежды, лежавшую рядом на диване.

— Недолго осталось, — сказала она, указав на гору одежды.

Я перевела дух и села в кресло рядом с диваном.

— Несколько недель, — согласилась я. Между нами повисла странная тишина, немного неловкая даже. Я смотрела, как Кассандра подняла желто-серый комбинезончик и пальцами нежно провела по темной строчке на нем. Небольшая улыбка появилась на ее губах.

— Много времени прошло с тех пор, как я видела такие маленькие вещи. Тогда не было таких миленьких вещиц, как сейчас, — объяснила она. — Тебе повезло.

Новая мысль поразила меня — я никогда не представляла Кассандру Фэйрфакс матерью. Она не носила обручального кольца, у нее на столе не было семейных фотографий, она даже ни разу не обмолвилась, что сама была мамой, но сейчас, когда я видела, как она смотрела на детские вещи, это было очевидно.

— Сколько у вас? — спросила я и тут же почувствовала себя неловко. А что, если она не говорила об этом по какой-то причине? Что, если она держала эту сторону своей жизни закрытой, потому что не могла об этом говорить? Что, если я затронула тему, которая была слишком болезненной для нее, и поэтому она никогда об этом не говорила? Я хотела извиниться за свою навязчивость, но она заговорила первая.

— Двое. Мальчик и девочка.

Я облегченно выдохнула.

— Много лет назад мы не могли говорить об этом на работе. Особенно, если ты женщина, и особенно, если играешь в мужские игры. Тогда было гораздо сложнее. Ты должна была заплатить гораздо большую цену, чтобы это иметь.

Сложив комбинезончик, Кассандра положила его назад в кучу одежды, прежде чем повернуться ко мне. Я смотрела, как она скрестила ноги и руки.

— Это будет сложно, — сказала я, соглашаясь с ней. — Но я не потеряю связь с карьерой. С тем, чего хочу добиться. Добиться с этой фирмой.

Желание заверить ее в моей преданности фирме стало еще сильнее. Я хотела, чтобы она знала, поняла, что я очень жду все будущие дела, которые попадут на мой стол. Я хотела объяснить ей, что мой статус матери не означает, что я брошу свою карьеру или что это замедлит ее. Именно она должна понять это. Она сама знала, что это возможно — быть мамой и надрать задницы всем юристам. Ведь она сама так сделала.

— Я восхищаюсь твоими амбициями, твоей целеустремленностью. Ты напоминаешь мне меня, когда я была в твоём возрасте, — сказала она. — К счастью для тебя, я помогу твоему мыльному пузырю лопнуть сейчас тихо, вместо того, что он взорвется прямо перед твоим лицом когда-нибудь в будущем.

Я несколько раз моргнула, не уверенная, что правильно расслышала. Лопнуть мой пузырь? Что, черт возьми, это значило? Они что, могут уволить меня? Потому что я беременна?

— Кассандра, мисс Фэйрфакс... — начала я, но она продолжила.

— Ты хоть представляешь, как тяжело работать над делом, когда ты не спала всю ночь из-за того, что твой ребенок болел? Быть в офисе, вместо того, чтобы быть дома, потому что все, что хочет твой ребенок, чтобы ты была там и заботилась о нем? Пропускать футбольные матчи, танцевальные выступления, постановки пьес, потому что ты занята в суде? Ты еще не знаешь этого, но узнаешь, если не сделаешь поправок в видении своего будущего.

— Вы увольняете меня? — спросила я.

Она почти рассмеялась.

— Нет, Ли. Я не увольняю тебя. Я пытаюсь подготовить тебя к тому, как нужно сбалансировать материнство и карьеру, особенно такую требовательную, как эта. Чем раньше ты это поймешь, тем легче тебе будет избежать многих трудностей в будущем. Поверь мне. Это приходит с опытом.

Поэтому Кассандра никогда не говорила о детях? Потому не научилась это совмещать? Потому что слишком много пропустила из детства своих детей, поэтому была частью их взрослой жизни? Грусть от этой мысли нахлынула на меня.

— Не расстраивайся из-за меня. У меня отличная семья и прекрасные отношения с детьми... сейчас, — она замолчала на секунду. — Но я всегда оглядываюсь и жалею, что раньше дети не были у меня на первом месте. Игре футбольной команды, на которую я обещала прийти, но пропустила. Единственная игра, на которой Джеффри забил мяч. Танцевальное представление, которое Лорен до сих пор припоминает мне. Ей было только три, но она помнит до сих пор, — засмеялась Кассандра.

— Но, в конце концов, все образумилось, — заспорила я.

— Ох, да, это так. Но это заняло время, — сказала она, улыбаясь. — Я думала, что могу быть везде одновременно. Поэтому я пришла сюда. Предложить тебе совет от того, кто прошел через это. Конечно, это полностью зависит от тебя, примешь ты его или нет, но, тем не менее, — она посмотрела прямо на меня. — Ты можешь иметь это все, Ли. Ты можешь это сделать. Но... это не должно происходить прямо сейчас.

Я посмотрела на свои руки, сложенные на коленях. Слова Шейна, которые он произнес в больнице, вертелись у меня в голове: «Нам обоим предстоит пересмотреть приоритеты».

— Я знаю, это может прозвучать, будто я говорю тебе отступить от некоторых твоих целей. Но, поверь мне, это не так. Я просто предлагаю другой путь, чтобы их достичь.

Хотя я знала, что Кассандра пыталась помочь, но ее слова меня не успокоили. Я боялась потерять все, над чем так упорно работала. Меня могут упустить из виду на работе. Я не хотела, чтобы меня не брали на большие дела или оставили позади, когда придет время повышения. Я не знала, как сказать все это и не прослыть самой эгоистичной будущей мамочкой в мире, но я и была эгоистичной. Я слишком много работала, чтобы обо мне все забыли.

— Моя карьера важна для меня. И для этого ребенка она тоже будет важна. Это покажет, на что я способна для семьи. Покажет ему или ей, чего можно достичь, если усердно трудиться. Я хочу показать своему ребенку, что могу добиться успехов в карьере и быть матерью. Сразу. Одновременно.

— Ли, я пытаюсь сказать, чтобы ты взяла самое лучшее, что фирма может предложить. Теперь не только мужчины все решают. Фирма предлагает очень привлекательные предложения по расширенному декретному отпуску. У нас отличные отношения с детским садом недалеко от офиса. И мы достаточно большая фирма, и довольно успешные, и у нас всегда будут большие дела. Возможно, первые пару лет ты не будешь над ними работать. Над такими, которые требуют все внимание и время. И, возможно, когда поймешь это, ты будешь расстроена и зла. Но в этот же день, ты пойдешь домой и уложишь своего ребенка в кровать. И ты будешь благодарна за этот момент. Большие дела всегда будут, и ты их получишь. Но не тогда, когда фирма будет готова дать их тебе, а когда ты будешь готова их получить.

Возможно, она все еще видела мои сомнения, потому что продолжала:

— Ты отличный юрист, Ли. И ни я, ни остальные партнеры не упускали тебя из виду. Работа, которую ты проделала по делу Бейкера, исключительная. Даже если ты и пропустила первые несколько дней заседания, — заметила она с улыбкой.

Я хотела еще раз за это извиниться, но она лишь отмахнулась.

— У нас большие надежды и планы насчет тебя в этой фирме, Ли. Поверь. А пока наслаждайся этим, — она взглянула на мой живот.

Инстинктивно я положила руку на живот, и, как по расписанию, ребенок толкнулся, будто он или она соглашался с тем, что только что сказала Кассандра.

— Спасибо вам, Кассандра, — сказала я.

Она встала и направилась к двери.

— А теперь я жду тебя на работе на следующей неделе с ограниченными обязанностями. Нам разрешили продолжать, основываясь на прецедентах, что ты нашла. Я уверена, что это даст нам время, чтобы дело отклонили. Если удача нам улыбнется, то дело будет закрыто до того, как ребенок родится, и ты сможешь положить одно большое дело себе в копилку.

— Это было бы здорово. Спасибо, — сказала я, провожая ее к двери.

Как только Кассандра зашла в лифт, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Мои мысли тут же устремились к Шейну, как часто и бывало. Я оглядела свою квартирку, груды детских вещей, разбросанных везде, и поняла, что веду себя не лучше, чем Шейн. Я нечестно ожидала от него жертв, которые сама же эгоистично не была готова принести. Я критиковала его за то же самое, что делала сама.

Я пообещала себе тут же прекратить. Это было лицемерно и нечестно, а я лучше этого. Шейн заслуживал лучшего. Возможно, не все стоило доказывать. Мне нужно прекратить сомневаться в том, что Шейн говорил мне. Он был прав, сказав, что раньше я в нем никогда не сомневалась.

В течение нескольких недель мы оба пытались вернуться туда, где были до того, как это все произошло. Это была наша ошибка. Потому что мы никогда не сможем туда вернуться. Слишком много всего произошло. И самое грандиозное — то, что я влюбилась в своего лучшего друга. После этого нет пути назад. Да я и не хотела. Так что, если я не могла вернуться и не хотела оставаться там, где была сейчас, тогда мне нужно было двигаться дальше, прекратить сомневаться и начать доверять.

Шейн

Когда дело касается свадьбы, большинство мужчин не волнуются о цветах, свечах или освещении. Мы слышим о цветовой схеме, о чехлах на стульях, и просто киваем в знак одобрения, притворяясь, что нам есть до этого дело, но, на самом деле, нет. Потому что для большинства мужчин свадьба — это просто вечеринка. Выпивка. Подружки невесты. Ни разу я не слышал, чтобы парни, когда входили в комнату, комментировали декор. Девять парней из десяти спрашивают: «Где здесь бар?».

Но я тот единственный из десяти. Я парень, который, когда входит, сразу же замечает освещение, цвет и всю обстановку. И первая моя мысль о том, как это все перенести на бумагу, на фото.

Я не фотографирую свадьбы, но это не останавливает меня от мыслей, как все это будет выглядеть на изображении, застывшем во времени. Я принимаю во внимание все, от освещения до пространства со всех точек, где я буду стоять, чтобы сделать лучший кадр. Я просчитываю, сколько пройдет времени, прежде чем мы потеряем естественное освещение. Я думаю о том, какие объективы и какие установки вспышки подойдут здесь лучше. Я сканирую каждую часть комнаты, удостоверюсь, что не потеряю ни одной сцены, достойной снимка.

Я могу оценить работу и планирование, что проделала Холли, готовясь к этому вечеру. Кремовый и золотистый цвета идеально сочетались в этот ранний вечер. Солнечные лучи отражались от люстр, добавляя свечения комнате. А за дверями, снаружи, где должна была проходить церемония, белые и кремовые цветы покрывали каждый сантиметр большого деревянного причала, который нависал над водой. Двести белых стульев были выставлены в ровную линию, ожидая гостей, которые на них сядут. Группа виолончелистов ждала, чтобы им сыграть. Я уже собирался прикрыть глаз и как бы сделать снимок, но остановил себя, вспоминая, что это не моя задача — ловить момент. Напротив, сегодня я буду сам частью этого момента.

Брайан подошел ко мне, одетый в такой же костюм, как и у меня, и просмотрел на сцену перед нами.

— Еще один парень потерян, — сказал он, болтая кубиками льда в своем практически пустом бокале.

— Смотрю, ты нашел бар. Не мог подождать, пока хотя бы церемония закончится?

— Это единственное, что поможет мне выдержать церемонию, — сказал он, а затем поднес бокал к губам. — Кендалл тоже пригласили, — он начал оглядывать комнату.

Я кивнул.

— Я знаю. Это ты сказал Холли пригласить ее.

Он покачал головой.

— Кто знает, что придет ей в голову, когда она это все увидит.

— Что хуже, какие мысли придут в голову тебе? — фыркнул я.

— К черту все.

Но я видел, как взглядом он осматривал комнату, как он думал над чем-то. Я бы его еще подразнил, но прямо сейчас у меня были другие планы.

— Все готово?

Брайан ухмыльнулся.

— Ага.

Я повернул голову в его сторону, готовый сказать ему, насколько ценю все, что он сделал за

эти последние недели, что согласился мне помочь. Но Брайан остановил меня прежде, чем я успел что-то сказать.

— Не позволяй гормонам управлять тобой, — начал он. — Все это, — он показал рукой на происходящее вокруг, — все это и так уже переходит все границы того, насколько я могу вынести за один день.

Я коротко усмехнулся.

— Кроме того, — пожал он плечами. — Так и должно было быть.

Я улыбнулся и кивнул, зная, что это все, что он хотел сказать. Но мы все уже сказали друг другу. Кивок головы, пожимание плечами. Это все, что нам с Брайаном было нужно.

Вместе мы смотрели, как гости стали занимать стулья, а виолончелисты начали играть «Джон Легенд», песню, которая звучит на каждой свадьбе.

— Господи, мне нужно еще выпить, — сказал Брайан и направился к бару.

Обычно я всегда следовал за ним, но сегодня остался, где стоял. Я слушал эту песню от начала до конца. Потому что, наконец-то, я ее понял. Я понял, о чем была эта песня. Что она говорила, что значила. Что означало хотеть отдать кому-то всего себя.

* * *

Тридцать минут спустя, стоя между Брайаном и братом Эдди, Марти, я слушал, как тот спросил своего брата, готов ли он к этому. Простой ответ Эдди сказал все:

— Я готов на большее.

Я улыбнулся, искренне благодарный, что смог быть частью всего этого. Эдди был одним из моих близких друзей, и видеть, насколько он счастлив, воодушевляло. Наши взгляды устремились к французским дверям, в ожидании, когда они откроются. В предвкушении большого момента. Я следил за фотографом и никак не мог остановить себя от критики того, где он стоял, выбирая место для съемки, почему он не мог снимать с другого угла, почему он использовал вспышку вместо естественного освещения. Я делал это некоторое время, прежде чем напомнил себе еще раз, что в этот раз это не моя ответственность. Мне не нужно волноваться о том, чтобы быть в нужном месте и поймать идеальный момент. Сегодня я мог сесть и наслаждаться прекрасным. Тем, что, возможно, не будет запечатлено на снимках, но тем, что я, скорее всего, запомню на всю жизнь.

Такими моментами, как эти. Двери, наконец, открылись, и заиграла такая знакомая музыка. Этот момент, я знал, запомню навсегда. Момент, когда я увидел самую красивую девушку в мире, которая шла по проходу. И пока все остальные на нее лишь взглянули мельком, мой взгляд был прикован к ней. Я смотрел, как Ли прошла по всему проходу, не удостоив других даже взглядом. Для меня все, кроме нее, исчезли.

Ее длинное платье с одним открытым плечом подчеркивало великолепную полную грудь. Сексуальные изгибы покрывала легкая струящаяся юбка, а длинные волосы были переброшены на одну сторону, выставляя напоказ длинную и стройную шею. Она выглядела невероятно.

Я поймал себя на том, что проигрывал этот момент у себя в голове, только немного по-другому. На Ли было надето не золотистое платье, а я стоял рядом со священником.

Я сглотнул.

Не потому, что это видение напугало меня, совсем наоборот. Моя нервозность шла от того, насколько я хотел, чтобы это видение стало правдой. Потому что, когда я смотрел на Ли, я видел

больше, чем просто ее. Я видел свое будущее. Я видел свой мир. Я видел одно тело, но две жизни, что составляли мою жизнь.

Она подошла к нам и встала перед гостями, остальные подружки невесты выстроились в линию рядом с ней. Но я не позволил ничему и никому загородить ее от моего взора. Я смотрел только на нее, не в состоянии отвести взгляда. Она это почувствовала.

Я видел, как Ли пыталась скрыть свою улыбку, кусая щеку и избегая контакта со мной. Она упрямо смотрела прямо в проход, на цветы, на гостей, на все и всех, прежде чем наконец-то встретиться со мной взглядом.

— Очень красивая, — сказал я ей одними губами. Она покачала головой, но улыбка на ее губах осталась еще на несколько мгновений. И это было самое прекрасное, что я видел за последние недели. Столько времени прошло с тех пор, как что-то, что я говорил или делал, вызывало у нее улыбку. И мне было все равно, что это продлилось всего несколько секунд. Эта улыбка, эти несколько секунд дали мне надежду, которая была мне так нужна сегодня вечером.

Бормотание гостей, сидящих на своих стульях, не смогло отвлечь меня от Ли. Я даже не заметил Холли, идущую по проходу. Я не обратил внимания на то, что все повернулись, когда священник начал свою речь о любви и ответственности. Я едва слышал слова, которые Холли и Эдди сказали друг другу. И полностью пропустил часть с кольцами. Я лишь мельком уловил поцелуй. И только с подачи всех вокруг я начал аплодировать, когда их назвали мужем и женой. Я пропустил всю свадьбу, и все это происходило в двух шагах от меня, просто потому, что я не мог смотреть.

Виолончелисты начали играть, и я быстро поменялся местами с Брайаном, вставая в конец нашей небольшой линии, и таким образом стал тем, кто поведет Ли по проходу.

Я подождал, пока все встанут рядом со своими партнерами, сначала Холли и Эдди, за ними Марти и сестра Холли, затем остальные подружки невесты и шаферы. Как только мы с Ли поравнялись, я выставил свой локоть, предлагая ей взять меня под руку.

— А разве не Брайан должен быть моим сопровождающим? — спросила она, беря меня под руку.

— Пока я рядом, я всегда буду тебя сопровождать, — сказал ей.

И она опять улыбнулась.

Мы шли рука об руку позади всей свадебной процессии. Была небольшая заминка, так как фотограф остановил Эдди и Холли, чтобы сделать несколько кадров. Это дало мне возможность прошептать Ли несколько слов, о которых я думал последние двадцать минут.

— Ты такая красивая, это даже не честно по отношению к Холли, — сказал я ей на ушко.

Ее грудь поднялась, когда она задержала дыхание. И я был рад за эту реакцию, рад, что она не засмеялась или не захихикала. Потому что, хоть я и любил этот звук, я не хотел, чтобы она смеялась над моим комментарием. Я хотел, чтобы Ли знала, что я на самом деле так думал. Так что, когда она посмотрела на меня и встретилась со мной взглядом, она выдохнула и сказала:

— Спасибо.

* * *

Мы сделали сотни снимков. Нет, тысячи. Даже я был сыт этим по горло, хотя это и был мой заработок. Групповые снимки, семейные, только шаферы, только подружки невесты. Это было нескончаемо. Когда Брайан проворчал, что ему нужно выпить, я не мог не согласиться с ним. К

счастью, спустя несколько минут нам сказали, что мы закончили, и мы можем присоединиться к остальным, пока Холли и Эдди сделают снимки без нас.

— Наконец-то, — тихо пробормотал я.

— Да ладно, это уже слишком, — сказал Брайан, обхватив меня рукой за плечи. — Кендалл здесь, и мне чертовски нужно выпить, прежде чем я встречу с ней. Я видел, как она ревела несколько раз в течение церемонии. Меня словно вывернули наизнанку.

Я повернулся и смотрел, как Ли уходила с остальными подружками невесты.

— Да, давай.

Пока вечер продолжался, заставить Ли одну было совсем непросто. Между ужином, тостами, рыданием родителей и смехом толпы, я едва мог привлечь ее внимание. После первого танца Эдди и Холли, толпа начала перемещаться в разных направлениях.

Большинство танцевали, остальные проходили на пирс, а некоторые, как Брайан, направились прямо в бар. Только на этот раз Кендалл была рядом с ним, их руки были переплетены. После часа любезностей с гостями, я извинился и направился к единственному человеку, с которым хотел поговорить. Подойдя к ней, я мягко похлопал ее по плечу, отвлекая от мамы Холли.

— Извините, что прерываю, — сказал я, хотя мне совсем не было жаль. — Играет наша песня.

Ли удивленно посмотрела на меня, но улыбнулась и тоже извинилась. Я взял ее за руку и повел на танцпол, повернув к себе лицом.

— У нас нет нашей песни, — сказала Ли.

— Разве? — спросил я. — Нам нужно это исправить. Следующая песня, которая прозвучит, будет нашей.

Она закатила глаза.

И как будто Господь оказал мне услугу, начала играть песня «Наконец» от Этны Джеймс.

— Идеально, — сказал я, улыбаясь.

— Ну конечно, — сказала Ли, качая головой.

— Ух ты, а ты романтик, — поддразнил я. — Хотел бы я, чтобы это была моя заслуга, но нет. Это, Золотце, судьба, — сказал я ей. Я притянул ее ближе, потому что ничего сильнее не хотел, чем держать Ли и вдыхать ее аромат, но она не двинулась с места, не готовая идти навстречу. — Давай, — сказал я ей. — Оберни свои руки вокруг меня.

Ли посмотрела на свой большой живот, прежде чем снова взглянуть на меня.

— Это немного затруднительно, — сказала она, констатируя факт.

Я взял ее за руку и обернул вокруг своей талии, а другую руку держал в своей руке. Наши тела соприкоснулись, и волна восторга от того, что мы были так близко, пронеслась через меня. Я склонил голову к ее лицу и мог чувствовать сладкий аромат ее шампуня, пока губами проводил по нежной коже у ее виска.

— Не так и тяжело.

Тело Ли подстроилось под мое, пальцами она сильнее вцепилась в мою руку. Я чувствовал, как кончик ее носа коснулся до моей шеи, чувствовал, как ее грудь поднималась, когда она вдыхала. Она вдыхала меня, наполняя свои легкие, все свое тело мной. У меня подогнулись колени. Эта женщина так действовала на меня, даже ничего особо не делая. Я закрыл глаза, сдаваясь ей. Все, что она хотела, все, что ей было нужно, я дам ей.

— Я люблю тебя, — сказал я ей на ушко. — Сильнее, чем мог представить. Вас обоих.

Почувствовав, как Ли напряглась, я крепче сжал ее в объятиях и продолжал кружиться с ней по танцполу, не позволяя ни сантиметру встать между нами. Я прижался губами к ее уху, заставляя выслушать меня.

— Я не хочу говорить об этом здесь. И знаю, что и ты тоже не хочешь. Но мне нужно сказать это. Потому что я не могу не сказать. Я не могу не говорить это тебе каждую минуту, каждый день. Я люблю тебя, Золотце.

В этот момент, когда Ли отстранилась, и я дал ей пространство. Мне нужно было видеть ее реакцию, что скажут ее глаза, даже если губы скажут другое. И когда она встретила со мной взглядом своих больших карих глаз, я был рад, что сделал это. Потому что больше не увидел сопротивления или сомнений. В этот раз я увидел, что она сдалась.

— Пойдем сегодня со мной домой, — почти умолял я. — Поговорим. Я должен столько всего тебе сказать. Показать. Все сделать правильно. Пожалуйста.

Она дважды моргнула, а затем уголки ее губ приподнялись.

— Хорошо, — согласилась она.

Я облегченно улыбнулся и освободил ее от крепкого захвата. Пальцами провел по ее подбородку, прямо рядом с губами. Я хотел поцеловать ее. Мне нужно было ее поцеловать. Прошло несколько недель с тех пор, как я делал это, и я не мог больше ждать. Она это знала. Ли знала это, потому что знала меня, понимала меня лучше, чем кто бы то ни был. Лучше, чем я знал сам себя. Я опустил голову и мягко поцеловал ее в губы. Я не настаивал на большем, потому что этого было достаточно. Своим поцелуем я словно давал обещание. Затем я отпустил Ли и подушечкой большого пальца поправил губную помаду в уголке ее губ.

— Мне нужно признаться тебе, — сказала она затаив дыхание, — что к девяти часам вечера устаю, а сейчас уже десятый час.

Я посмотрел на свои часы, кивая.

— Мы могли бы уйти сейчас, — предложил я.

Она посмотрела вокруг на танцующую толпу.

— Холли и Эдди разозлятся.

— Возможно, — сказал я. — Но мне все равно.

Она засмеялась.

— Мы ужасные друзья. Постоянно удираем с вечеринок.

Ее слова напомнили мне о том, что произошло в последний раз, когда мы удрали с вечеринки. Ли покраснела, а я еще сильнее полюбил ее в этот момент.

Я взял ее за руку и повел нас с танцпола, остановившись у стола, чтобы она взяла свою сумочку. Мы вышли из зала и, к счастью, ни на кого не наткнулись, но даже если бы наткнулись, я бы не стал раздумывать дважды, чтобы оттолкнуть их с дороги. Я не собирался позволять чему-то или кому-то помешать моим планам. Я остановил первое такси, которое увидел, и помог Ли забраться внутрь. Как только мы отъехали, я повернулся к ней.

— Что? — спросила она.

— Это, — сказал я, указывая на такси, — напоминает мне о былых временах.

Она покачала головой и отвела взгляд в сторону. Но при этом делала все возможное, чтобы скрыть улыбку.

Шейн

— Черт возьми, — выдохнула Ли после того, как я открыл входную дверь. — Тебя обокрали! Обеспокоенность в ее голосе заставила меня засмеяться. Я шире распахнул дверь, пропуская ее вперед, и оглядел квартиру. И тогда понял, почему она решила, что меня обокрали.

— Нет, Золотце, — улыбнулся я, проходя мимо нее и бросая ключи на кухонный стол. Я снял свой пиджак и бросил его к ключам, развязал галстук и расстегнул две верхние пуговицы на рубашке. — Меня не обокрали.

Она стояла, не шелохнувшись, осматривая взглядом комнату, оценивая, насколько пустой выглядела квартира.

— Тогда где все твои вещи?

Я еще раз оглядел пространство. Правда, не хватало некоторых вещей. Дивана и кофейного столика, «Плейстейшн» и «Иксбокс», но здесь все еще были кое-какие мои вещи. Фотографии все еще висели на стенах, плоский телевизор, барные стулья все так же стояли вокруг стола.

— Все здесь, — ответил я.

— Что-то я не понимаю, — сказала Ли, медленно проходя дальше в комнату. — Где вся твоя мебель? Настольный футбол? — указала она в угол. — Твой ноутбук на полу!

Я засунул руки в карманы брюк.

— Это и есть вся моя мебель.

Она ошеломленно посмотрела на меня.

— Ты что, не замечаешь, что диван и стол исчезли? И где твои игровые приставки?

В раз я рассмеялся.

— Ну, технически, они не были моими. Они были Брайана.

— Ладно, так ты не замечаешь, что вещи Брайана пропали? Он так разозлится, — сказала она. — Почему ты не беспокоишься?

— Потому что, Золотце, — я сделал несколько шагов в ее сторону, — я знаю, где все эти вещи.

Небольшое удивление промелькнуло на ее лице.

— О, — ответила она и сложила руки вместе. — Так где они?

— В его квартире.

Ее глаза округлились.

— Он съехал? — почти закричала она. — Что? Почему? Когда? Почему ты ничего не сказал?

Я ухмыльнулся, было забавно наблюдать за ней.

— Как насчет того, что ты прекратишь задавать вопросы и позволишь мне объяснить?

Я сделал последние несколько шагов, чтобы встать рядом с Ли, и некоторое время просто смотрел на нее. Оценивая каждую деталь, которая делала ее такой идеальной. Какими полными были ее губы — идеальные, чтобы укусить. Какие густые и блестящие ее золотистые волосы — я знал, что могу зарыться в них пальцами. Единственная маленькая родинка пониже ключицы с левой стороны, которую мне так хотелось поцеловать. Но сначала было кое-что, что я так хотел ей сказать, показать ей.

— Пошли за мной, — сказал я, кивая в другую сторону квартиры и протягивая ей руку. — Хочу показать тебе кое-что.

Она посмотрела в том направлении, куда я показал, потом взяла мою руку, и я повел нас в

комнату Брайана. Или в комнату, которая раньше была комнатой Брайана. Прежде чем открыть дверь, я посмотрел на Ли в надежде, что то, что она увидит за этой дверью, докажет ей, насколько я серьезен.

— Мне нужно, чтобы ты знала, что я слышал все, что ты мне говорила, — сказал я тихо. — Я не знаю другого способа показать тебе это.

Она посмотрела на меня, прищурившись и слегка нахмурившись. Прежде чем Ли смогла что-то сказать, я открыл дверь и включил свет. Единственное, что я услышал, был ее резкий вздох.

Я мягко подтолкнул ее внутрь, наблюдая, как она воспринимает такие серьезные изменения в комнате. Как спальня Брайана теперь трансформировалась в полностью укомплектованную детскую комнату.

— Я... я не... Вау.

Ли никогда не теряла дара речи, так что я воспринял это, как добрый знак.

— Тебе нравится? — спросил я, все еще ожидая подтверждения.

— Я... Шейн... Как мне может не нравиться? — ответила она. — Так красиво.

Она прошла дальше в комнату. За последние несколько недель мы с Брайаном потратили все наше свободное время, чтобы подготовить эту комнату. Стены были покрашены в светло-желтый цвет. Хорошая перемена после болотно-зеленого. На месте, где раньше стояла кровать Брайана размера кингсайз, теперь была белая колыбелька, которая так много времени стояла не распакованной. Мягкое серое и белое постельное белье наполняло колыбельку, а над ней свисал мобиль с танцующими животными. Ли встала рядом с колыбелькой и провела рукой по мягкому белью. Она подняла коричневого мишку, который сидел в углу.

— Такой милый, — сказала она, кусая свою щеку.

— Вклад Брайана.

Она улыбнулась и положила мишку назад. Ли повернулась и увидела кресло в углу рядом с окном. Я заказал его в нейтральных тонах, но бросил поверх голубое покрывало.

— Оно качается как кресло-качалка, — сказал я.

— Все еще думаешь, что это мальчик, — сказала она.

Я пожал плечами и улыбнулся.

Стена напротив привлекла ее внимание, и улыбка исчезла с ее лица. На ее месте появилось выражение полной растерянности.

— Что это? — спросила Ли.

— Это, — начал я, — это моя любимая часть в этой комнате.

Слезы начали наворачиваться на ее глаза и заблестели в тусклом свете комнаты. Она сделала несколько шагов, чтобы встать напротив стены, напротив нескольких картин. Большие черно-белые фотографии в белых рамках висели на стене в два ряда. Каждая была о разных моментах беременности Ли. На нескольких она даже не знала, что я фотографировал ее. Она смотрела на фотографии, каждый раз замирая на одной из них, чтобы потом переместиться к другой. На одной она спала на когда-то моем диване, ее рука лежала на еще едва видневшемся животике, как бы защищая его. Другую я сделал на телефон, когда мы ходили за покупками для малыша. Это выражение ее лица я любил больше всего. Такое серьезное, когда она решала, нравится ли ей костюмчик у нее в руках или нет. Далее шла фотография, где на холостяцкой вечеринке Холли и Эдди она смеялась, запрокинув голову назад, а ее руки были сложены уже на довольно большом животе. Но самой моей любимой была та, что я сделал несколько месяцев назад. В ту ночь, когда мы решили попытаться построить отношения. Она вышла из моей спальни, на ней была надета только моя футболка «Френки сказал расслабься». И когда она подошла к окну и открыла шторы, я не смог остановиться и сделал ее фотографию. Ли светилась

в лунном свете, серебристые блики отражались на ее лице. Она отругала меня тогда за то, что я ее сфотографировал, но до сих пор это была самая честная и красивая фотография, которую я когда-либо сделал. Я видел, как Ли смотрела на эту фотографию дольше всех.

Спустя минуту она указала на нижнюю рамку.

— Эта пустая.

— Я знаю, — кивнул я. — Она еще не снята.

Я подошел к Ли, взял за руку и поднес к своим губам.

— Эта рамка для нашей первой семейной фотографии. Втроем.

Я почувствовал, как она сильнее сжала мою руку и с ее губ слетел прерывистый вздох.

— Шейн, — ее голос дрогнул, но губы тронула легкая улыбка.

«Ну, сейчас или никогда», — сказал я себе. — «Я собираюсь сказать все, что мне нужно. И собираюсь заставить ее слушать, пробиться через ее упрямство и заставить увидеть, что мы созданы друг для друга».

— Мне ненавистна мысль, что тебе было больно, Золотце, — начал я. Она открыла рот, чтобы перебить меня, но я не позволил ей. Меня теперь ничто не остановит. Я поднял руку, давая ей понять, чтобы она помолчала. У нее было полно времени, чтобы сказать свою часть, теперь моя очередь. — Я ненавижу то, что между нами было расстояние, которого не было прежде. Я сходил с ума, когда был вдали от тебя. Я сходил с ума от того, что ты держала меня на расстоянии. Но я позволил тебе, поддался, но никогда не сдавался.

— Шейн...

— Нет, Золотце, — сказал я серьезно. — Теперь моя очередь.

Она закрыла рот и позволила мне продолжить.

— Я ненавидел то, что был вдали от тебя. Особенно в эти недели, — я посмотрел на ее живот. — Та ночь в Нью-Йорке, — я помедлил, так как был не уверен, как точнее выразить свои чувства. — Очевидно, я не смог справиться с чувствами к тебе. Меня сводила с ума мысль о том, что ты собиралась на свидание с другим. И я не знал, что мне с этим делать. Меня это удивило. Ты удивила меня. Единственный человек, которого, я думал, что знаю, выбил меня из колеи. Я мог думать только о тебе, — сказал я с легким смешком. — Из всех людей в моей жизни, ты последняя, кого я хотел ранить или разочаровать. Ты должна это знать. Ты должна знать, что если бы я только знал, через что ты проходила, пока я был в Нью-Йорке, я бы бросил все и примчался к тебе. Я бы держал тебя за руку и ждал результата теста с тобой. Ты веришь в это?

Я увидел слезинку, которая скатилась по ее щеке, когда она кивнула.

— Да. Я верю.

Прогресс. Наконец-то.

— Хорошо. Потому что я люблю тебя, Ли. Я влюблен в тебя. И не потому, что ты беременна, это не так, — сказал я со всей уверенностью, которую мог передать. — Возможно, это подтолкнуло меня к тому, чтобы осознать свои чувства, но они уже были. Они должны были быть. Потому что то, что я чувствую по отношению к тебе, слишком сильно, чтобы не существовать уже на протяжении очень долгого времени. Сомневаюсь, что смогу рассказать тебе, откуда я это знаю, но уверяю тебя, я чувствовал это каждую секунду. Я чувствовал это много недель, месяцев. Возможно, даже лет. Ты думала, что мне нужно время, но это не так. Ты сказала, что тебе нужно время, но я больше тебе его не дам. Я не хочу терять время. Я уже прождал шесть лет. И хочу начать наши следующие шестьдесят прямо сейчас. И я знаю, что нужно для этого. Ты была права, — сказал я.

Полными слез глазами она смотрела на меня.

— В чем? — спросила она, немного сбита с толку.

— Было нечестно с моей стороны ожидать жертв только от тебя. Твоя работа, жизнь...

— Нет, Шейн, — прервала она. — Многое из того, что я сказала, было от отчаяния. Я не имела это в виду. Я знаю, что ты разделяешь это.

Я улыбнулся от ее слов.

— Возможно. Но это не означает, что ты не была права в этом. Было слишком наивно думать, что я смогу продолжить жить, как раньше, и быть рядом с тобой как положено. Так, как я хочу.

— Ты и так рядом со мной, — заспорила она.

— Не всегда так, как должен, — сказал я Ли. Я покачал головой и попытался сдержать смех, насколько иронично было то, что я собирался сказать. — Мой отец был прав, а я так сильно пытался доказать ему обратное. Показать ему, что мой способ сработает, но он был прав. Мой способ работал только для меня. А я больше не один. И нас теперь даже не двое. Нас теперь трое, — я посмотрел ей в глаза и увидел, что теперь она полностью поняла, о чем я говорил. Ли сама догадалась. — Я принял предложение по работе от моего отца, — сказал я.

Ее глаза округлились, а рот приоткрылся от шока.

— Что? Шейн, нет... Ты любишь свою работу!

Я кивнул.

— Люблю. Но нас я люблю больше, — сказал я, удерживая ее взгляд.

Ли открыла рот, чтобы заспорить, но я остановил ее, приложив указательный палец к ее губам.

— Не надо, — практически приказал я. — Это не совсем то, что ты думаешь. Мы с отцом пришли к обоюдному соглашению. Я буду работать в отделе искусств в его фирме, это поможет придать моему расписанию стабильность. И буду более разборчивым в том, какую выездную работу выбирать. Это позволит мне говорить «нет» некоторым предложениям и ждать ту работу, которую я действительно хочу. Так что, это действительно беспроигрышный вариант.

Ли выглядела перегруженной всем тем, что я выложил перед ней. Но я предупредил ее раньше. Когда сказал, что я с ней, то это значит, что я весь с ней. Теперь я надеялся, что она будет вся со мной. Но если нет, то я буду один бороться за нас до тех пор, пока она не согласится. Но при одном условии.

— Я хочу, чтобы ты переехала сюда, — сказал я. — Хочу, чтобы это место было нашим. Хочу начать нашу жизнь в качестве семьи здесь. Эта комната почти готова, но мы можем вместе поработать над остальным. Купить новый диван, новый стол. Мы можем покрасить спальню, сделать ее твоей — нашей. Ты даже можешь купить столько подушек, сколько захочешь.

От моих слов она засмеялась сквозь слезы. Я смотрел на ее улыбку, а затем задал вопрос, ответ на который мог повлиять на всю мою оставшуюся жизнь.

— Что скажешь, Золотце? Ты со мной? Ты хочешь построить жизнь со мной?

По щекам Ли продолжали катиться слезы.

— Я так долго была влюблена в тебя, — сказала она, касаясь пальцами моего лица. — Но никогда не была влюблена в тебя сильнее, чем сейчас.

Я облегченно выдохнул.

— Так ты со мной?

— Я с тобой, — сказала она, плача и смеясь одновременно.

— Я собираюсь тебя сейчас поцеловать, — сказал я ей, обхватывая ладонями ее лицо.

— А я собираюсь позволить тебе.

Не прошло и секунды, как губами я прикоснулся к ее губам. Еще раз, сдаваясь ей, обещая все мои будущие дни. Я был слишком нетерпелив, не желая ждать, чтобы приоткрыть ее губы моим языком и проскользнуть внутрь. Я чувствовал ее тело напротив моего, ее грудь была прижата к моей, руки обернуты вокруг моих плеч. Я провел руками по ее спине, по блескам на платье.

— Господи, я так по тебе скучал, — я прижался губами к ее шее, прокладывая дорожку к родинке на ее ключице, которая меня манила.

— Я тоже. Сильно, — ответила она, страстно целуя меня. Она игриво покусывала мои губы, сначала слегка, а затем сильнее. Я немного отстранился. Я видел, что желание в ее глазах было таким же сильным, как и мое. Прошли недели с тех пор, как я мог прикоснуться к ней, пробовать, быть внутри нее. Но сейчас я не знал, как много она была готова принять, или как много могла выдержать.

— Ты помнишь, как это было в первый раз? — спросила Ли.

Я кивнул.

— Конечно. Я помню все.

Она больше ничего не сказала, только смотрела на меня затуманенным взглядом. Но этот взгляд говорил мне все, что мне нужно было знать. Она говорила мне, как она хотела этого. Так же, как и в ту ночь. Быстро. Жестко.

Ее щеки порозовели.

Я ухмыльнулся от такой внезапной скромности.

— Насколько я помню, — начал я, притягивая ее ближе, — ты не была так застенчива тогда.

Уголок ее рта приподнялся, она прикусила свою губу и я почувствовал, как вся кровь в моем теле устремилась вниз. Я взял Ли за руку и повел из детской. Не было и шанса, что я скреплю нашу сделку в детской комнате своего ребенка. Через секунду мы были в моей спальне, и я снова целовал Ли. Я был невероятно возбужден и тут же начал искать молнию на ее платье. Мне нужно было почувствовать ее кожу. Когда я стянул с Ли платье, она начала расстегивать пуговицы на моей рубашке, а затем и на брюках. Вскоре мы оба стояли посреди комнаты только в нижнем белье.

Мне потребовалась минутка, чтобы восхититься ее телом, насколько оно изменилось с тех пор, как я видел ее последний раз такой. Я боялся, что могу причинить ей вред.

— Если сделаю тебе больно или тебе будет некомфортно, скажи мне, — я заставил ее пообещать, прежде чем снова прикоснуться к ней.

— Ты не сделаешь мне больно, — ответила она, встретившись со мной взглядом. — Я знаю, что не сделаешь.

Я ухмыльнулся, почувствовав себя лучше.

— Сядь на кровать, — приказал я.

Она улыбнулась, повернулась к кровати и села на краю. Я подошел к ней, вставая между ее согнутых ног. Наклонившись, я провел ладонями по внутренней стороне ее бедер и стянул единственный кусочек ткани, который на ней оставался. Ли приподняла бедра, помогая мне освободить ее от трусиков, прежде чем лечь на матрас.

Я стащил свои боксеры, позволяя им упасть на пол, и взобрался к ней, отбрасывая пряди волос с ее лица. Ли закрыла глаза и снова прикусила губу — верный знак того, что она была близка к тому, где я хотел ее видеть.

— Ты такая сексуальная, — сказал я, пробегая языком вниз по ее шее.

— Даже когда выгляжу, как сейчас? — спросила она, зарываясь пальцами в мои волосы.

— Особенно так, как сейчас.

Есть что-то невероятно сексуальное в беременных женщинах. Ее изгибы полнее, изящнее. Смотреть на обнаженную женщину прекрасно, но видеть то, на что способно женское тело? Это чертовски невероятно.

Поцелуями я проделал путь по ее телу, по груди, по животу, к бедрам и затем медленно к ее центру. До этого момента я не понимал, насколько хотел ее. Всю ее — ее запах, ее вкус. Я боролся с желанием погрузиться в нее, потому что хотел, чтобы это чувство длилось дольше. Я

хотел преклоняться перед ней. Свести ее с ума так, как я научился это делать.

Я встал коленями на пол и притянул Ли ближе к краю кровати. На этот раз она была на идеальной высоте. Нежно провел по ней пальцами, чувствуя, насколько она мокрая. Я начал водить пальцами по кругу, и Ли приподняла бедра.

Я хмыкнул, возможно, немного самодовольно.

— Все такая же чувствительная.

Она только простонала в ответ.

Я больше не мог ждать, мне нужно было попробовать ее. Наклонив голову, я взял все, что она могла мне предложить. Я чувствовал, как Ли протянула руки через живот и зарылась пальцами в мои волосы, поэтому сильнее надавил языком, удерживая на месте своими руками. Она была невероятна на вкус. Лучше, чем я помнил. А звуки, которые она издавала? Только заставляли меня хотеть трахать ее сильнее, чем когда-либо. Она обернула ноги вокруг моей головы и задрожала, когда начала кончать.

— Боже, Шейн... да, — пробормотала она, комкая пальцами простыни.

Как только Ли начала успокаиваться, ее ноги упали на кровать. Я встал с пола и посмотрел на нее. Ее тело покраснелось, волосы растрепались. Ладонями она обхватила свою грудь и слегка сжимала ее, все еще отходя от оргазма.

— Я мог бы наблюдать за тобой часами, — сказал я.

Она открыла глаза и посмотрела на меня. Ли не остановилась и не застыдилась своих собственных прикосновений. Я чертовски любил это.

— Я хочу, чтобы ты взял меня. Жестко, — сказала Ли. — Затем можешь сидеть и смотреть на меня, сколько захочешь.

Я крепко сжал руки в кулаки.

— Как скажешь, Золотце.

Я сделал один шаг к кровати, поднимая ее ноги и оборачивая их вокруг своих бедер. Прежде чем начать, я встретился с ее жаждущим взглядом.

— Помни, если тебе будет некомфортно...

— Заткнись и трахни меня, — скомандовала она.

Я так и сделал.

Так, как она просила.

Жестко и быстро.

* * *

Несколько часов спустя я проснулся один в кровати. Оглядел комнату, прислушиваясь к звукам из ванной, но все было тихо.

— Ли? — крикнул я хриплым ото сна голосом.

Повернувшись, я увидел небольшой отблеск света в коридоре, и понял, где она.

Я встал, нашел свои брошенные боксеры и натянул их. Вышел в коридор и прошел в детскую. Дверь была приоткрыта ровно настолько, чтобы пропустить немного света в коридор. Открыв ее шире, я увидел, что Ли сидела в кресле и поглаживала голубое покрывало, лежащее на ее коленях.

— Что ты делаешь? — спросил я, напугав ее. Я подошел к ней и сел напротив. Ли нашла кое-какую мою одежду и надела.

— Я больше не могу спать всю ночь, — сказала она. — Я не хотела тебя будить.

Я пожал плечами.

— Ничего страшного.

Она откинула голову на спинку кресла и оглядела комнату.

— Я все еще не верю, что ты все это сделал, — сказала Ли.

— Ну, ты не слушала меня, поэтому пришлось тебе это показать, — сказал я, слегка поддразнивая ее.

Но она не улыбнулась и не засмеялась. Наоборот, она выглядела... печальной.

— Эй, эй... Что...

— Мне так жаль, Шейн. Мне тоже были ненавистны эти последние две недели. То, как мы с тобой ругались, как я давила на тебя. Все это... так чертовски... — она замолчала, ее плечи поникли.

— Да. Но мы уже прошли через это, — сказал я, поглаживая ее ногу, успокаивая.

— Я знаю, — кивнула она. — Но мне нужно это сказать. Мне так жаль. Мне было так страшно проходить через это одной, что я практически добилась этого. Я должна была верить в нас. Верить в тебя.

Я глубоко вдохнул.

— Я не облегчил твою задачу.

— И все же, — сказала она, выпрямляясь в кресле. Ли наклонилась ко мне и обхватила ладонями мое лицо. Я чувствовал ее мягкое дыхание на своих губах. — Я должна была верить в нас. Доверять твоим чувствам. Верить в то, что не я одна влюбилась. Что ты был со мной.

Я проглотил комок в горле.

— Всегда.

И я на самом деле имел это в виду. Я буду любить эту девушку до конца моих дней, и после тоже. Возможно, осознание этого и заняло у нас шесть лет, но оставшееся время я планирую потратить исключительно на нас.

— Ты мой краб, — сказал я, улыбаясь.

Она засмеялась, и это наполнило меня чувствами, которые я не смог распознать.

— Я люблю тебя, — сказала Ли, целуя меня.

Я обернул руки вокруг нее и прижал к себе, так как не хотел, чтобы между нами было пространство. Я кивнул в сторону двери.

— Готова вернуться в кровать?

— Ты иди, — начала она. — Я хочу остаться здесь еще ненадолго.

Я кивнул и встал. Но вместо того, чтобы уйти, я потянул ее с кресла и поменялся с ней местами, усаживая к себе на колени.

— Я слишком тяжелая, — зашпорила она, одновременно вжимаясь в мое тело.

— Переживу, — сказал я.

И я переживу. Мы переживем. Пока мы вместе, мы переживем все неожиданное, что встретится у нас на пути. Я чертовски сильно верил в это.

Ли

— Если этот ребенок не выйдет в скором времени, я сойду с ума, — сказала я громко, используя подлокотник нашего нового дивана, чтобы встать.

Я услышала смех, доносившийся из кухни, где Шейн готовил обед. В меню была простая паста с томатным соусом. Я просила его сделать мне только пару тостов с арахисовым маслом. Он даже не моргнул — он уже привык к моим просьбам. Шейн вышел из кухни с двумя тарелками в руках и поставил их на наш новый обеденный стол.

Я официально переехала три недели назад. На следующее утро после свадьбы, как только мы с Шейном выяснили наши отношения, он настоял на том, чтобы поехать ко мне домой и начать паковать вещи. Я сказала ему, что, может быть, нам стоит помедлить с переездом. Начать с того, что я буду оставаться на пару ночей в неделю, перевозить вещи постепенно, но он изо всех сил начал сопротивляться.

— Нет, — сказал он. — Когда я просил тебя переехать, я имел в виду сейчас. Не на следующей неделе или в следующем месяце, а сейчас. Скоро нас уже будет трое. И я очень жду этого, но я хочу тебя всю для себя, хотя бы еще ненадолго. Так что надевай свои туфли и пошли.

Как я могла с ним спорить?

Мы поехали в мою квартиру и начали упаковывать вещи, чтобы мне хватило до тех пор, пока переезд не будет закончен. Мы также упаковали детские вещи, которые скопились у меня. Одежда, подгузники, одеяла, мыло, очищающие средства, игрушки, бутылочки. Кажется, мы больше были озабочены тем, что понадобится ребенку, а не мне. Я не подумала о Брайане до тех пор, пока мы не приехали в мой новый дом.

— Где он сейчас живет? — спросила я Шейна, который устанавливал пеленальный столик. Небольшая ухмылка появилась на его губах.

— У меня хорошая новость и плохая, — сказал он скромно.

— Хорошо, — ответила я с любопытством.

— Хорошая — он нашел прекрасное место очень быстро, — начал он.

— Это хорошая, — согласилась я. — А плохая?

Улыбка озарила его лицо.

— Это на этаж выше.

— Он переехал наверх? — спросила я, посмотрев на потолок, как будто могла увидеть его через слои цемента.

— Ага. У нас теперь есть собственный Джоуи.

И Шейн был прав. У нас действительно был наш собственный Джоуи. Брайана гостил у нас в любое время дня и ночи. Я приходила домой и видела, как Брайан сидел за столом и ел нашу еду. Иногда я просыпалась, а он уже сидел и пил кофе, читая газету на нашем диване. И я не возражала особо. Он поменял всю свою жизнь, чтобы я могла устроиться, даже если и это всего лишь на этаж выше.

Съев полную миску пасты и огурчиков, я прошла к нашему новому, но невероятно дорогому дивану. Мама Шейна купила его для нас в качестве подарка на новоселье, несмотря на то, что Шейн жил в этой квартире уже много лет. Но я не собиралась жаловаться. Теперь у нас был огромный мягкий диван светло-голубого цвета с более темными подушками. Он замечательно смотрелся с нашим новым кофейным столиком цвета грецкого ореха. Ничто из этого не было в стиле Шейна, но он был так счастлив от нашего совместного проживания, что был готов согласиться на все, что я хотела. Мне было даже немного неудобно, что я использую это в своих интересах. Ну, совсем чуть-чуть.

Помыв посуду и убравшись, Шейн присоединился ко мне, и мы заняли нашу обычную позу — я лежу на диване, мои ноги покоятся на его бедрах, а он массирует мои отекающие ноги.

— Знаешь, — начал он, — я читал, что секс может ускорить роды.

Приоткрыв один глаз, я посмотрела на него.

— Это мужчина написал?

Я похожа на чертова кита, а когда стою, не могу видеть свои ноги. Я не хотела секса. Ни с Шейном, ни с кем бы то ни было. Если бы Райан Гослинг вошел бы в эту дверь прямо сейчас, я бы сказала и ему приходить в другой раз.

Шейн засмеялся и продолжил массажировать мои ноги.

— Просто предложил, — сказал он, прежде чем взять пульт и включить игру. Я была слишком уставшей, чтобы предложить смотреть что-то другое.

Я не заметила, как заснула, но, вероятно, так и было, потому что тихие ободряющие звуки разбудили меня. Это и какое-то расстройство желудка. Я открыла глаза и увидела Брайана, сидящего в кресле рядом со мной с пивом в руке.

— Привет, — сказал он, заметив, что я зашевелилась и села.

— Где Шейн? — спросила я слабо.

— В другой комнате, разговаривает по телефону, — сказал он и снова вернул внимание к телевизору. Полностью выпрямившись, я сделала глубокий вдох и скривилась, когда почувствовала давление в животе. Я положила руку на живот, пытаюсь «поговорить» с ребенком и успокоить его. Но ребенок не слушался.

Затем я издала легкий стон, и Брайан взглянул на меня, делая глоток своего пива.

— Ты в порядке? — спросил он, приподняв брови.

— Да, — кивнула я. — Желудочный спазм. Пройдет.

Он кивнул, но выглядел неуверенно.

Я воспользовалась подлокотником, чтобы встать, но как только я это сделала, меня пронзила новая боль внизу живота.

— Ого, — сказала я, используя плечо Брайана, чтобы не упасть. Это еще раз привлекло его внимание, и он повернул голову в мою сторону. Но не поднял глаза, а уставился на то, что было перед ним.

— Ты только что написала в штаны? — спросил он, слегка скривившись.

Я посмотрела вниз, но не увидела ничего за своим огромным животом.

— Что? Нет! Я имею в виду, я так не думаю, — сказала я, поворачивая голову под разными углами, стараясь увидеть то, что видел Брайан.

Затем я почувствовала это.

Еще одна волна жидкости потекла из моего тела, и мои леггинсы промокли до колен. И это я смогла увидеть.

— О, Господи.

— Что? — сказал Брайан, наконец-то посмотрев на меня. — О, Господи. Что?

Слова выходили медленно, как будто я не могла поверить в то, что происходило.

— Я. Думаю. У меня отошли...

Но у меня не было шанса закончить предложение, потому что крик Брайана заглушил все:

— Ш-е-е-ейн!

* * *

Роды были такими, как все говорят, и такими, про которые не упоминал никто. Почти год я растила это маленькое существо внутри себя. Потратила месяцы на подготовку к родам. Мое тело готовилось, подстраивалось. Я проходила через это в течение нескольких месяцев. Дата родов была еще через неделю, но я уже была готова к этому. Я устала от беременности. Я устала ждать. Я устала.

До тех пор, пока не отошли воды.

Наконец-то подошло время к тому, что я больше не буду беременной. Мое желание сбывалось, а я хотела все вернуть назад.

Внезапно я оказалась не готова к тому, что больше не буду беременной. Я не могла отпустить это. Мне нужно было больше времени. Больше времени, чтобы закончить читать те книги. Больше времени, чтобы запомнить режим кормления. Больше времени, чтобы подготовиться к тому, чтобы не быть беременной. Очень странно, но я была расстроена из-за этого. Не говоря уже о чертовской боли, которая поджидала меня. Кто, черт возьми, может хотеть этого?

Но Шейн взял на себя ответственность. В этот раз он взял все под свой контроль. Он мягко и спокойно повторил все, о чем писалось в книгах по подготовке к родам. Он говорил мне, что я была самой сильной женщиной, которую он встречал. Что мы оба готовы к этому, и он будет рядом со мной на каждом шагу.

Я посмотрела прямо в его глаза, когда он сказал это, и так спокойно, как могла, сказала ему идти и трахнуть самого себя, потому что он не имел никакого понятия о том, через что мне предстоит пройти.

И я была права. Он понятия не имел. Но и я не имела.

Через все крики, слезы, мольбы об обезболивающем, через несчетные часы настоящей пытки, через то, как я тужилась, через пот, через всю работу, мы смогли все преодолеть. Как пара.

По крайней мере, Шейн сказал, что все закончено.

Но я знала лучше. Я все смогла. Это я часами тужилась, чтобы вытолкнуть ребенка наружу. Сильная пара? Ни черта. Это я супергерой.

Но когда я увидела его, держащего нашего малыша, завернутого в розовое одеяльце, я не стала озвучивать свои мысли. Потому что без него я бы не была здесь сейчас и не смотрела бы на свою дочь.

Нашу дочь. И из-за этого я решила дать ему немного поблажки.

— Это не мальчик, — сказала я, борясь с тем, чтобы оставаться с открытыми глазами.

— Да, — сказал Шейн, отказываясь отвести от нее взгляд. — Она определенно не мальчик. Я дважды проверил сам.

— Ты разочарован? — спросила я с любопытством. И волнением.

Он тут же отвел взгляд от нее и посмотрел на меня, а затем опять вернул внимание к нашей дочке.

— Я ни за что ее не променяю.

Шейн был бесповоротно влюблен в этот трехкилограммовый комочек. Маленькая девочка полностью похитила его сердце, отодвигая меня на задний план.

Меня это только заставило улыбнуться.

— Нужно придумать ей имя, — сказала я, стараясь изо всех сил выпрямиться, но все еще не чувствуя ног.

— Какие мысли? — спросил он, посмотрев на меня.

— Ты первый.

Он посмотрел на нее и сказал:

— Амелия.

— Звучит как Наталия, — сказала я ему, определенно я не была уставшей настолько, чтобы скрыть резкость в голосе.

Он начал закатывать глаза, но потом подумал.

— Хиллари.

— Как Клинтон?

— Ладно, зануда, — сказал он, смеясь. — Давай твои предложения услышим.

— Хлоя.

— Как Кардашьян? — спародировал он мой прежний тон.

— Отлично... Как насчет Алексис?

Он покачал головой и пробежался пальцами по ее крошечному сморщенному личику.

— Ее будут обзывать Секси Лекси.

Я откинула голову на подушку, пытаясь придумать имя, на которое мы оба согласились бы. И оно пришло.

— Как насчет Шарлиз. В честь твоей мамы.

Шейн посмотрел на меня, удивленный моим предложением.

— Правда? — спросил он.

— Да, — кивнула я. — Твоя мама так удивительно ко мне относилась все это время. Я думаю, это отличный способ поблагодарить ее. И мне нравится это имя.

Шейн улыбнулся.

— Мне тоже нравится, — сказал он и посмотрел на нашу девочку. — Привет, Шарлиз, — мягко сказал он ей. И на этом, мило зевнув, она проснулась. А затем этот мягкий звук превратился в самый пронзительный визг, который я когда-либо слышала.

— Голодная, я думаю, — сказал Шейн, передавая ее мне, чтобы покормить. Медсестра уже приходила, чтобы показать, как ее лучше кормить. К счастью, сейчас все было гораздо понятнее.

Я смотрела, как Шейн направился к столу, где лежали какие-то бумаги, и начал писать.

— Имя... Шарлиз. Фамилия... — он посмотрел на меня. — Напишем через дефис?

Я покачала головой.

— Нет, просто Карлайл.

— Ты не хочешь, чтобы я записал Кессел? — удивился он.

— Зачем? Озадачивать ее и всех вокруг? Мне не нужно писать мою фамилию на бумаге, чтобы доказать, что она наполовину моя. Я потратила часы, чтобы вытолкать ее из себя. Я знаю это. И она поймет это когда-нибудь, — сказала я.

Шейн засмеялся.

— Я тебя люблю.

— Хорошо. Потому что ты официально застрял со мной на следующие восемнадцать лет, — сказала я ему, смотря на Шарлиз.

Он наблюдал, как я кормила нашу дочку, и я знала, даже не смотря на него, в его глазах было

абсолютное обожание.

— Я с тобой на гораздо более долгий срок, — сказал он.

Я посмотрела на Шейна, закусив губу.

И я тоже. Я знала без всяких сомнений, что я с ним на всю оставшуюся жизнь.

После того, как Шарлиз поела и опять заснула, Шейн напомнил мне о том, что нам осталось сделать, прежде чем мы позволим всей публике, которая сидела и ждала в коридоре, зайти. Он вытащил камеру из сумки.

— Семейная фотография на стену, — сказал он.

Я застонала, начала спорить, что ужасно выгляжу и слишком усталая, но он поцелуем заставил меня замолчать.

— Для меня ты выглядишь самой красивой, — сказал он, отстраняясь.

Я ненавидела Шейна за то, что у него всегда находились нужные слова.

Он дал мне минуту, чтобы убрать волосы и нанести немного блеска для губ. Если фотография будет висеть на стене много лет, и все это будут видеть — конечно он мог дать мне пару минут, чтобы немного освежиться.

Шейн установил камеру и включил таймер, затем быстро подбежал к кровати и сел рядом со мной. Одну руку он обернул вокруг меня, а второй поглаживал головку Шарлиз. Сработал таймер, включилась вспышка, но мы не обратили на это внимания. Только не тогда, когда у нас было что-то такое прекрасное, чтобы сфокусироваться на этом.

Шейн

Два года спустя

В квартире было тихо. Слишком тихо. Непривычно тихо. Несколько лет назад тишина была моим любимым звуком. Я мог работать за компьютером, редактируя фотографии часами и не отвлекаясь. Я мог многого достичь за эти часы покоя, потеряться в работе. Я расцветал в эти часы.

Сейчас, когда я сидел перед компьютером и не слышал ни звука, мне было некомфортно. Я не мог сконцентрироваться. Мне не нравилось это. Тишина и покой уже не были для меня нормой.

Нормой были взрывы детского смеха, слова вперемешку, не законченные предложения, но я мог понять все, что мне было сказано. Как будто это был секретный язык, который понимали только мы с Ли. Крики, отдающиеся эхом в каждой комнате, вне зависимости от того, где кричали. Громяхающие кастрюли и сковородки, разбросанные игрушки, образовательные мультики по телевизору. Такой была моя жизнь.

Но сейчас ничего такого не происходило.

Если бы вы спросили меня, сколько бы я заплатил за такую тишину пару лет назад, я предложил бы все, что у меня есть. Я все еще содрогался от полночного крика.

Тот первый год был адом на земле. Я думал, мы с Ли видели все самое худшее друг в друге. Те несколько недель, которые мы провели врозь — это было ничто. Прибавьте к этому бессонные ночи, и вы увидите, на что действительно способны люди, какими невыносимыми они могут быть. И мы такими были, но я бы не променял это ни на что на свете.

Потому что на каждый ужасный момент, когда я затыкал уши и хотел ударить кого-нибудь, находилось несколько идеальных, красивых, смешных, достойных фотографии моментов, и я забывал обо всем остальном. Между злостью и враждой, я влюблялся в Ли все сильнее и сильнее с каждым днем. Я не думал, что это было возможно, влюбиться в Ли сильнее, чем когда она рожала Шарлиз, но это случилось. И с тех пор с каждым днем я влюблялся все сильнее и сильнее.

Я мог смотреть, как Ли делала самые обычные вещи, и это завораживало меня. Когда она купала Шарлиз или танцевала на кухне, держа дочь на руках. Когда Шарлиз прикладывала свою маленькую ручку к щеке Ли, а та притворялась, что съест ее. Возглас радости Шарлиз, который она приберегала только для своей мамочки. Мое сердце выпрыгивало из груди каждый раз.

Не знаю, почему Ли так боялась стать мамой. Она прекрасная мама. Это правда. Первые несколько недель были для нас сложными, когда мы не знали, что нам делать. Все те книги были просто тратой денег. Но спустя какое-то время мы нашли свой ритм, она взяла бразды правления на себя и проделала огромную работу. И ни разу я не забывал, насколько мне повезло. И Ли не надо было мне напоминать. Я сам прекрасно знал, какой я счастливчик.

Когда Ли вернулась на работу, нужно было привыкнуть к этому. Она очень нервничала, когда нужно было оставлять Шарлиз, но так же нервничала из-за возвращения в офис. После того, как она ушла в длительный отпуск по уходу за ребенком, ее жизнь вращалась вокруг разговоров про сыпь от подгузников и о детях, которые в состоянии проспять всю ночь. Шарлиз была не из таких. Хотя больше всего Ли волновало интеллектуальное развитие нашей малышки.

Но в тот первый день, когда Ли вернулась на работу, когда она надела свою форменную юбку-карандаш и блузку с V-образным вырезом, взяла свой портфель в одну руку, а Шарлиз в

другую, я был полностью поражен женщиной, которой она стала. Оставив Шарлиз в группе дневного пребывания, она нацепила улыбку и отправилась завоевывать юридический мир. Я гордился ею. И даже больше этого, когда она сказала мне, что дождалась десяти тридцати, чтобы позвонить в садик и проверить Шарлиз. Я не осмелился упомянуть тот первый час, когда она названивала мне почти плача от волнения. Но мы пережили этот первый день и все последующие тоже.

Ли пошла укладывать Шарлиз спать двадцать минут назад. Иногда мы с Ли считали минуты до тех пор, пока наша малышка отправится в кровать. Но иногда я сам упрашивал ее остаться еще на пять минут, чтобы поиграть с ней.

Я встал, едва притронувшись к работе, и тихонько прошел в комнату Шарлиз. Дверь была немного приоткрыта, единственный свет был от ее ночника с изображением принцессы. Я приоткрыл дверь пошире, чтобы мне лучше было видно комнату, и увидел еще один пример, доказывающий, что я могу влюбиться в эту женщину еще сильнее. Мне очень повезло, потому что влюбиться — это прекрасно, но влюбиться в своего лучшего друга — это невероятно.

Ли лежала вместе с дочуркой в ее маленькой кроватке; бортики были опущены, чтобы она могла легко выбраться. Шарлиз спала, свернувшись рядом с мамой, а Ли читала ей своим тихим голосом. Волнистые каштановые волосы Шарлиз были убраны с ее закрытых зеленых глазок. Таких же зеленых, как и у меня. И, возможно, она и переняла это от меня, и мой цвет кожи тоже, но Шарлиз выглядела точно, как мамочка. Она была красавицей.

Несколько лет назад я и представить не мог таким свое будущее. Но теперь я бы не смог представить что-то другое. Хотя это не совсем правда. Есть кое-что, что я хотел бы изменить. Я уже говорил об этом Ли, но она только закатывала глаза. Но сейчас, наблюдая за тем, как она поглаживает пальцами кожу на своем плоском животе, я понимал, что мои слова засели глубже, чем она хотела показать.

Еще один ребенок.

Мы с Ли были единственными детьми, а я не хотел этого для Шарлиз. Я хотел, чтобы у нее был хотя бы один брат или сестра, с кем можно было играть и делиться игрушками. Когда я сказал об этом Ли, она сказала мне забыть об этом на какое-то время. Но теперь, наблюдая за тем, как она поглаживает живот, я думал, а не пришло ли это время?

И это подтолкнуло меня к еще одной детали, которую я хотел бы изменить. Ее безымянный пальчик был все еще без кольца. Я уже начал разрабатывать план, но Ли прервала мои размышления о кольце и предложении, когда заметила, что я стою, прислонившись к двери, и улыбаюсь. Она тихо и аккуратно выбралась из кроватки и направилась ко мне.

— Наконец-то, — сказала она, закрывая за собой дверь.

— Сколько историй ей понадобилось на этот раз? — спросил я, обнимая Ли за плечи.

— Четыре. Я пыталась сказать ей, что чем быстрее она заснет, тем быстрее настанет завтра и ее день с дядей Брайаном. Но она не купилась.

Я засмеялся. Хотя Шарлиз было только два года, на нее уже не действовали подобные фишки. Она уже не поддавалась на наши неубедительные доводы и не давала нам перехитрить ее. Уже не работали даже обещания про дядю Брайана. Это был один из самых больших сюрпризов.

Дядя Брайан.

С того момента, когда Брайан пришел в больницу, чтобы проведать Шарлиз, она вертела ним, как хотела. Я думал, что кричащий ребенок ему не по душе и он будет держаться от нас подальше, но вышло все наоборот. Брайан отказался уходить. Он пошел даже дальше и купил отдельный монитор для видео няни и установил в своей квартире.

— На случай, если вы, ребята, ее не услышите, — сказал он, расхаживая по нашей квартире,

когда Шарлиз было два месяца.

— Ты думаешь, мы не услышим этот чертовски пронзительный визг? — спросила Ли скептически.

— Следи за языком, — отчитал ее Брайан, качая головой. — Боже, Ли.

Как только Шарлиз подросла, Брайан настоял на том, чтобы проводить с ней полный день. Ли сначала немного нервничала из-за этого, но я обрадовался. Целый день для себя? Я напомнил Ли обо всех делах, которые мы смогли бы сделать, и она, наконец, согласилась. Мы начали с того, что позволили ему проводить с ней пару часов, затем полдня. Теперь мы кормили ее утром и забирали только к ужину.

Большую часть времени там была Кендалл, и от этого Ли чувствовала себя лучше. Настолько, насколько Брайан менялся, когда дело касалось Шарлиз, настолько он оставался прежним, когда дело касалось Кендалл. У них все еще были взлеты и падения, но в последний год они пришли к стабильному и уверенному подъему. Но теперь я понимаю их отношения. Кендалл была его крабом. Он любил ее на протяжении многих лет. Был влюблен в нее. Он просто учится гораздо медленнее, чем я.

Я подвел Ли к дивану, и мы вдвоем упали на него.

— Чем хочешь заняться завтра? — спросил я, перебирая пальцами ее волосы.

— Остаться в кровати, — сказала она, подавляя зевок.

Я усмехнулся.

— Я мог бы согласиться, — сказал я, высвободил ее волосы и положил ладонь ей на грудь, слегка сжимая.

Ли засмеялась, но не отстранилась. Наоборот, она немножко толкнулась грудью мне в руку, позволяя лучше ухватиться за нее.

— Осторожнее, Золотце, — сказал я шутливо, прежде чем провести языком у нее рядом с ухом. От этого жеста она всегда начинала дрожать. — Иначе я могу подумать, что ты готова к моему плану по расширению семьи.

— Мечтай, — ответила она.

Однако тон, с которым она сказала это, заставил меня насторожиться. Обычно она отшучивалась и отталкивала меня. Но сейчас Ли ничего такого не сделала. Наоборот, я почувствовал, как она крепче сжала мою руку, притянула меня ближе, а мой растущий стояк врезался ей в бедро. Я перевернул ее спиной на диван, и она оказалась подо мной. Мне потребовалось время, чтобы распознать выражение ее лица. Я видел возбуждение, такое же, какое она видела у меня, но было что-то еще. Что я видел у нее только один раз до этого.

Она сдалась.

— Золотце? — спросил я, ожидая подтверждения знаков, которые ясно видел.

Ли посмотрела на меня сквозь отяжелевшие веки своими лукавыми глазами.

— Ты думаешь, что сможешь сделать еще одного, такого же идеального, как и она? — спросила Ли, кивая головой в сторону комнаты Шарлиз и расстегивая мой ремень одновременно.

Я усмехнулся.

— Я это знаю. Позволь мне доказать это тебе, — сказал я, прижимаясь к ее покрытой хлопком сердцевине. Я знал, она чувствовала, каким твердым я стал, и знала, что я чувствую, какая она горячая под этими штанами для йоги.

Ли подняла руки к моей груди и пальцами впиалась мне в грудь через рубашку.

— Ладно, Карлайл, — сказала она. — Покажи мне, что у тебя есть.

Я засмеялся.

— Как скажешь, Золотце.

Эпилог 2

Сначала приходит любовь...
Любовь всегда приходит первой.

*** КОНЕЦ ***